

International United Academy of Sciences

General question of world science

Collection of scientific papers

on materials

XIII International Scientific Conference

31.07.2021

Amsterdam 2021

General question of world science. Collection of scientific papers, on materials of the international scientific-practical conference 31.07.2021, Ed. SIC "Science Russia", 2021. - 108 p.

Общие вопросы мировой науки. Сборник научных трудов, по материалам международной научно-практической конференции. 31.07.2021. Изд. "Наука России", 2021. – 108 с.

DOI 10.18411/gq-31-07-2021

The collection of scientific papers of the materials collected from different areas of scientific knowledge. This publication contains all the materials that were sent to the XIII international scientific conference "**General question of world science**"

The collection is intended for researchers, teachers and students

All materials contained in the book, published in the author's version. The editors do not make adjustments in scientific articles. Responsibility for the information published in the materials on display, are the authors.

The electronic version of the collection is available online scientific publishing center «Science Russia" Site center: science-conf.com

UDC 001.1
LBC 60

© LJJournal, 2021

Contents

SECTION I. MEDICINE	5
Гарашова М.А.к., Алиева Э.М.к. Диагностическая ценность позитронно-эмиссионной томографии в диагностике опухолей репродуктивных органов в постменопаузе	5
Магеррамов П.М.о. Сравнительная оценка результатов ультрафиолетового кроссликинга роговицы в комбинации с имплантацией интрастромальных роговичных колец при лечении кератоконуса	8
Наджафова В.А.к. Оценка нарушений субпопуляций лимфоцитов у детей с железодефицитной анемией.....	13
Сметанин В.Н. Эффективность современных технологий инфекционной безопасности в профилактике ИСМП.....	15
Тимербулатов М.В., Шорнина А.С., Ибрагимов Д.Р. Сочетание гернио- и абдоминопластики: основные аспекты и современный взгляд на симультанные операции.....	18
Hasanova S.Y.k. To the question of the treatment of pancreatic necrosis.....	25
Mamedov G.M., Mamedova G.M., Daurov A.A., Negru E.A., Lozheva A.E., Zarutskiy E.S., Nikulin I.D. Innovative method for prevention of complications of perineotomy with the application of modern suture material with antibacterial coating	28
Moskalets O.V. Antibodies to biotherapeutic drugs as one of the possible mechanisms for reducing the effectiveness of targeted therapy	30
Nabahat H., Davidian O., AzaditalabDavoudabadi F., Tahan M., Boroumand Z., Asakereh S., Esmailnezhad M., Esmailnezhad M. Evaluation of influencing factors (age, sex, number of teeth, type and quality of teeth) on the development of dry socket (alveolar osteitis) after tooth pull (clinical study)	31
SECTION II. MODELING	35
Polyakova I.S., Khisamov F.G. Mathematical modeling of commissioning activities using differential equations of dynamic transitions and the Monte Carlo method	35
SECTION III. ECONOMY	38
Пильщикова Т.А. Методика планирования аудиторской деятельности	38
Романова С.В., Марьянова С.А., Стебленко М.И. Информативность показателей бухгалтерской (финансовой) отчетности при привлечении потенциальных инвесторов	42
Beloshitskiy A.V. The role of the government in the development of green financing.....	47
Semagina A.S., Shulikov A.O. Prospects for the development of a public-private partnership in the fisheries management complex of the Kamchatka Krai.....	51
SECTION IV. PEDAGOGY	56
Вареницина Г.Г., Пономарева В.С. Система работы по формированию историко-краеведческих представлений у детей дошкольного возраста	56

Саакян Р.С. Лингвопсихологический аспект развития русской речи учащихся средствами произведений живописи.....	60
Скоробогатова О.Ю. Научно-исследовательская деятельность субъектов образовательного процесса (на примере Института традиционного прикладного искусства ФГБОУ ВО «Высшая школа народных искусств (академия)»	64
Шаповалова И.А. Технологии развития интерпретационной деятельности у студентов инновационных вузов России	69
SECTION V. PSYCHOLOGY	75
Валлис И. Факторы патогенеза и развития расстройств пищевого поведения.....	75
Seijo N. No One is on My Side: The Role of Abuse in Eating Disorders	79
SECTION VI. PHILOLOGY AND LITERATURE STUDIES	85
Аутлева Ф.А., Симбулетова Р.К., Шхумишхова А.Р. Лирика поэтов разных стран в переводах С. Маршака	85
Гейдарова Э.А. Метафорические номинации в лексике трудовой деятельности (на материале русского островного говора Азербайджана).....	89
SECTION VII. ORGANISATION MANAGEMENT	94
Наумова А.В. Особенности формирования системы внутреннего контроля в компаниях малого и среднего бизнеса	94
SECTION VIII. PHILOSOPHY	98
Чумаков В.А. К вопросу созидания разумного социализма.....	98

SECTION I. MEDICINE**Гарашова М.А.к., Алиева Э.М.к.****Диагностическая ценность позитронно-эмиссионной томографии в диагностике опухолей репродуктивных органов в постменопаузе***Азербайджанский медицинский университет
(Азербайджан, Баку)**doi 10.18411/gq-31-07-2021-01***Аннотация**

Были проведены ретроспективное (301 больная) и проспективное (306 больных) исследования у женщин с опухолями репродуктивных органов в постменопаузе. Средний возраст обследуемых женщин, включенных в проспективное исследование, составил $59,3 \pm 0,4$ (43-75) лет, ретроспективное исследование – $61,6 \pm 0,4$ года. Длительность постменопаузального периода была в пределах $9,8 \pm 0,4$ года. У всех больных были определены показатели гормонов и онкомаркера СА-125, было проведено эхографическое исследование гениталий. По показаниям были проведены МРТ и ПЭТ-КТ исследования. 22 больным со злокачественными опухолями гениталий различной локализации была проведена ПЭТ. Предварительно было установлено, что из 22 больных у 10 (45,5%) был рак яичников, у 4 (18,2%) рак шейки матки, у 4 (18,2%) рак молочной железы, у 3 (13,6%) рак эндометрия и 1 (4,5%) больной был рак вульвы. При этом, рак яичника проявляется наличием малигнизированных гиперметаболических очагов различной степени интенсивности в аднексальных областях, малигнизированных гиперметаболических лимфоузлов сильной выраженности в парааортальных, паракавальных, подвздошных областях, а также наличием метастазов в отдаленных органах. Рак эндометрия, проявлялся наличием малигнизированных гиперметаболических очагов высокой интенсивности в области тела матки, а также наличием малигнизированных гиперметаболических лимфоузлов в проекциях обоих наружных и внутренних подвздошных сосудов, паховых, парааортальных областей.

Ключевые слова: Постменопаузальном период, позитрон-эмиссионная томография, рак яичников, рак эндометрия.

Abstract

Retrospective (301 patients) and prospective (306 patients) studies were conducted in women with genital tumors in postmenopause. The average age of the examined women included to the prospective study was 59.3 ± 0.4 (43-75) years, and the retrospective study was 61.6 ± 0.4 years. The duration of the postmenopausal period was within 9.8 ± 0.4 years. All patients were conducted determination of levels of hormones and tumor marker CA-125, an echographic study of the genitals was performed. According to indications, MRI and PET-CT studies were performed. PET was performed in 22 patients with malignant genital tumors of various locations. Previously, it was found that out of 22 patients, 10 (45.5%) had ovarian cancer, 4 (18.2%) cervical cancer, 4 (18.2%) breast cancer, and 3 (13.6%) endometrial cancer and 1 (4.5%) patient had vulvar cancer. At the same time, ovarian cancer is manifested by the presence of malignant hypermetabolic foci of varying degrees of intensity in adnexal regions, malignant hypermetabolic lymph nodes in paraaortic, paracaval, iliac regions, as well as the presence of metastases in distant organs. Endometrial cancer was manifested by the presence of malignant hypermetabolic foci of high intensity in the area of the uterus, as well as the presence of malignant hypermetabolic lymph nodes in the projections of both the external and internal iliac vessels, inguinal, and para-aortic regions.

Keywords: Postmenopausal period, positron emission tomography, ovarian cancer, endometrial cancer.

Чаще всего ПЭТ применяется для диагностики злокачественных опухолей и метастазов. Сущностью данной методики является визуализация злокачественных и метастатических процессов в виде «горячих» очагов на фоне окружающей здоровой ткани. Для проведения данного метода исследования применяется аналог глюкозы – F^{18} -фтордезоксиглюкоза (^{18}F -ФДГ). В основе применения данной методики лежит наличие более интенсивного гликолиза в опухолевых клетках. Продолжительность периода полураспада ^{18}F -ФДГ составляет 109 минут, что дает возможность проводить исследование всего тела. Применение ПЭТ позволяет определить распространенность злокачественного процесса, распространенность опухолевого процесса, а также оценку эффективности терапии [1,2,]. В настоящее время ПЭТ является одним из высокоинформативных методов диагностики рака яичников, диагностическая ценность которого составляет 86%, чувствительность 96%. При проведении данного исследования метастазы рака яичников проявляются в виде многочисленного мелкоочагового канцероматоза брюшины [3, 4].

Чувствительность ПЭТ в диагностике рецидивов рака яичников составляет 83-91%, в то время как чувствительность КТ и МРТ составляет 45,9% [5].

Цель исследования - определение информативности ПЭТ-КТ в диагностике опухолей репродуктивных органов в постменопаузе.

Материалы и методы исследования. В исследование были включены ретроспективный анализ историй болезни 301 женщины с различными опухолями органов репродуктивной системы. В проспективное исследование были включены 306 женщин с доброкачественными и злокачественными опухолями гениталий в постменопаузальном периоде. Все больные получили лечение в Онкологической Клинике Азербайджанского Медицинского Университета и в Национальном Онкологическом Центре Азербайджанской Республики. Средний возраст обследуемых женщин, включенных в проспективное исследование, составил $59,3 \pm 0,4$ года. По данным ретроспективного исследования возраст женщин был в пределах $61,6 \pm 0,4$ года. Длительность постменопаузального периода у больных, включенных в проспективное исследование, была в пределах $9,8 \pm 0,4$ года.

Данное исследование включало проведение клинического обследования больных, определение выраженности климактерического синдрома по шкале Куппермана. У больных были определены уровни гормонов и биохимические показатели крови, а также показатели онкомаркера СА-125. Всем больным было проведено эхографическое исследование гениталий. По показаниям были проведены МРТ и ПЭТ-КТ исследования. ПЭТ-КТ исследования проводились на аппарате Biograph mCT-S40 PET-CT фирмы Siemens (Германия) в центре ядерной медицины при Национальном Онкологическом Центре.

Результаты исследования и обсуждение. При проведении настоящего исследования с целью определения локализации, распространения неоплазии гениталий, а также определение наличия метастазов была проведена ФДГ-ПЭТ 22 больным со злокачественными опухолями гениталий различной локализации. Средний возраст обследованных больных составил $59,5 \pm 4,89$ (43-75) лет. Предварительно было установлено, что из 22 больных у 10 (45,5%) был рак яичников, у 4 (18,2%) рак шейки матки, у 4 (18,2%) рак молочной железы, у 3 (13,6%) рак эндометрия и 1 (4,5%) больной был рак вульвы (Таб.).

Таблица

Характеристика пациентов с опухолями гениталий различной локализации в постменопаузальном периоде, включённых в ПЭТ исследование

Характеристика пациентов	Рак яичников	Рак шейки матки	Рак эндометрия
Количество пациентов	10	4	3
Средние показатели возраста	59.1 ± 0.5	52.3 ± 0.4	62.4 ± 1.0
Гистологический тип опухоли	серозная аденокарцинома (n=7),	Плоскоклеточная карцинома	Аденокарцинома(n=3)

	муцинозная аденокарцинома (n=2), эндометриоидная аденокарцинома (n=1)	(n=4)	
Общее количество тазовых очагов	33	19	12
Среднее количество очагов (по пациентам)	3.30+/-0.57	4.75+/-1.09 (p1 = 0.219)	4.00+/-1.15 (p1 =0.564; p2 = 0.669)

По данным ПЭТ – КТ рак яичника проявляется наличием малигнизированных гиперметаболических очагов различной степени интенсивности в аднексальных областях, малигнизированных гиперметаболических лимфоузлов сильной выраженности в парааортальных, паракавальных, подвздошных областях, а также наличием метастазов в отдаленных органах, проявляющихся малигнизированием гиперметаболических очагов различной степени интенсивности в легких, ободочной кишки, печени, а также в большом сальнике и поверхности перитона. У 1 больной визуализировались малигнизированные гиперметаболические тромбы средней интенсивности в полости левой яичниковой, внутренней подвздошной, а также в полости нижней полой вены. У 2 больных определялись малигнизированные гиперметаболические очаги различной интенсивности в суп...аклавикулярной и аксиллярной областях, а также в области обеих плечевых костей, грудных и поясничных позвонков, крестца и тазовых костей. У 2 больных определялась постоперативное рецидивирование опухоли, проявляющееся наличием малигнизированных гиперметаболических очагов высокой и средней интенсивности в параректальной и пресакральной областях, в области S-образной кишки, а также в области рубца на передней брюшной стенке.

По данным ПЭТ-КТ рак шейки матки проявлялся наличием у 4 больных малигнизированного гиперметаболического очага высокой интенсивности в проекции матки, наличием малигнизированных лимфоузлов высокой интенсивности в проекции общих, внутренних и наружных подвздошных сосудов, а также в клетчатке параметральной области с признаками инвазии в мочеточнике.

У 4 больных на фоне рака молочной железы отмечались метастазы в яичнике, проявляющиеся наличием малигнизированными гиперметаболическими очагами высокой интенсивности в области одного или обоих яичников, а также наличием малигнизированных гиперметаболических очагов различной интенсивности в большом сальнике, в проекции наружных и общих подвздошных сосудов, а также наличием гиперметаболических очагов высокой интенсивности в парааортальных, паракавальных, аксиллярных областях. У 1 больной были отмечены малигнизированные гиперметаболические очаги в аппендикулярной и алиоцекальной областях. У 1 больной было выявлено наличие солидного контрастируемого образования в проекции матки диаметром 5-6 см, расцениваемого как миома матки.

По данным ПЭТ-КТ у 3 больных были выявлены рак эндометрия, проявляющийся наличием малигнизированных гиперметаболических очагов высокой интенсивности в области тела матки, а также наличием малигнизированных гиперметаболических лимфоузлов в проекциях обоих наружных и внутренних подвздошных сосудов, паховых, парааортальных и лизентерических областей. У 1 больной была определена постоперативная рецидивная опухоль в нижней трети прямой кишки, проявляющаяся наличием гиперметаболического очага высокой интенсивности.

У 1 больной с раком вульвы в результате ПЭТ-КТ были визуализированы малигнизированный гиперметаболический очаг высокой интенсивности в областях вульвы, а также малигнизированные гиперметаболические лимфоузлы в обеих паховых областях.

По данным многочисленных исследований показана достаточно высокая эффективность ПЭТ с 18F-ФДГ при дифференцировке злокачественных и доброкачественных новообразований репродуктивных органов. Так, было установлено, что чувствительность метода составляет 83%, а специфичность — 78%. У больных с подозрением на новообразования яичников чувствительность и специфичность метода составляли соответственно 93 и 80% [5].

Применение ПЭТ для диагностики рака эндометрия не имеет преимуществ над ультразвуковым исследованием и МРТ малого таза. Но при этом метод является достаточно эффективным и точным для выявления инвазии опухоли в цервикальный канал [6,7].

Заключение. Таким образом, данный радиологический метод исследования позволяли четко дифференцировать наличие опухолей репродуктивных органов, определить распространенность процесса, а также наличие региональных и отдаленных метастазов.

ПЭТ-КТ является высокоинформативным методом, позволяющим с высокой точностью определить первичный опухолевый очаг при раке гениталий различной локализации, оценить наличие диссеминации опухоли в близлежащие и отдаленные органы, выявить наличие рецидивной опухоли, а также оптимизировать методы лечения и оценить эффективность его результатов.

Полученные результаты позволяют рекомендовать ПЭТ-КТ в качестве высокочувствительного и специфичного метода диагностики злокачественных опухолей гениталий в постменопаузальном периоде.

1. Рыжкова ДВ, Винокуров ВЛ, Павлова ВС, Рогачев МВ. Позитронная эмиссионная томография в онкогинекологии. Сибирский онкогинекологический журнал. 2013;56(2): 77-83.
2. Gorospe L, Jover-Diaz R, Vicente-Bartulos A. Spectrum of PET-CT pelvic pitfalls in patients with gynecologic malignancies. *Abdom.Imaging.* 2012; 37(6):1041-1065.
3. Klumpp BD, Schwenzer N, Aschoff P. Preoperative assessment of peritoneal carcinomatosis: intraindividual comparison of 18F-FDG PET/CT and MRI. *Abdom.Imaging.* 2013; 38: 64-71.
4. Soussan M, Des GG, Barrau V. Comparison of FDG-PET/CT and MR with diffusion-weighted imaging for assessing peritoneal carcinomatosis from gastrointestinal malignancy. *Eur.Radiol.* 2012; 22:1479-1487.
5. Schmidt S, Meuli RA, Ahtari C, Prior JO. Peritoneal Carcinomatosis in Primary Ovarian Cancer Staging: Comparison Between MDCT, MRI, and 18F-FDG PET/CT. *Clin.Nuclear Med.* 2015; 40(5): 371-377.
6. Zhou Z, Liu X, Hu K. The clinical value of PET and PET/CT in the diagnosis and management of suspected cervical cancer recurrence. *Nucl Med Commun.* 2018;39:97-102.
7. Antonsen SL, Jensen LN, Loft A, Berthelsen AK, Costa J, Tabor A, et al. MRI, PET/CT and ultrasound in the preoperative staging of endometrial cancer - a multicenter prospective comparative study. *Gynecol Oncol.* 2013 Feb; 128(2):300-8. doi: 10.1016/j.ygyno.2012.11.025.

Магеррамов П.М.о.

Сравнительная оценка результатов ультрафиолетового кросслинкинга роговицы в комбинации с имплантацией интрастромальных роговичных колец при лечении кератоконуса

*Национальный Центр Офтальмологии имени академика З. Алиевой
(Азербайджан, Баку)*

doi 10.18411/gq-31-07-2021-02

Аннотация

В Национальном Офтальмологическом Центре имени академика З.Алиевой были оперированы по поводу кератоконуса (II-III стадия) 48 пациента (48 глаз) с применением ICRS, 32 пациента (32 глаз) с применением CXL, 21 пациента (21 глаз) с применением комбинации ICRS и CXL. Операции были выполнены по классическим протоколам. До операции и после операции (через 8 месяцев) все пациенты были

обследованы с применением стандартной программы: визометрия с определением некоррегированной и максимально некоррегированной остроты зрения (НКОЗ и МКОЗ), авторефрактометрия и офтальмометрия на вершине кератоконуса (K_{max}), пахиметрия и оптическая когерентная томография роговицы (Cirrus HD-OCT-5000, Carl Zeiss) с определением толщины эпителиального слоя, кератотопография с помощью Шаймифлюг анализатора роговицы (Wavelight Oculyzer -ALCON), микроскопия с подсчетом плотности эндотелиальных клеток (TOMEY E.M.-3000).

Дооперационная характеристика пациентов по возрасту, полу, НКОЗ и МКОЗ, а также по кератометрическим показателем сходная, что дает возможность проводить адекватное сравнение результатов оперативного вмешательства. У больных через 8 месяцев после операции статистически значимо улучшились основные функциональные (НКОЗ и МКОЗ) и рефракционных показатели роговицы. Это подтверждает эффективность всех вариантов (CXL, ICRS, CXL+ICRS) хирургических вмешательств. Сравнение этих показателей в послеоперационном периоде в группах пациентов, оперированных применением CXL, ICRS и их комбинации (CXL+ICRS), позволили выявить статистически значимое различие только по величине НКОЗ, которая составляла $0,42 \pm 0,04$ при CXL, $0,40 \pm 0,05$ при ICRS и $0,55 \pm 0,04$ при комбинации CXL с ICRS.

Комбинация ультрафиолетового кросслинкинга роговицы (CXL) и имплантации интрастромальных роговичных колец (ICRS) существенно повышает некорректированную остроту зрения, чем отдельное применение CXL и ICRS.

Ключевые слова: сравнительная оценка, ультрафиолетовый кросслинлинг роговицы, интрастромальное роговичное кольцо, кератоконус.

Abstract

At the National Ophthalmological Center named after Academician Z. Aliyeva of the Ministry of Health of AR 32 patients (32 eyes) have been operated only with using CXL, 48 patients (48 eyes) - with using only ICRS and 21 patients - with using of combination of CXL and ICRS (ICRS first, then CXL after 24 hours) for treatment of keratoconus of II-III stages due to Amsler M. classification. Before and after surgery (8 months later) all patients were examined with application of the standard program: visometry with the determination of uncorrected and maximum uncorrected visual acuity (NCVA and MCVA), autorefractometry and ophthalmometry at the apex of keratoconus (K_{max}), pachymetry and optical coherence tomography of the cornea (Cirrus HD-OCT-5000, Carl Zeiss) with determination of the thickness of the epithelial layer, using the Scheimiflug corneal analyzer (Wavelight Oculyzer -ALCON), microscopy with counting the density of endothelial cells (TOMEY EM-3000).

Pre-operational characteristics of patients due to age, gender, NCVA and MCVA, also according to keratomethrical features are similar, what let us conduct an adequate comparison of the results of surgery. This confirms the effectiveness of all options (CXL, ICRS, CXL + ICRS) of surgical interventions. Comparison of these indicators in the postoperative period in the groups of patients operated on with the use of CXL, ICRS and their combination (CXL + ICRS) revealed a statistically significant difference only in the value of NCVA, which was $0,42 \pm 0,04$ for CXL, $0,40 \pm 0,05$ for ICRS and $0,55 \pm 0,04$ for the combination of CXL with ICRS.

The combination of ultraviolet corneal crosslinking (CXL) and intrastromal corneal ring implantation (ICRS) significantly improves uncorrected visual acuity than the use of CXL and ICRS separately.

Keywords: comparative assessment, ultraviolet corneal crosslinking, intrastromal corneal ring, keratoconus.

Деструктивные изменения коллагена роговицы характерны для кератоконуса, требуют применение различных методов лечения (кросслинлинг роговицы, имплантация интрастромальных роговичных колец, кератопластика и прочие). В последние годы стали часто применять сочетание этих методов, которые имеет разные

механизмы лечебного эффекта. Интрастромальные роговичные кольца (ICRS) представляют собой устройства из синтетического материала, имплантация их способствует выравниванию роговицы. Кросслинкинг роговицы (CXL) благодаря применению рибофлавина в сочетании с ультрафиолетовым облучением увеличивает образование внутри фибриллярных и межфибриллярных ковалентных связей. Разные механизмы лечебного эффекта ICRS и CXL позволяет их применять комбинированно для улучшения результатов операции [1]. Опубликованы результаты различных вариантов сочетанного применения ICRS и CXL [2,3,4,5]. Все исследователи считают более эффективным комбинированное лечение кератоконуса, хотя мета анализ многочисленных работ не дает убедительное подтверждение об обязательном использовании этого подхода.

Цель исследования: сравнительно оценить результаты CXL и ICRS при изолированном и комбинированном применении для лечения кератоконуса.

Материалы и методы исследования. В Национальном Офтальмологическом Центре имени академика З.Алиевой были оперированы по поводу кератоконуса (II-III стадия) 48 пациента (48 глаз) с применением ICRS, 32 пациента (32 глаз) с применением CXL, 21 пациента (21 глаз) с применением комбинации ICRS и CXL. Операции были выполнены по классическим протоколам. До операции и после операции (через 8 месяцев) все пациенты были обследованы с применением стандартной программы: визометрия с определением некоррегированной и максимально некоррегированной остроты зрения (НКОЗ и МКОЗ), авторефрактометрия и офтальмометрия на вершине кератоконуса (K_{max}), пахиметрия и оптическая когерентная томография роговицы (Cirrus HD-OCT-5000, Carl Zeiss) с определением толщины эпителиального слоя, кератотопография с помощью Шаймифлюг анализатора роговицы (Wavelight Oculyzer -ALCON), микроскопия с подсчетом плотности эндотелиальных клеток (TOMEY E.M.-3000).

Результаты исследования и их обсуждение. Демографическая и клиническая характеристика пациентов по группам в зависимости от вида хирургического лечения кератоконуса приведена в таблице 1.

Таблица 1

Демографическая и клиническая характеристика пациентов с кератоконусом до операции в первом этапе

Признаки	Градация признаков	До операции						p
		ICRS		CXL		ICRS + CXL		
		n	%	n	%	n	%	
Пол	Мужчины	36	75,0	22	68,8	14	66,7	>0,05
	Женщины	12	25,0	10	31,2	7	33,3	
Возраст, годы	Менее медианы (30)	26	54,2	17	53,1	9	42,9	>0,05
	≥ 30	22	45,8	15	46,9	12	57,1	
Острота зрения без коррекции	Менее медианы (0,20)	28	58,3	16	50,0	13	61,9	>0,05
	$\geq 0,20 < 0,40$	20	41,7	16	50,0	8	38,1	
Острота зрения с максимальной коррекцией	Менее медианы (30)	24	50,0	18	56,3	11	52,4	>0,05
	$\geq 30 < 0,60$	24	50,0	14	43,7	10	47,6	
Сферический компонент рефракции, дптр	Менее медианы (-1,0)	21	43,8	17	53,1	8	38,1	>0,05
	$\geq -1,0 < +1,5$	27	56,3	15	46,9	13	61,9	
Цилиндрический компонент рефракции, дптр	Менее медианы (-2,0)	20	41,7	18	56,3	11	52,4	>0,05
	$\geq -2,0 < +1,0$	28	58,3	14	43,7	10	47,6	

Средняя кератометрия, дптр	Менее медианы (46,0)	25	52,1	18	56,3	7	33,3	>0,05
	≥46,0	23	47,9	14	43,7	14	66,7	
Максимальная кератометрия, дптр	Менее медианы (50)	26	54,2	16	50,0	11	52,4	>0,05
	≥50	22	45,8	16	50,0	10	47,6	
Минимальная кератометрия, дптр	Менее медианы (43)	21	43,8	15	46,9	9	42,9	>0,05
	≥43	27	56,2	17	53,1	12	57,1	
Центральная толщина роговицы, μm	Менее медианы (470)	23	47,9	18	56,3	9	42,9	>0,05
	≥470	25	52,1	14	43,7	12	57,1	

Из этих данных очевидно, что дооперационная характеристика пациентов по возрасту, полу, НКОЗ и МКОЗ, а также по кератометрическим показателем сходная, что дает возможность проводить адекватное сравнение результатов оперативного вмешательства. Данные о динамике (до операции и через 8 месяцев после операции) основных показателей роговицы в зависимости от вида операции приведены в таблице 2.

Таблица 2

Показатели состояния роговицы до и после кросслинкинга роговичного коллагена (CXL) имплантации интрастромального кольца (ICRS) и сочетанного их применения

Показатели	CXL		ICRS		CXL + ICRS	
	до	после	до	после	до	после
Острота зрения без коррекции	0,15±0,03	0,42±0,04●	0,13±0,03	0,40±0,03●	0,12±0,03	0,55±0,04● ▲
Острота зрения с максимальной коррекцией	0,36±0,04	0,80±0,061●	0,38±0,03	0,79±0,03●	0,31±0,04	0,89±0,03●
Цилиндрическая рефракция	-3,20±0,12	-3,00±0,13	-3,26±0,14	-2,96±0,14	-3,22±0,13	-2,84±0,14
Сферическая рефракция	-2,11±0,12	-1,89±0,10	-2,04±0,11	-1,88±0,10	-2,08±0,11	-1,87±0,10
Сферический эквивалент, D	-5,61±0,14	5,10±0,11●	-5,50±0,11	5,18±0,14●	-5,58±0,11	5,08±0,12●
Кератометрия передней поверхности на крутой оси, D	50,90±0,91	50,11±0,12●	50,81±0,12	50,32±0,11●	50,78±0,10	50,11±0,12
Кератометрия задней поверхности на крутой оси, D	-7,65±0,08	-7,78±0,07	-7,68±0,09	-7,80±0,07	-7,65±0,08	7,80±0,07
Толщина вершины роговицы, μm	456±4,1	448±3,8	458±4,5	445±4,2	459±4,1	446±4,0
Объем роговицы mm ³	57,0±0,2	56,1±0,3●	56,9±0,3	55,8±0,2●	56,8±0,3	55,4±0,2●
Асферичность (Q)	-0,85±0,05	-0,89±0,06	-0,84±0,05	-0,88±0,04	-0,85±0,04	-0,88±0,04
Индекс прогрессирования	2,26±0,05	2,49±0,06●	2,27±0,05	2,50±0,06●	2,26±0,05	2,51±0,07●
Астигматизм	4,85±0,21	4,34±0,21	4,86±0,22	4,35±0,22	4,88±0,22	4,28±0,25
Индекс дисперсии поверхности (ICV)	95,5±5,6	75,4±2,8●	99,0±3,1	76,5±3,3●	98,0±2,9	74,5±3,1●
Индекс	1,06±0,08	0,82±0,07●	0,99±0,07	0,84±0,07●	1,02±0,08	0,72±0,09●

вертикальной асимметрии (IVA)						
Индекс кератоконуса (KI)	1,25±0,01	1,19±0,01●	1,28±0,02	1,21±0,01●	1,22±0,01	1,15±0,02●
Индекс асимметрии по высоте (ИНА)	26,2±1,3	23,8±1,2●	26,4±1,5	24,0±1,2●	26,5±1,3	22,9±1,2●
Индекс регулярности поверхности (SRI)	1,2±0,10	0,9±0,11●	1,21±0,11	0,98±0,10●	1,30±0,12	0,94±0,11●
Индекс асимметрии поверхности (SAI)	2,9±0,08	2,5±0,10●	2,98±0,09	2,61±0,12●	3,01±0,14	2,68±0,14●

▲ - $p < 0,05$ (сравнение после операционных данных)

● - $p < 0,05$ (сравнение с дооперационными данными)

Очевидно, что у больных через 8 месяцев после операции статистически значимо улучшились основные функциональные (НКОЗ и МКОЗ) и рефракционных показатели роговицы. Это подтверждает эффективность всех вариантов (CXL, ICRS, CXL+ICRS) хирургических вмешательств. Сравнение этих показателей в послеоперационном периоде в группах пациентов, оперированных применением CXL, ICRS и их комбинации (CXL+ICRS), позволили выявить статистически значимое различие только по величине НКОЗ, которая составляла $0,42 \pm 0,04$ при CXL, $0,40 \pm 0,05$ при ICRS и $0,55 \pm 0,04$ при комбинации CXL с ICRS. Остальные параметры были разными, но при этом, как правила статистически значимое различие на было подтверждено.

В большинстве работ по комбинированному применению кросслинкинга роговицы и имплантации интрастромальных роговичных колец при лечении кератоконуса эффективность лечения оценена на основе сравнения функциональных и топографических показателей до и после операции [1-5]. В этом плане наши данные полностью соответствуют данным отмеченных исследователей. В нашей работе кроме выше отмеченных были получены данные о преимуществе комбинированного лечения кератоконуса. Полученные результаты предварительные, требуется дальнейшее наблюдение для доказательства большей эффективности комбинированных вариантов лечения.

Выводы. Комбинация ультрафиолетового кросслинкинга роговицы (CXL) и имплантации интрастромальных роговичных колец (ICRS) существенно повышает некорректированную остроту зрения, чем отдельное применение CXL и ICRS.

1. Andreanos K. D., Hashemi K., Pertelli M., Drautasas K., Georgalias I., Kymionis G.D. Keratoconus treatment algorithm // Ophthalmol Ther., 2017, 6:245-262;
2. d'Azy C.B., Pereira B., Chiambaretta F., Dutheil F. Efficacy of Different Procedures of Intra-Corneal Ring Segment Implantation in Keratoconus: a Systematic Review and Meta-Analysis // TVST, 2019, v.8, №3, p.1-19
3. Elsaftawy H.S., Ahmed M.H., Saif M.Y., Mousa R. Sequential intracorneal ring segments implantation and corneal transepithelial collagen cross-linking in keratoconus // Cornea, 2015, 34, 1420-1426
4. Ibrahim O., Elmassry A., Said A. et al. Combined femtosecond laser – assisted intracorneal ring segment implantation and corneal collagen cross-linking for correction of keratoconus // Clin. Ophthalmol., 2016, 10, 521-526
5. Gordillo C.H., Grandin J.C., Zaldivar R., Lotfi A. Efficacy of intrastromal corneal ring segments combined with flash collagen cross-linking in keratoconus // Cornea, 2017, 36, 144-147

Наджафова В.А.к.
Оценка нарушений субпопуляций лимфоцитов у детей с железодефицитной анемией

*Азербайджанский Государственный Институт Усовершенствования врачей
им. А. Алиева
(Азербайджан, Баку)*

doi 10.18411/gq-31-07-2021-03

Аннотация

Статья посвящена проблеме нарушения иммунитета у детей с железодефицитной анемией (ЖДА), проживающих в Азербайджане. Были выявлены более низкие показатели клеточного иммунитета (CD3, CD4, CD8). Относительное количество клеток CD3 в общей группе детей с ЖДА составило $52,7 \pm 4,35\%$, в контрольной группе - $62,6 \pm 5,49\%$, $p < 0,05$.

Проведенные исследования выявили положительную корреляцию клеток CD3, CD4, CD8 с гемоглобином и сывороточным железом. Результаты высокой силы связи коэффициента корреляции сывороточного железа с относительным количеством клеток CD3 и CD4 в общих группах детей с ЖДА ($r = 0,8$) показали, что дефицит железа играет большую роль для активности клеточного иммунитета. Таким образом, в статье показано ослабление как врожденного (NK-CD56), так и приобретенного (CD3, CD4, CD8) компонентов клеточного иммунитета. Полученные результаты могут быть оценены как нарушение иммунного баланса, связанное с недостаточностью клеточного иммунитета у детей с ЖДА.

Ключевые слова: дети, железодефицитная анемия, иммунная система, субпопуляции лимфоцитов.

Abstract

The article is devoted to the problem of impaired immune balance in children with iron deficiency anemia (IDA) living in Azerbaijan. Were identified lower indicators of cellular immunity (CD3, CD4, CD8). The relative number of CD3 cells in the general group of children with IDA was $52.7 \pm 4.35\%$, in the control group - $62.5 \pm 5.49\%$, $p < 0.05$. Studies have shown a positive correlation of CD3, CD4, CD8 cells with hemoglobin and serum iron. The results of the high strength of the relationship between the correlation coefficient of serum iron and the relative number of CD3 and CD4 cells in the general groups of children with IDA ($r = 0.8$) showed that iron deficiency plays an important role for the activity of cellular immunity. Thus, the article shows a weakening of both innate (NK-CD56) and acquired (CD3, CD4, CD8) components of cellular immunity. The results obtained can be assessed as a violation of the immune balance associated with a deficiency of cellular immunity in children with IDA.

Keywords: children, iron deficiency anemia, immune system, lymphocyte subpopulations.

Недостаточность железа является наиболее часто встречаемым дефицитом среди всех микроэлементов в человеческой популяции. Также ЖДА занимает первое место среди заболеваний, возникающих при нарушении питания. Самая высокая распространенность (42,6%) приходится на детей [1,2,3]. Статистические исследования также подтверждают наличие ЖДА среди детей, проживающих в Азербайджане. Железо играет важную роль в нормальном функционировании иммунной системы, в особенности, является ключевым компонентом ферментов, участвующих в процессе деления и роста иммунных клеток. С этой точки зрения, изучение негативного влияния дефицита железа на иммунную систему детей является также одной из актуальных проблем [4,5].

Таким образом, учитывая возможные изменения иммунного баланса при дефиците железа, оценка субпопуляций лимфоцитов у детей в возрасте от 6 месяцев до 5 лет послужило частью нашего исследования.

Цель работы: исследование субпопуляций лимфоцитов у детей в возрасте от 6 месяцев до 5 лет в Азербайджане, с целью изучения некоторых аспектов влияния ЖДА на клеточный иммунитет.

Материалы и методы: в исследовании были задействованы 123 детей в возрасте от 6 месяцев до 5 лет, амбулаторно поступивших в отделение детской поликлиники Национального Центра Гематологии и Трансфузиологии Азербайджана с сентября 2019 года по февраль 2020 года. По гематологическим и биохимическим показателям крови у 95 детей (58 мальчиков, 37 девочек) в возрасте от 6 месяцев до 5 лет была диагностирована анемия различной степени. Из них у 32 детей была диагностирована легкая степень ЖДА, у 37 детей - средняя степень ЖДА, и 26 детей имели тяжелую степень ЖДА. 28 детей (16 мальчиков, 12 девочек) были включены в исследование в качестве контрольной группы. Средний возраст детей с ЖДА составлял $29 \pm 15,6$ месяца, а средний возраст контрольной группы - $26 \pm 16,6$ месяца.

Для достижения цели исследования были использованы следующие методы исследования: для оценки лимфоцитов иммунной системы, проводилось исследование клеточных фракций субпопуляций лимфоцитов плазмы (CD3 - все Т-лимфоциты, CD4 - Т-хелперы, CD8 - цитотоксические Т-супрессоры, CD19 - В-лимфоциты, CD56 - природные клетки-киллеры) иммунофлюоресцентным методом (панель моноклональных антител, ООО «Сорбент», Россия) (Центральная научно-исследовательская лаборатория Азербайджанского Государственного Института Усовершенствования Врачей имени А. Алиева).

Результаты и их обсуждение. Результаты были получены в группе детей с ЖДА: HgB $94,59 \pm 3,23$ г/л в группе с легкой степенью ЖДА, $82,3 \pm 5,35$ г/л в группе со средней степенью ЖДА, $64,04 \pm 6,64$ г/л в группе с тяжелой степенью ЖДА и 118.04 ± 5.01 г/л - в контрольной группе.

В нашем исследовании общее относительное количество (%) Т-лимфоцитов (CD3) в группе с ЖДА было значительно ниже, чем в контрольной группе, что свидетельствует об отсутствии механизмов защиты Т-клеток, которые иммунологически контролируют антигенный гомеостаз в организме. CD3 (все Т-лимфоциты) в общей группе с ЖДА составил $52,7 \pm 4,35\%$, в контрольной группе $62,6 \pm 5,49\%$, $p < 0,05$. В ходе исследования измерялась величина коэффициента корреляции относительного количества клеток CD3 с гематологическими показателями крови (гемоглобин, сывороточное железо). В общей группе с ЖДА относительное количество клеток CD3 имело среднюю силу связи коэффициента корреляции с гемоглобином ($r = 0,74$) и сильную силу связи ($r = 0,8$) с сывороточным железом.

Относительное количество Т-хелперов (CD4) (%) в общей группе с ЖДА $27,1 \pm 2,78\%$, а в контрольной группе $31,6\% \pm 6,0\%$, $p < 0,05$. Относительное количество клеток CD4 также коррелировало с гемоглобином и сывороточным железом. Согласно результатам, величины коэффициентов корреляции в общей группе с ЖДА были $r = 0,63$ и $r = 0,8$, соответственно.

В группах с ЖДА также наблюдалось снижение уровня Т-цитотоксических супрессоров с поверхностным маркером CD8. Таким образом, оно составило $22,4 \pm 2,38\%$ в общей группе с ЖДА и $24,7 \pm 4,02\%$ в контрольной группе, $p < 0,05$. Результаты корреляции CD8 лимфоцитов с гемоглобином и сывороточным железом составляли соответственно $r = 0,53$, $r = 0,61$. Соотношение CD4/CD8 составило $1,21 \pm 0,11\%$ в общей группе с ЖДА и $1,29 \pm 0,16\%$ в контрольной группе. Была получена слабая сила связи коэффициента корреляции индекса CD4/CD8 с гемоглобином и сывороточным железом, оценка результатов была несущественной.

Относительное количество CD56+ (%) в общей группе с ЖДА $12.5 \pm 2.14\%$, а в контрольной группе $31.7\% \pm 2.27\%$. Это говорит об ослаблении цитолитической активности клеток CD56+. Разница в статистической точности для всех групп ЖДА клеток CD56+ составила $p < 0,05$ по сравнению с контрольной группой. Была получена средняя сила связи коэффициента корреляции клеток CD56+ с гемоглобином и сывороточным железом в общей группе ЖДА $r = 0.43$ и $r = 0.32$ соответственно.

Заключение:

Таким образом, для детей с ЖДА наблюдалась типичная картина:

- По мере увеличения тяжести ЖДА у детей наблюдалось значительное ослабление клеточного компонента приобретенного иммунитета (CD3, CD4, CD8). Высокая положительная корреляция сывороточного железа с относительным количеством клеток CD3 и CD4 в общей группе с ЖДА ($r = 0,8$) показала, что дефицит железа играет важную роль при ослаблении клеточного иммунитета.
- Дефицит также наблюдался в других естественных клетках-киллерах CD56, которые являются индикаторами врожденного иммунитета. Результаты могут быть оценены как нарушение иммунного баланса, связанное с дефицитом клеточного иммунитета у детей с ЖДА.

1. World Health Organization. Nutritional anaemias: tools for effective prevention and control. Geneva: World Health Organization. – 2017.
2. Kehl-Fie, TE, Skaar, EP. Nutritional immunity beyond iron: a role for manganese and zinc. *Curr Opin Chem Biol.* 2010; 14:218-224.
3. Eugene D Weinberg. Iron Availability and Infection. *Biochim Biophys Acta.* doi: 10.1016/j.bbagen.2008.07.002. Epub 2008 Jul 14.
4. Hassan TH, Badr MA, Karam NA, et al. Impact of iron deficiency anemia on the function of the immune system in children. *Medicine (Baltimore).* 2016;95(47):e5395. doi:10.1097/MD.0000000000005395
5. Hennigar SR, Mc Clung JP. Nutritional Immunity: Starving Pathogens of Trace Minerals. *Am J Lifestyle Med.* 2016;10(3):170–173. Published 2016 Feb 4. doi:10.1177/1559827616629117

Сметанин В.Н.

Эффективность современных технологий инфекционной безопасности в профилактике ИСМП

*Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова
(Россия, Рязань)*

doi 10.18411/gq-31-07-2021-04

Аннотация

Инфекции, связанные с оказанием медицинской помощи, представляют важную медицинскую и социальную проблему, так как и в настоящее время занимают одно из первых мест в структуре материнской заболеваемости и смертности. Применение новых диагностических и лечебных технологий позволило существенно уменьшить число тяжелых форм гнойно-воспалительных заболеваний и летальность от них.

Ключевые слова: инфекции, оказание медицинской помощи, заболеваемость, медицинское учреждение, инфекционная безопасность.

Abstract

Infections associated with the provision of medical care are an important medical and social problem, since they currently occupy one of the first places in the structure of maternal morbidity and mortality. The use of new diagnostic and therapeutic technologies has significantly reduced the number of severe forms of purulent-inflammatory diseases and cases of subsequent mortality.

Keywords: infections, medical care, morbidity, medical institution, infectious safety.

Заболеваемость инфекциями, связанными с оказанием медицинской помощи (ИСМП) отражает качество медицинской помощи, оказываемой населению, и существенно влияет на уровень экономических затрат. В настоящее время к проблеме ИСМП привлечено внимание медицинских работников различных специальностей: эпидемиологов, гигиенистов, клиницистов, организаторов здравоохранения. Вопросы профилактики ИСМП считаются приоритетным направлением научных исследований [1-4].

Инфекции, связанные с оказанием медицинской помощи представляют важную медицинскую и социальную проблему, так как и в настоящее время занимают одно из первых мест в структуре материнской заболеваемости и смертности. Применение новых диагностических и лечебных технологий позволило существенно уменьшить число тяжелых форм гнойно-воспалительных заболеваний и летальность от них. Несмотря на это, их частота остается высокой, составляя, по данным разных авторов, от 5 до 26% в мире [2, 5, 7].

В России точная статистика ИСМП среди акушерских стационаров отсутствует, но, по данным Федерального центра эпидемиологии и гигиены РФ, распространенность ИСМП среди всех стационаров составляет от 1-2%, что в свою очередь вызывает сомнение.

На протяжении последних 10-15 лет сепсис и септические послеродовые осложнения остаются в числе трех наиболее частых причин материнской смертности в РФ, составляя 26% в ее структуре. От септических акушерских осложнений во всем мире ежегодно гибнет около 150 тысяч женщин [3, 8, 10].

За последние годы появились факторы, способствующие повышению заболеваемости ИСМП:

- работа ЛПУ в условиях ограниченного финансирования;
- значительный рост числа резистентных к антибиотикам и дезинфектантам госпитальных штаммов;
- сложность проведения дезинфекции и стерилизации современной дорогостоящей медицинской аппаратуры.

Следует также отметить, что на российском рынке появилось большое количество новых зарубежных и отечественных дезинфицирующих средств, недостаточная и разноречивая информация о которых создает для ЛПО определенные трудности в выборе эффективных препаратов. Кроме того, многочисленные публикации по применению антибиотиков и иммуномодуляторов с целью предупреждения госпитальных инфекций также противоречивы, что не позволяет клиницистам широко включать их в комплекс профилактических мероприятий. Немаловажное значение имеет и отставание разработок нормативной документации федерального уровня, определяющей деятельность ЛПО и профилактику ИСМП на современном этапе [1, 7, 9].

Остаются актуальными и ранее указанные факторы возникновения ИСМП:

- создание крупных перинатальных центров со своеобразной экологией и интенсивными миграционными процессами;
- наличие в них большого массива источников инфекции;
- нерациональное применение антибиотиков;
- увеличение в популяции групп повышенного риска (недоношенные дети, новорожденные, беременные женщины и родильницы);
- несоответствие нормативам площадей и набора основных и вспомогательных помещений в ЛПО и нарушение в них санитарно-противоэпидемического и санитарно-гигиенического режимов;
- недостаточная компетентность медицинских работников, особенно среднего медицинского персонала, которому отводится основная роль в профилактике ИСМП.

В родовспомогательных учреждениях регистрируется 34% ИСМП [2, 5], в структуре которых ведущее место занимают гнойно-септические инфекции — их доля составляет от 60 до 85%.

К потенциально патогенным возбудителям заболеваний относят грамположительные (энтерококки, золотистый и эпидермальный стафилококки, стрептококки группы А и В), грамотрицательные (кишечная палочка, клебсиелла, протей, энтеробактерии, синегнойная палочка) аэробные бактерии. Среди анаэробных бактерий встречаются бактероиды, пептококки, пептострептококки. Микробные ассоциации обладают более выраженными патогенными свойствами, чем монокультуры, в связи с наличием синергизма между ними. Это явление носит название «Quorum Sensing», или «чувство кворума». Бактерии способны обмениваться друг с другом сигналами с помощью белковых молекул, и при накоплении определенного количества биомассы бактерий выделение ими факторов патогенности повышается.

За последнее десятилетие изменился видовой спектр возбудителей послеродовых гнойно-септических заболеваний. Наряду с лидирующей этиологической позицией грамотрицательных бактерий, увеличивается значимость грамположительной флоры. Если раньше основным этиологическим фактором по праву считалась кишечная палочка, реже — синегнойная палочка или протей, то сейчас ведущая роль принадлежит энтерококкам (до 65% всех случаев послеродовых гнойно-септических заболеваний). Это особенно важно знать, потому что энтерококки нечувствительны к цефалоспорином I и II поколения и аминогликозидам, которые чаще всего используются в акушерских стационарах.

Диагностическим критерием является количество микробных тел более 104 КОЕ/мл при бактериологическом исследовании, свидетельствующее о развитии инфекционного процесса.

Следует отметить, что возрастает также число заболеваний, вызванных микроорганизмами, передаваемыми половым путем (хламидии, микоплазмы, вирусы). Следует отметить, что микоплазмы (10%) и хламидии (2%) вызывают вялотекущие формы эндометритов, нередко присоединяясь к первичным возбудителям инфекции.

ИСМП утяжеляют общее состояние пациентов и увеличивают продолжительность пребывания их в стационаре. По данным ВОЗ, летальность в группе лиц с ИСМП значительно (в 10 раз и более) превышает летальность среди аналогичных групп больных без ИСМП.

Ликвидация ИСМП, возникающих в ЛПО, и лечение пораженных ими пациентов требуют значительного бюджетного финансирования. Минимальный экономический ущерб, наносимый ИСМП ежегодно в Российской Федерации, составляет около 5 млрд. руб.

Значимость профилактики ИСМП резко повышается при переходе на принципы социального страхования. Этому способствует и лицензирование медицинских учреждений, поскольку лицензия на право медицинской деятельности возлагает на ЛПО юридическую ответственность за каждый случай внутрибольничного заражения.

Существенным моментом в совершенствовании профилактики ИСМП является создание мотивации в деятельности персонала.

В настоящее время нельзя отказываться от командно-административных и экономических методов управления, которые предполагают материальные поощрения и наказания.

Чрезвычайно важным считаем разработку и совершенствование нормативно-методической документации, регламентирующей проведение гигиенических и противоэпидемических мероприятий в ЛПО, поскольку многие положения существующих документов устарели и требуют скорейшего пересмотра.

Необходимо также повысить действенность санитарно-эпидемиологического надзора за ЛПО.

Хочется надеяться, что проведенное исследование поможет правильно оценить ситуацию и определить приоритетные меры борьбы с ИСМП в ЛПО различного профиля.

1. Акимкин В.Г., Музыченко Ф.В. Профилактика внутрибольничных инфекций в лечебно-профилактических учреждениях Министерства обороны Российской Федерации//Военно-медицинский журнал. — 2007. — № 9. — С. 51-56.
2. Брусина Е.Б., Рычагов И.П. Эпидемиологическое значение внутрибольничных инфекций в хирургии и роль различных источников инфекции//Главная медицинская сестра. — 2007. — № 9. — С. 97-102.
3. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 05.10.2004 №3 «О состоянии заболеваемости внутрибольничными инфекционными болезнями и мерах по их снижению».
4. Онищенко Г.Г. О состоянии заболеваемости внутрибольничными инфекционными болезнями//Стерилизация и госпитальные инфекции. — 2006. — № 1. — С. 5-7.
5. Письмо Роспотребнадзора от 02.10.2007 №0100/99380732 «О заболеваемости ВБИ в Российской Федерации»//Главная медицинская сестра. — 2007. — № 12. — С. 103-108.
6. Покровский В.И., Семина Н.А. Внутрибольничные инфекции: проблемы и пути решения//Эпидемиология и инфекционные болезни. — 2000. — № 5. — С. 12-14.
7. Покровский В.И., Семина Н.А., Ковалева Е.П. и др. Эпидемиология и профилактика внутрибольничных инфекций в Российской Федерации//Стерилизация и госпитальные инфекции. — 2006. — № 1. — С. 8-11.
8. Семина Н.А., Ковалева Е.П., Фролочкина Т.И. Организация эпидемиологического надзора за внутрибольничными инфекциями в России//В кн. Матер. 8 Съезда эпидемиологов, микробиологов и паразитологов. — М., 2002. — Т. 3. — С. 165-166.
9. Филатов Я.Я., Храпунова И.А., Емелина Ю.Э. и др. О санитарно-техническом состоянии лечебных учреждений г. Москвы и внутрибольничной заболеваемости за 2003 г.//Дезинфекционное дело. — 2004. — № 3. — С. 19-24.
10. Филяев В.Н., Мартова О.В., Абросимова Л.М. и др. Динамика уровня и структуры заболеваемости внутрибольничными инфекциями в Астраханской области// Эпидемиология и инфекционные болезни. — 2004. — № 3. — С. 17-18.

Тимербулатов М.В., Шорнина А.С., Ибрагимов Д.Р.

Сочетание гернио- и абдоминопластики: основные аспекты и современный взгляд на симультанные операции

*ФГБОУ ВО Башкирский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения Российской Федерации
(Россия, Уфа)*

doi 10.18411/gq-31-07-2021-05

Аннотация

Темп современной жизни акцентирует выбор на решении нескольких задач в максимально короткие сроки. Проведение симультанных оперативных вмешательств на передней брюшной стенке позволяет достичь решения комплекса проблем за одну операцию. Выполнение герниопластики с одномоментной коррекцией деформации передней брюшной стенки открывает возможность решить вопросы не только функционального, но и эстетического характера. Индивидуальный подход и знание ведущих хирургических методик, использовавшихся передовыми специалистами, позволяет применять наиболее высокоэффективные и безопасные методы, получить ряд технических преимуществ, снизить процент неудовлетворенности результатами хирургического лечения и минимизировать осложнения. В статье представлен анализ мировой научной литературы, освещающий актуальные аспекты гернио- и абдоминопластики, преимущества и недостатки изолированных и симультанных операций в области передней брюшной стенки, основные хирургические моменты выполняемых оперативных вмешательств. Данная работа направлена на улучшение

результатов хирургического лечения пациентов с анатомо-функциональными проблемами передней брюшной стенкой.

Ключевые слова: герниопластика, абдоминопластика, симультанная герниоабдоминопластика, вентральная грыжа, диастаз прямых мышц живота.

Введение

Хирургическое лечение грыж передней брюшной стенки остается актуальной проблемой, так как велика распространенность данной патологии, и тенденции к снижению таких больных не отмечается. По литературным данным, частота вентральных грыж в общей популяции составляет 11,7-20,9% [1, 2]; на долю грыж приходится до 20% всех операций, выполняемых в хирургических стационарах [3]; ежегодно же во всем мире количество грыжесечений составляет около 20 млн.[4].

Важно заметить, что наличие первичной или послеоперационной вентральной грыжи часто сопровождается диастазом прямых мышц живота. Данные проблемы взаимосвязаны и требуют обоюдной коррекции. Выраженный диастаз прямых мышц живота приводит к нарушениям функции брюшной стенки и тора в целом [5]. Учитывая весомую долю среди пациентов с диастазом прямых мышц живота у женщин молодого и среднего возраста, формулируются косметические показания к его коррекции. Часто вышеназванные проблемы сочетаются с абдоминоптозом, деформированным кожно-жировым лоскутом.

Этиология и патогенез этих проблем имеет общую природу, а именно сочетает хроническое повышение внутрибрюшного давления, врожденные анатомо-морфологические особенности строения («слабость») передней брюшной стенки, различные варианты врожденной или приобретенной дисплазии соединительной ткани [6]. Наиболее значимыми факторами риска развития данных проблем являются беременность, морбидное ожирение. При беременности общепринятым является расширение белой линии живота, а также изменения в самих мышцах, что в свою очередь приводит к послеродовому диастазу и в части случаев, формированию грыж [7].

По данным ВОЗ в 2016 году более 1,9 миллиарда взрослых старше 18 лет имели избыточный вес. Из них свыше 650 миллионов страдали ожирением. Пациенты с индексом массы тела (ИМТ) более 31кг/м² склонны к развитию послеоперационных грыж, что делает бариатрических пациентов наиболее восприимчивыми к такому роду осложнений. Это связано с перерастяжением и расслоением апоневроза и мышц передней брюшной стенки, являющихся основным каркасом и барьером на пути образования грыж. Также установлено, что при избытке массы тела до 20% рецидивы грыжи возникали в 37,2%, а более 60% – в 85,2% наблюдений [8].

В настоящее время лечение деформаций передней брюшной стенки в сочетании с грыженосительством представляет собой не только эстетическую и функциональную задачу, но зачастую решает проблемы социальной адаптации каждого конкретного пациента. Грамотное определение вида деформации и степени птоза мягких тканей передней брюшной стенки, наличие вентральной грыжи и диастаза прямых мышц живота имеет большое значение для выбора тактики и техники хирургического лечения [9]. Анализ научной литературы за последние несколько лет позволяет проследить динамику основных осложнений и хирургические аспекты реабилитационного периода.

Известно, что генерализованное ожирение является значительным фактором риска возникновения многочисленных послеоперационных осложнений [10]. Ожирение является одной из основных причин, ухудшающей результаты герниопластики. Симультанная герниоабдоминопластика патогенетически обоснованное оперативное вмешательство у пациентов с избыточной массой тела и наличием абдоминоптоза, страдающих вентральными грыжами. Актуальность проблемы хирургической

коррекции абдоминальных деформаций у пациентов с избыточной массой тела обусловлена не только большим количеством осложнений раннего и позднего послеоперационного периода, рецидивов, но и неопределенностью в тактико-методологических подходах. Объективная оценка предлагаемых способов лечения данного контингента больных, основанная на анализе физического и психического компонентов здоровья, является важнейшим критерием оценки рациональности и правильности алгоритмов лечения.

Бурдин В.В. и соавт. за период 1997–2005 гг. проанализировали ход и результаты лечения 69 больных с симультанными операциями, сочетающими абдоминопластику и герниопластику. В ближайшем послеоперационном периоде серома была у одного пациента, гематома – у двух. С этими осложнениями им удалось справиться несколькими пункциями и последующей компрессией области раны. Частичный краевой некроз в средней трети послеоперационной раны зафиксирован у одного пациента. После формирования четкой границы некроз иссечен, края раны сведены без косметического дефекта. У другого пациента в области латеральных участков послеоперационного рубца отмечалась деформация по типу «собачьих ушей», что потребовало хирургического иссечения. Результаты оперативных вмешательств отслежены через год: повторного провисания передней брюшной стенки, рецидива грыжи не было. Все пациенты остались довольны функциональными результатами операций. По мнению авторов, сочетанные с абдоминопластикой операции избавляют от повторных вмешательств, создают оптимальные условия для герниопластики и удовлетворяют эстетические запросы пациентов [11].

В 2011 г. К. Harth и соавт. в своем исследовании выявили, что при выполнении абдоминопластики с грыжесечением и установкой сетчатого эндопротеза послеоперационные осложнения увеличивались в 5 раз в основном за счет воспалительных явлений в укрепленной области. По мнению авторов, для восстановления мышечно-апоневротического каркаса после коррекции вентральной грыжи предпочтительно расположение сетки Sublay или Inlay, в противном случае соприкосновение эндопротеза с раневой поверхностью мягких тканей передней брюшной стенки увеличивает риск возникновения воспалительных реакций [12].

В том же году, Ботезата А.А. и соавт. утверждают, что при грыжесечениях больших и гигантских послеоперационных, рецидивных срединных грыж в сочетании с ожирением III–IV степени показана абдоминопластика. Они отмечают, что, несмотря на травматичность операций (в среднем удаляли от 3 до 10 кг жира), дерматолипэктомия не отражалась на активности больных в раннем послеоперационном периоде. Избавившись от лишнего жира, они, наоборот, становятся более подвижными, рано поднимаются с больничной койки. Все местные осложнения проявлялись краевыми ишемическими некрозами кожи и подкожной жировой клетчатки. В отдаленные сроки (катамнез 10 лет) отмечено 5 (3,8%) случаев рецидивов грыж. При этом пациенты, которым выполнена абдоминопластика, удовлетворены не только отсутствием рецидива заболевания, но и существенным снижением веса, отсутствием деформации передней брюшной стенки и в целом улучшением качества жизни. Среди пролеченных ими больных большинство 158 (84%) составили женщины, которым не безразлична конфигурация живота, что является немаловажным социальным аргументом [18].

Несколькими годами позже Ширанов А.Б. и соавт. в статье от 2017г. представили результаты сравнительного анализа двух групп пациентов: 1 группа, 35 человек, составили пациенты, которым выполнялась только герниопластика; 2 группа, 38 человек, пациенты у которых герниопластика дополнялась абдоминопластикой. Обе группы наблюдались в раннем, позднем и отдаленном послеоперационном периоде. Во всех случаях выполнена ненапряжная герниопластика с использованием сетчатых эксплантов. Выполнение абдоминопластики существенно увеличивало длительность

операций, но этот факт не влиял на частоту послеоперационных осложнений. Соотношение осложнений у пациентов 1 группы к 2 группе следующий: рецидив грыжи 2:1; грубый послеоперационный рубец 1:2; несимметричность передней брюшной стенки 6:0; диастаз прямых мышц живота 4:2; всего осложнений 16:5. Полученные результаты позволяют заключить, что выполнение симультанного вмешательства (герниоабдоминопластики) значительно повышают качество жизни пациентов с данной патологией, вне зависимости от размеров грыж. У пациентов 2 группы все изучаемые показатели были достоверно выше [13].

В 2020 г. Асланов А.Д. и соавт. в своем исследовании подтвердили, что у больных с ожирением часто встречаются грыжи передней брюшной стенки, требующие симультанной хирургической коррекции. Они подчеркивают, что преимуществами данного метода оперативного вмешательства является удобный доступ ко всем органам брюшной полости, особенно при гигантских грыжах. Для ненатяжной герниопластики использовали сетчатые полипропиленовые эндопротезы фирмы «ЛИНТЕКС». Пластику выполняли по методике Рамиреса с расположением сетчатого протеза внутрибрюшинно. Количество и характер послеоперационных осложнений следующий: серома 12,8%, гематома 2,6%, лимфорея 12,8%, гнойно-воспалительные осложнения 10,3%, всего 38,5%. По мнению авторов, причинами развития осложнений абдоминопластики являются не только исходное состояние организма (ожирение, чрезмерно развитая толщина подкожной жировой клетчатки и другие), но и техника ее выполнения (несоблюдение профилактических мероприятий, повышенная травматизация тканей в ходе операции). Сочетание ненатяжной герниопластики и абдоминопластики дают более эффективный эстетический и функциональный результат [14].

Большое внимание по прежнему уделяется выбору метода пластики вентральных грыж. Этот вопрос актуален как для изолированной герниопластики, так и для симультанной герниоабдоминопластики [15].

В 2019г. в своей статье Манзур Ахмед и соавт. представили сравнительный анализ пластики послеоперационных вентральных грыж методами Onlay и Sublay. В исследование были включены 65 пациентов с послеоперационными вентральными грыжами. В Группе 1 (33 пациента) была проведена пластика сетки методом Onlay, а в Группе 2 (32 пациента) - методом Sublay. Авторами представлены следующие результаты: инфекция и расхождение раны были меньше в группе 2; образование серомы преобладало в группе 1; пребывание в стационаре менее продолжительно во 2-й группе; при контрольном осмотре через 6 мес. - в 1-й группе нет рецидива у 20 пациентов, во 2-й - у 12 пациентов. Группа 2 имеет определенное преимущество перед группой 1 в лечении послеоперационной грыжи. Повторная заболеваемость пациентов 2-й группы была ниже, чем 1-й [16].

Ильин А. и соавт. в 2019г. опубликовали сравнительный анализ долгосрочных результатов пластики послеоперационных вентральных грыж (incisional hernia repair (IHR)) методами Sublay и Onlay в сочетании с абдоминопластикой. В исследовании участвовали пациенты, потерявшие вес после обходного желудочного анастомоза по Ру (RYGB). Анализ и сравнение изменений качества жизни (QL) этих пациентов до RYGB, до и после симультанной пластики послеоперационной вентральной грыжи и абдоминопластики. В клиническом анализе приняли участие 40 пациентов с абдоминальной деформацией (после RYGB и массивной потери веса). 1 группе пациентов выполнялась пластика вентральной грыжи методом Sublay и абдоминопластика; 2 группе - пластика вентральной грыжи методом Onlay и абдоминопластика. Были представлены следующие результаты по осложнениям: аномальное заживление ран (2), пневмония (3) и дизестезия (3) у пациентов из группы 1, а также аномальное заживление ран (2), серома (2), пневмония (2) и дизестезия (4) у пациентов 2 группа. Повышено качество жизни в функциональном, эстетическом и

психологическом аспектах в обеих группах. По мнению авторов, одноэтапная пластика послеоперационной вентральной грыжи способами Onlay/Sublay с абдоминопластикой являются безопасными хирургическими методами, улучшающими функционирование пациентов после значительной потери веса (после RYGB). При симультанной пластике послеоперационной вентральной грыжи методом Sublay и абдоминопластики прослеживался более длительный промежуток времени проведения операции, дренирования, применения анальгетиков, мобилизации и диеты по сравнению с методом Onlay. Значительное улучшение качества жизни отмечалось после каждого последующего этапа хирургического лечения в обеих группах [17].

Существует достаточно большое количество пациентов с диастазом прямых мышц живота и наличием вентральной грыжи, но без избыточной массы тела и кожно-жирового фартука. Чаще всего это послеродовые изменения передней брюшной стенки. Хирургами повсеместно принят традиционный вариант открытого ушивания диастаза прямых мышц живота, выполняемый при абдоминопластике, а также при открытых методиках пластики грыж передней брюшной стенки [18,19]. Однако все большую популярность в последнее время набирают эндоскопические методики, такие как лапароскопическая IPOM - пластика и IPOM - пластика в сочетании с ушиванием диастаза прямых мышц живота; эндоскопическая тотальная экстраперитонеальная пластика eTEP (методика эндоскопической задней сепарационной пластики по Rives и Stoppa, eTEP TAR) и EMILOS (эндоскопически-ассистированная ретромускулярная пластика) [20]. Макаров И.В. и соавт. в статье за 2020г. описывают эндоскопическую подкожную пластику по методике Scola (Subcutaneous Onlay Laparoscopic Approach).

Эволюция методов лечения в хирургии привела к возникновению ряда новых методов, физиологически и анатомически обоснованных, которые можно объединить единым термином «эндовидеохирургические методы пластики» [21]. Этот раздел хирургии грыж и коррекции диастаза прямых мышц живота находится еще на начальной стадии своего развития, поэтому мало данных, позволяющих объективно оценить его клиническую эффективность и сравнить данные с существующими открытыми методиками [22]. С одной стороны - это снижение риска инфицирования, более быстрая реабилитация, отсутствие послеоперационного рубца; с другой стороны - нет четких критериев отбора пациентов, более технически затруднительная процедура, не всегда эстетически удовлетворительный результат (коррекция выраженного диастаза прямых мышц живота приводит к образованию значительного кожного избытка, который зачастую не способен сократиться).

Абдоминопластика в различных ее модификациях позволяет восстановить мышечно-апоневротический каркас передней брюшной стенки, помогает избавиться от контурных деформаций мягких тканей передней брюшной стенки, решая функциональные, гигиенические и эстетические проблемы [23]. Количество таких операций ежегодно возрастает, что предположительно связано с развитием бариатрических методов лечения, концепции восстановительных операций в послеродовом периоде и широким освещением эстетической хирургии в массовых медиа. Абдоминопластика (дерматолипэктомия), дополняя грыжесечение, во-первых, способствует уменьшению напряжения тканей передней брюшной стенки и снижению степени повышения внутрибрюшного давления. В результате облегчается сопоставление краев дефекта в мышечно-апоневротическом слое, что служит профилактикой рецидивов вентральной грыжи. Во-вторых, достигается косметический эффект операции [24].

Абдоминопластика входит в пятерку наиболее часто выполняемых эстетических операций. По статистическим данным ASAPS количество таких операций возрастает: 1997г. - 34002; 2011г. - 149410; 2012г. - 156508 [25]. Абдоминопластика является одной из наиболее часто комбинируемых операций в эстетической и реконструктивной хирургии [26].

Немаловажным преимуществом симультанно выполненных операций является то, что абдоминопластика позволяет получить технически удобный доступ при ненапряжной пластике грыж передней брюшной стенки любой локализации [27]. Сочетанное выполнение абдоминопластики и ненапряжной герниопластики передней брюшной стенки позволяет одновременно получить хороший эстетический и функциональный результат. К плюсам комплексного лечения следует отнести снижение необходимого количества наркоза и госпитализаций, одномоментное лечение и снижение финансовых затрат, сокращение срока реабилитации [10]. Абдоминопластика, дополненная липосакцией боковых отделов передней брюшной стенки, позволяет добиться более естественного и эстетически привлекательного контура живота.

Заключение

После анализа источников литературы, посвященных описаниям симультанной герниоабдоминопластики и изолированной коррекции грыж передней брюшной стенки, был сделан вывод, что оба метода имеют как свои значительные преимущества, так и отдельные недостатки. Неудовлетворительные результаты хирургического лечения, ряд определенных осложнений, противоречивость взглядов хирургов на данные оперативные вмешательства являются основным побудительным мотивом к поиску наиболее оптимального решения вопросов коррекции патологии передней брюшной стенки.

Клиническая практика показывает, что довольно высок процент пациентов с сочетанной патологией передней брюшной стенки (вентральная грыжа, диастаз прямых мышц живота, дряблость и истощенность кожного покрова передней брюшной стенки, наличие кожно-жирового птоза). Неудовлетворительный эстетический вид в сочетании с функциональными ограничениями у пациентов с абдоминоптозом и вентральной грыжей негативно влияет на характер пациента, его профессиональную и социальную жизнь; снижает двигательную активность и отрицательно сказывается на психоэмоциональном состоянии. Часть авторов склоняется к тому, что изолированные последовательно выполненные хирургические вмешательства менее травматичны и более прогнозируемы. Другая часть авторов склонна считать, что одновременное выполнение абдомино- и герниопластики имеет не только ряд значительных медицинских преимуществ (сокращение времени и количества оперативных вмешательств, широкий доступ для выполнения грыжесечения и ушивания диастаза прямых мышц живота, сокращение количества проведенных наркозов и т.д.), но социальное и экономическое значение.

1. Ahmed Alenazi A, Alsharif MM, Hussain MA, Alenezi NG, Alenazi AA, Almadani SA, Alanazi NH, Alshammari JH, Altimyat AO, Alanazi TH. Prevalence, risk factors and character of abdominal hernia in ArarCity, Northern Saudi Arabia in 2017. *Electron Physician*. 2017 Jul 25; 9(7):4806-11. doi: 10.19082/4806. eCollection 2017 Jul.
2. Sazhin A, Zolotukhin I, Seliverstov E, Nikishkov A, Shevtsov Y, Andriyash-kin A, Tatarintsev A, Kirienko A. Prevalence and risk factors for abdominal wall her-nia in the general Russian population. *Hernia*. 2019 Dec; 23(6):1237-42. doi: 10.1007/s10029-019-01971-3).
3. Цверов И.А., Базаев А.В. Хирургическое лечение больных с вентральными грыжами: современное состояние вопроса // *Соврем. технол. в медицине*. – 2010; 4: 122–7.
4. Kingsnorth A, LeBlanc K. Hernias: inguinal and incisional. *Lancet*. 2003 Nov 8; 362(9395):1561-71. doi: 10.1016/S0140-6736(03)14746-0
5. Matveev N.L., Makarov S.A., Kupriyanova A.S., Armashov V.P. Currently available synthetic implants used in abdominal wall reconstruction // *Bulletin of Medical University Reaviz*. - 2020. - № 3. - P. 74 - 84.

6. Blotta RM, Costa SS, Trindade EN, Meurer L, Maciel-Trindade MR. Collagen I and III in women with diastasis recti. *Clinics (Sao Paulo)*. 2018; 73:e319. <http://dx.doi.org/10.6061/clinics/2018/e319>
7. Sperstad JB, Tennford MK, Hilde G, et al. Diastasis recti abdominis during pregnancy and 12 months after childbirth: prevalence, risk factors and report of lumbopelvic pain. *Br J Sports Med*. 2016; 50(17):1092-1096. <http://dx.doi.org/10.1136/bjsports-2016-096065>
8. Грубник В.В., Баязитов Н.В., Парфентьев Р.С., Венгер Н.Д. Применение абдоминопластики в лечении большой и гигантской грыжи брюшной стенки // *Клиническая хирургия*. 2003. No 11. С. 14–15.
9. Adamyan RT, Velikhanov RR, Dashtoyan GE. Surgical treatment of anterior abdominal wall hernia combined with abdominal ptosis. *Journal of Plastic Surgery and Aesthetic Medicine*. 2019; 4:50-53. (In Russ.) <https://doi.org/10.17116/plast.hirurgia201904150>
10. Lazar C.C. Abdominoplasty after major weight loss: improvement of life and psychological status. *Lazar C.C., Clerc I., Deneuve S., Auquit - Auckbur I, Mil-lies P.U. Obes. Surg.*, 2009, Vol. 19.8, pp.170-175.
11. Бурдин В.В., проф. Перкин Э. М. Результаты абдоминопластики в сочетании с герниопластикой в лечении вентральных грыж. *Анналы пластической, реконструктивной и эстетической хирургии*, №4, 2007г. С. 67-69.
12. Harth KC, Blatnic JA, Roesn MJ. Optimum repair for massive ventral hernias in the morbidly obese patient - is panniculectomy helpful? *Am J Surg*. 2011; 201:396-400.
13. Shiranov A.B., Chumburidze I.P., Shtilman M.Y., Orekhov A.A. Tactics of management of patients with postoperative ventral hernia with obesity. *The Journal of scientific articles «Health and Education Millennium»*, 2017. Vol.19. No 11 <http://dx.doi.org/10.26787/nydha-2226-7425-2017-19-11>
14. Аланов А.Д., Логвин О.Е., Калибатов Р.М., Куготов А.Х., Эдигов А.Т., Карданова Л.Ю., Кудусов К.М., Шон А.А.А. Ненатяжная герниопластика и абдоминопластика у пациентов с морбидным ожирением. // *Московский хирургический журнал*. 2 (72) 2020. DOI: 10.17238/issn2072-3180.2020.2.45-53
15. Koolen PG, Ibrahim AM, Kim K. Patient selection optimization following combined abdominal procedures: analysis of 4925 patients undergoing pan-niculectomy/abdominoplasty with or without concurrent hernia repair. *Plast Re-const Surg*. 2014; 134(4): 539e-550e. <https://doi.org/10.1097/PRS.0000000000000519>
16. Ahmed M, Mehboob M. Comparisons of Onlay versus Sublay Mesh Fixation Technique in Ventral Abdominal Wall Incisional Hernia Repair. *J Coll Physicians Surg Pak*. 2019 Sep; 29(9):819-822. doi: 10.29271/jcpsp.2019.09.819. PMID: 31455474.
17. Iljin A, Antoszewski B, Zieliński T, Skulimowski A, Szymański D, Strzelczyk J. Sublay or onlay incisional hernia repair along with abdominoplasty: which is better? Long-term results. *Hernia*. 2019 Aug; 23(4):757-765. doi: 10.1007/s10029-019-01914-y. Epub 2019 Feb 25. PMID: 30805828; PMCID: PMC6661021.
18. Belokonev V.I. and colleagues Ventral hernia: Modern aspects of ethiology, pathogenesis and treatment *Samara*. 2019; 84-87: 184 (in Russia).
19. Core GB, Mizgala CL, Bowen JC, Vasconez LO Endoscopic abdominoplasty with repair of diastasis recti and abdominal wall hernia. *Clin Plast Surg*. 1995; 22(4): 705-725.
20. Макаров И.В., Степанов П.Д., Степанов Д.Ю., Лопухов Е.С. Первый опыт применения подкожной эндоскопической пластики диастаза прямых мышц живота и пупочных грыж по методике Scola // *Вестник медицинского института «Реавиз»*. - 2020. - №3. - С. 119-124.
21. Faylona JM. Evolution of ventral hernia repair. *Asian J Endosc Surg*. 2017; 10(3): 252-258. <http://doi.org/10.1111/ases.12392>
22. Новиков С.В. История хирургии вентральных грыж. *Хирургия Восточная Европа*. 2012;04(4): 104-110.
23. Ramirez O.M. Abdominoplasty and abdominal wall rehabilitation: a comprehensive approach O.M.Ramirez. *Plastic and reconstructive surgery*, 2000, Vol.105. 1.,pp.425-435.
24. Ботезату А.А., Райляну Р.И. Абдоминопластика при грыжесечениях больших и гигантских послеоперационных и рецидивных срединных грыж. *Московский хирургический журнал* 6 (22)2011. - С. 14-17.
25. Tracey A. Hotta, BScN, RN, CPSN 2012 Statistics for Plastic Surgical and Nonsurgical Procedures
26. Stevens WG, Repta R, Pacella SJ, Tenenbaum MJ, Cohen R, Vath SD, Stoker DA. Safe and consistent outcomes of successfully combining breast surgery and abdominoplasty. *Aesthet Surg J*. 2009; 29: 129-134. <http://doi.org/10.1016/j.asj.2008.12.002>
27. Косинец В.А., Штурич И.П., Украинец И.А. Опыт комбинированной аб-доминопластики и ненатяжной герниопластики передней брюшной стенки // *Новости хирургии Том 20 - № 2 - 2012*. - С. 101-104.

Hasanova S.Y.k.

To the question of the treatment of pancreatic necrosis

*Azerbaijan State Institute of Advanced Medical Training named after A. Aliyev
(Azerbaijan, Baku)*

doi 10.18411/gq-31-07-2021-06

Abstract

The results of surgical treatment of pancreatic necrosis using stem cells, the structure of mortality and complications for the period 2013-2019 were analyzed. It has been shown that the use of cordon blood stem cells after laparotomy in the treatment of pancreatic necrosis can reduce the mortality rate associated with complications of infected pancreatic necrosis and improve the overall results of treatment of acute pancreatitis.

Keywords: Acute pancreatitis, pancreatic necrosis, stem cells, laparotomy.

Аннотация

Проанализированы результаты хирургического лечения панкреонекроза, с использованием стволовых клеток, структура летальности и осложнений за период 2013-2019 годов. Показано, что применение после лапаротомии стволовых клеток кордоновой крови в лечении панкреонекроза может снизить уровень летальности, связанный с осложнениями инфицированного панкреонекроза и улучшить общие результаты лечения острого панкреатита.

Ключевые слова: Острый панкреатит, панкреонекроз, стволовые клетки, лапаротомия.

In 40-70% of cases of severe pancreatitis, infected pancreatic necrosis occurs. The development of infected necrosis in patients with ongoing organ failure is associated with an extremely high mortality rate (36-50%) [1]. To date, it has not been possible to reduce the mortality rate from purulent-septic complications, to reduce the duration of inpatient treatment, which is directly related to the peculiarities of the course of the disease [2]. Early recognition of severe acute pancreatitis and the choice of an adequate treatment method are the main tasks of successful treatment [3].

Currently, stem cell transplantation is widely used in the treatment of some surgical diseases. [4].

Objective: To study the effectiveness of treatment of patients with acute pancreatitis with stem cell transplantation after laparotomy.

Materials and methods. 82 patients with pancreatic necrosis were monitored from 2013 to 2019. Of these, 59 are women and 23 are men. Mostly patients are 20-65 years old. The treatment of patients was carried out in the surgical clinic of the Institute of Advanced Training of Doctors of the A. Aliyev Estate and in the 3rd city hospital. Cord blood stem cells were obtained by agreement from the International Center for Stem Cell Cultivation "Biostem" - Donetsk, Ukraine. The patients were treated in intensive care. The following groups of patients were identified who were diagnosed with pancreatic lesion. The main group, which included patients with pancreatic necrosis who received cell therapy after laparotomy. The number of patients in the group was 39 (47.6%). The control group consisted of patients with pancreatic necrosis who underwent only a laparotomy. The number of patients is 43 (52.7%).

After laparotomy, cord blood stem cells were injected intravenously slowly one time a day for 3-5 days in the patients of the main group starting from the second day. The total amount of injected cord blood was 50 ± 5 ml. Cord blood stem cells isolated from cord blood samples were selected in accordance with the blood group and Rh factor.

Patients of both groups were under control for about a year. For each treatment of patients, laboratory (general and biochemical blood analysis, determination of the level of

phosphatase and sugar in the blood) and instrumental (ultrasound, CT, MRI) research methods were used.

The results of the study and their discussion. The effectiveness of treatment of patients with necrotic pancreatitis using cellular technologies is on average twice as high as standard treatment. In the analysis of 82 patients, it was revealed that the frequency of complications of necrotic pancreatitis at admission in the control and main groups does not differ and is 94.3 and 95.9%, respectively. Frequent complications of necrotic pancreatitis in the control and main groups were: exudative pleurisy-66.9% and 64.4%, respectively, enzymatic peritonitis-46.2% and 79.4%, respectively, purulent omentobursitis-33% and 54.8%, respectively. The frequency of concomitant diseases in patients with necrotic pancreatitis in the control and in the main groups was the same and amounted to 48.7% and 49.5%, respectively. Surgical interventions for necrotic pancreatitis in the control and main groups of patients did not differ and were performed according to generally accepted methods. Frequent surgical interventions were: necrosectomy of the pancreas with omentobursostomy, lumbotomy, cholecystectomy with external drainage of the choledochus and drainage of the omentum sac, opening, drainage of the omentum sac abscess and retroperitoneal abscess. Upon admission to the hospital, all patients were prescribed intensive conservative therapy in the amount that depended on the severity of the disease. When using intravenous administration of cord blood stem cells, no allergic reactions were detected in patients. Of the 39 patients, 11 (69.8%) had an increase in body temperature to 39 ° C within 3-5 days. After the end of cell therapy, the temperature returned to normal. A serious complication of destructive forms of pancreatitis is the formation of acute fluid accumulations. Acute pancreatitis is complicated by the formation of a cyst in 1.18-19.4%. More often, pseudocysts occur in necrotic pancreatitis - from 30 to 50% of cases. According to a retrospective analysis, in 46.6% of cases, necrotic pancreatitis was complicated by the formation of a pancreatic cyst. 23 patients were under observation for one year. They were examined every 3, 6, 12 months. After 3 months, the patients were examined as follows: they performed a clinical examination, did a general blood test, determined the level of blood glucose, alkaline phosphatase in the blood, and performed an ultrasound examination. After 6 months of observation, a clinical examination of the patient, a general blood test, blood glucose, the level of alkaline phosphatase in the blood, ultrasound examination, computed tomography of the abdominal organs were performed. After 12 months, patients underwent a clinical examination, a general blood test, the level of alkaline phosphatase in the blood was determined, and an ultrasound examination was performed. Such indicators as the levels of red blood cells, hemoglobin, leukocytes, glucose and blood amylase did not change significantly and corresponded to the control values. The activity of alkaline phosphatase increased in the first 3 and 6 months by 1.43 and 2.06 times, respectively, and after 1 year it gradually decreased, but remained increased by 25.6%. This fact indicates some activity of cord blood stem cells. In 2 out of 39 patients, a pancreatic cyst was detected during the year, which is 6.1%. According to ultrasound and computed tomography, 21 (53.8%) patients had signs of chronic pancreatitis without signs of calcification. Thus, it can be argued that stem cell transplantation in patients with necrotic pancreatitis leads to inhibition of cystic genesis in the pancreas compared to the data of a retrospective analysis (46.6%) and literature data, where the percentage of cysts formation is from 30 to 50%.

A comparative analysis revealed that the frequency of postoperative complications in the main group was 1.95 times less than in the control group. Pancreatic fistula in patients of the main group was 3.12 times less common than in patients of the control group. Gastrointestinal bleeding in patients of the main group was 2.77 times less than in patients of the control group. Such severe complications as erosive bleeding from the omentum were observed 4.71 times less in patients of the main group than in the control group. The development of DIC syndrome in patients of the main group was detected 3.48 times less than in patients of the control group.

In the main group of 39 patients, 6 died, the mortality rate was 15.7%. The mortality rate among 43 patients of the control group was 25.4% (11 died). The use of stem cells allowed to reduce the mortality rate by 2 times. The average bed-day stay of patients of the control group was 30.2 ± 2.9 days, and patients of the main group 24.5 ± 3.5 days.

Thus, the results obtained indicate a high efficiency of the introduction of stem cells to stimulate the connective tissue processes of proliferative repair in necrotic pancreatitis. Taking into account the above, the indication for the transplantation of cord blood stem cells in patients with severe pancreatitis is the suppression of the processes of proliferative repair in areas of the pancreas and a decrease in immunity in necrotic pancreatitis. The frequency of transplantation was determined individually by the nature of the disease, its stage, the presence of concomitant diseases, as well as the degree of compensation of laboratory and clinical indicators characterizing the level of the pathological process. Contraindications to cell transplantation are the presence of concomitant decompensated diseases, diagnosed acquired human immunodeficiency syndrome, detection of concomitant cancer pathology in the patient according to clinical and / or laboratory indicators, pregnancy and lactation. The mechanism of action of cord blood stem cells should be considered the result of humoral stimulation of reparative processes, which is caused by the unique property of neonatal cells, cytokines and growth factors that are in the drug. However, the most important thing in the problem of acute necrotic pancreatitis is that stem cells, adapting to the microenvironment conditions and responding to local organ and tissue-specific regulatory signals, can act as a producer of autocrine stem regulatory mediators. At the same time, stem precursors can realize the potential of a "plastic building" material capable of restoring the structures of damaged areas of organs and tissues. The high probability that stem cells stimulate the obliteration of the pancreatic ducts prevents the formation of post-necrotic pancreatic fistulas and cysts.

Conclusions:

1. With laparotomy performed only, the mortality rate of patients with necrotic pancreatitis is on average 19.8%, and with complex treatment using stem cells 9.6%. That is, the mortality rate has decreased by 2 times.
2. When comparing the postoperative periods of both groups, it was determined that the frequency of complications in the main group was 2 times less than in patients in the control group.
3. Observations have shown that the transplantation of cord blood stem cells in patients with necrotic pancreatitis leads to the suppression of cystogenesis in the pancreas. The occurrence of pancreatic cysts in patients of the main group occurs in 6.1%, and in patients of the control group in 46.6%.
4. The activity of cord blood stem cells persists for a year after transplantation. This is evidenced by the increased level of alkaline phosphatase in patients who were treated with stem cells.

1. Biology of stem cells and cell technologies / ed. by M. A. Paltsev. M.: Medicine, Chicot, 2009. Vol. 2. pp. 75-96.
2. Egorov V. V., Ivanov A. A., Fingers M. A. Human stem cells. // Molecular Medicine. 2003. No. 2. pp. 3-14.
3. Revision of the Atlanta classification of acute pancreatitis. Acute Pancreatitis Classification Working Group, April 9, 2008 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://pancreasclub.com/resources/AtlantaClassification.pdf>.
4. Bakker O.J., van Santvoort H.C., Besselink M.G. [et al.] Prevention detection and management of infected necrosis in severe acute pancreatitis // Curr. Gastroenterol. Rep. - 2009. - Vol. 11, № 2. - P. 104-110.

Mamedov G.M., Mamedova G.M., Daurov A.A., Negru E.A., Lozheva A.E., Zarutskiy E.S., Nikulin I.D.

Innovative method for prevention of complications of perineotomy with the application of modern suture material with antibacterial coating

*FSBEI HE Tyumen State Medical University of the Ministry of Health of Russia
(Russia, Tyumen)*

doi 10.18411/gq-31-07-2021-07

Аннотация

Инновационный метод профилактики осложнений перинеотомии с применением современного шовного материала с антибактериальным покрытием при восстановлении целостности промежности у рожениц с воспалительными заболеваниями влагалища является актуальным и обоснованным мероприятием.

Ключевые слова: перинеопластика, гнойно-септические осложнения, шовный материал.

The urgency of the problem. The quality of the surgical aid is tightly linked with the quality of the materials used in the operation. The correct choice of suture material determines the absence of such complications in the postoperative period as suture sinus, incisional hernias, gross cicatricial changes in tissues, suppuration of a postoperative wound with dehiscence [1, 7, 9].

A large number of suture materials with various and sometimes very unusual properties are used in modern surgery. This fact makes the problem of choosing the appropriate suture material for a specific operation quite relevant and at the same time makes increased demands on the reliability of the formed nodes. When choosing a thread you should base your decision primarily on its chemical and biological properties - the ability to absorb, the timing of resorption, the severity of the tissue reaction to thread implantation and the structure of the thread [4, 6, 10].

Until now, the traditional and only absorbable material was catgut - twisted collagen threads obtained from the submucosal layer of the cattle intestines. As a foreign protein, catgut was absorbed by an antigen-antibody reaction with an expressed inflammatory response. In addition, catgut is a nutrient substrate for microorganisms, due to its fibrous structure and «wick effect» it assists in the transfer of infectious agents along the thread to healthy tissues [1, 3, 8, 9].

In the last 4 years, due to the mad cow virus spread in Europe, some countries restricted the use of collagen-based products. Catgut is banned in medicine in Germany, England, France, Poland and other countries [1, 5, 6, 9, 12].

The most advanced modern braided absorbable sutures based on a copolymer of glycolic and lactic acids are Vicryl and Polysorb. The breaking period of polyglycolactide threads is about 4-5 weeks and the resorption is 70 days [1, 2, 4, 9].

A new modification of Vicryl - Vicryl * Plus (manufactured by Ethicon, USA) has an antimicrobial coating - triclosan. Vicryl-Plus can be used for suturing perineal tears [7, 8, 9, 12].

Anatomical changes after tears and preventive dissection of the perineum require adherence to certain principles: tension-free plasty, the use of thin suture material, tissue trauma minimization due to an atraumatic needle or a needle with an eyelet [7, 8]. All these requirements are met by Vicryl-Plus, which creates comfort and reliable wound closure for the surgeon and the patient [3, 4, 10, 11].

Comfort for the surgeon is mainly due to the use of one material, which is durable and well adapted to all anatomical layers (vaginal mucosa, perineum and skin), and the presence of its qualities (antimicrobial coating with triclosan, knot quality). Comfort for the postpartum

woman is because there is no need to remove stitches in the postpartum period for intradermal stitching.

Aim: The purpose of this work was the use of Vicril-Plus suture material in the restoration of perineal tissue in women with nonspecific colpitis.

Materials and methods: A total of 33 puerperas were examined, after urgent birth through the vaginal birth canal, complicated by perineal rupture (9 patients), as well as perineo- or episiotomy (24 patients). Indications for perineo- and episiotomy were perineal rupture. Examination revealed nonspecific vaginitis in all patients.

Observations and studies were carried out from 2007-2015 in the obstetric department of the Perinatal Medical Center of Tyumen, 1 month after giving birth, the patients were examined in the multidisciplinary clinic of the Tyumen State Medical University (Tyumen, Russian Federation). In the postoperative period, the presence and frequency of complications, the number of hospital stay days after surgery and the condition of the skin wound were assessed.

Results: In all the examined patients, there was no postoperative suppuration of the skin wound, no inconsistency of the perineal suture. The hospital stay averaged 4.5 ± 0.7 days.

Examination of the skin wound of the perineum 1 month after childbirth revealed no inconsistency of the suture of the perineum, rough skin scars, and other complications.

Conclusion: The introduction of the modern suture material Vicril-Plus with an antimicrobial coating in restoring the integrity of women in puerperas with inflammatory diseases of the vagina is a relevant and justified measure.

1. Egiev V.N. Suture materials in surgery and gynecology // Bulletin of the Russian Association of Obstetricians and Gynecologists. - 1995. - No. 3. - S. 70-83.
2. Vinokurova E.A. The use of suture material "Vikril" in the operation of cesarean section // Scientific Bulletin of the Tyumen Medical Academy. - 2002. - No. 7-8. - p.23.
3. Vinokurova E.A., Semenova E.Yu., Ibragimov F.Yu., Pustynnikov A.V. The first experience of using 2-octylcyanoacrylate glue to close the skin and prevent wound infection in operative gynecology in Tyumen // Medical Science and Education of the Urals. 2007. T. 8.No. 4 (48). S. 13-14.
4. Vinokurova E.A., Baranov V.N., Polyakova V.A., Kukarskaya I.I., Karabinskaya E.V., Karymova R.R. Clinical significance of the use of laser puncture in psychoemotional disorders in patients with chronic inflammatory process of the uterus and its appendages // Questions of gynecology, obstetrics and perinatology. 2018.V.17. # 1. S. 78-82.
5. Vinokurova E.A., Fomina I.V., Polyakova V.A. Experience of using spa treatment in patients with dystrophic diseases of the vulva // Allergology and Immunology. 2018.Vol. 19.No. 1.P. 63
6. Vinokurova E.A., Baranov V.N., Polyakova V.A., Starkova D.S., Karabinskaya E.V. Features of rehabilitation of patients with inflammatory diseases of the uterus and appendages // Allergology and immunology. 2018.Vol. 19.No. 1. - P. 62.
7. Karpov E.V., Vinokurova E.A., Kukhar K.V., Erbaktanova T.A. The introduction of modern suture material with an antibacterial coating in obstetric practice in Tyumen // Medical science and education of the Urals. 2007. T. 8.No. 4 (48). S. 34-35.
8. The site of the All-Russian public organization "League of Patients' Defenders", -<http://www.ligazp.org/liga/liga.htm>.
9. Sleptsov I.V. Nodes in surgery / I.V. Sleptsov, R.A. Chernikov - SPb.: Salit-Medkniga, 2004.-112s.
10. Fomina I.V., Vinokurova E.A., Shishina E.V., Prorvina A.S. Approaches to the spa treatment of dystrophic diseases of the vulva in the center of restorative medicine and rehabilitation "Siberia" // In the book: Materials of the X Anniversary Therapeutic Forum "Topical Issues of Diagnostics and Treatment of the Most Common Diseases of Internal Organs" Materials of the X Anniversary Therapeutic Forum. 2018.S. 97.
11. Vinokurova Elena, Baranov Vladimir, Karabinskaya Elena. Gynecological care and rehabilitation of patients with chronic pain syndrome related to CPID // E-book: Publication of the Proceedings of the X World Congress on Asthma, Allergy and COPD (New York, USA, April 28 - May 1, 2017): 321 -329. Allergy, asthma, copd, immunophysiology & norehabilitology: innovative technologies (editor professor Revaz Sepiashvili) Filodiritto international proceedings. 2017.R. 321-329. ...
12. Masson F., Bilwiels J. e.a. Interest in a new suture material for 2000 episiotomy repairs: polyglactin 910 // Clin. Gyn. Obstetr. - 1988. - P. 19-21.

Moskalets O.V.

Antibodies to biotherapeutic drugs as one of the possible mechanisms for reducing the effectiveness of targeted therapy

*Moscow Regional Research Clinical Institute named after M.F. Vladimirkij
(Russia, Moscow)*

doi 10.18411/gq-31-07-2021-08

Introduction.

Monoclonal antibodies have become mandatory for neoplastic targeted therapies as well as chronic inflammatory and autoimmune diseases. Rituximab is a chimeric monoclonal antibody directed against CD20 antigen that is expressed on normal and malignant human B cells [1,2]. It was the first monoclonal antibody to be approved for therapeutic use [2]. Treatment with rituximab at standard weekly dosing is effective in more than 50% of patients with relapsed or refractory CD20-positive follicular non-Hodgkin's lymphoma, but is not curative. It is less effective in other subtypes of CD20-positive lymphoma and for retreatment, even with CD20 still expressed [3]. Thus, binding of rituximab to CD20 is not sufficient to kill many lymphoma cells, indicating that there are mechanisms of resistance.

Many observations show that antibodies to rituximab are generated in some patients during rituximab treatment and may be associated with a less favourable response to treatment. [4-7]. However, antibodies that bind a drug are sometimes found in pre-treatment serum samples, with the amount depending on drug, assay, and patient population. The accurate prediction and assessment of (clinically relevant) immunogenicity remains a challenging endeavor [4].

Purpose of the study - to determine the incidence of anti-rituximab antibodies (ARA) in patients with chronic lymphocytic leukemia (CLL) treated by rituximab.

Materials and methods.

The study involved 32 patients with nHL (11 newly diagnosed, 21 - resistant / recurrent form), aged from 36 to 70 years (average age 49,5 years), of which 18 women and 14 men and 13 practically healthy individuals, matched by age and sex.

In 55% of patients, stage 2 of the disease was detected, in 45% of patients - stages 3 and 4. Patients with refractory / relapsing forms have previously received 4-6 courses of R-FC therapy. Determination of anti-rituximab antibodies in peripheral blood serum was performed by enzyme-linked immunoassay using a test system manufactured by Bender Medsystems (Austria) (semi-quantitative analysis).

Results.

None of the patients with newly diagnosed disease have ARA. Positive results were recorded in 7 (33%) patients who received rituximab earlier. Of particular note is a patient with a very high antibody level (74,7 c.u.) who received 6 courses of combination therapy and showed pronounced progression of the disease. At the same, in the group of practically healthy persons, positive results were obtained in 2 (15,4%) cases, in particular, with a procedural nurse who regularly contacts the drug.

Conclusion.

ARA have been found in patients with lymphoproliferation and other diagnoses but the data on clinical implications of the development of these antibodies are limited. The data obtained in this study demonstrated that they are revealed in 33% of patients with resistant forms of the disease treated by rituximab. Besides, pre-existing anti-rituximab antibodies were detected in several serum samples in control group. Of course, it should be borne in mind that the effect of ARA on the therapeutic efficacy of the drug can be different: it could be targeting predominantly the idiotype and thus clinically relevant, or due to pre-dose

antibodies that can bind the therapeutic antibody, but are often irrelevant. If we suppose that immunogenicity is an important factor that should be considered in the overall treatment strategy, we should take actions to reduce antidrug antibodies formation: modifying drug administration; increasing dose; decreasing immunogenicity by adding immunosuppressive agents to the regimen or using new drugs which are supposed to be less immunogenic such as humanized or fully human monoclonal antibodies.

1. Chan A.C., Carter R.T. Therapeutic antibodies for autoimmunity and inflammation. *Nat. Rev. Immunol.* 2009. Vol.10. P.301-316. Doi:10.1038/nri2761.
2. Einarsson J.T., Evert M., Geborek P., Saxne T., Lundgren M., Kapetanovic M.C. Rituximab in clinical practice: dosage, drug adherence, Ig levels, infections, and drug antibodies. *Clin. Rheumatol.* 2017 Vol.36(2). P.2743-2750. Doi 10.1007/s10067-017-3848-6.
3. Maloney D.R. Anti-CD20 antibody therapy for B-cell lymphomas. *N Engl. J. Med.* 2012.Vol.316. P.2008-2018 DoI:10/1056/NEJMct1114348.
4. Rosenberg A.S., Sauna Z.E.Immunogenicity assesment during the development of protein therapeutics. *J. Pharm. Pharmacol.* 2018. Vol.70(5). P.584-594. Doi:10.1111/jphp12810.
5. Krishna M., Nadler S.G. Immunogenicity to biotherapeutics – the role of anti-drug immune complexes. *Front. Immunol.* 2016; 7:21 Doi: 10.3389/fimmu.2016.00021.
6. Tada M., Ishii-Watabe A., Suzuki T., Kawasaki N. Development and characterisation of an anti-rituximab monoclonal antibodies. *Mabs.* 201`8. Vol.10(3). P.370-379. Doi: 10.1080/19420862.2018.1424610.
7. vanSchi K.A., Wolbink G.J., Respens T. Cross-reactive and pre-existing antibodies to therapeutic antibodies – Effects on treatment and immunogenicity. *Mabs.* 2015. Vol.7. 662-671. DoI:10.1080/19420862.2015.10481111.

**Nabahat H.¹, Davidian O.², AzaditalabDavoudabadi F.³, Tahan M.¹, Boroumand Z.¹,
Asakereh S.¹, Esmailnezhad M.⁴, Esmailnezhad M.⁴**

Evaluation of influencing factors (age, sex, number of teeth, type and quality of teeth) on the development of dry socket (alveolar osteitis) after tooth pull (clinical study)

¹*Yevdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry*

²*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN)*

³*Sechenov First Moscow State Medical University*

⁴*Pirogov Russian National Research Medical University
(Russia, Moscow)*

doi 10.18411/gq-31-07-2021-09

Abstract

A dry socket (alveolar osteitis) is a painful dental condition that sometimes happens after you have a permanent adult tooth pulled. Dry socket is the most common complication following tooth pull, such as the removal of third molars (wisdom teeth). Over-the-counter medications alone won't be enough to treat dry socket pain. Your dentist or oral surgeon can offer treatments to relieve your pain. In this study, we investigated the influential factors (age, sex, number of teeth, type, and quality of teeth) on the formation of the dry socket after tooth pull (as a clinical study) and analyzed each of the factors. This research was conducted in the Russian federation in 2018-2020 as a case study.

Keywords: Dry socket, dentistry, alveolar osteitis, case study.

1. Introduction

A dry socket (alveolar osteitis) may be a painful inflammation that will develop within the jawbone's open tooth socket after a tooth has been removed [1]. Dry sockets often develop after pull and are more common after pull of the third molars, or wisdom teeth removal. (Fig.1 and 2).

Figure.1. A dry socket (alveolar osteitis) in mandibular

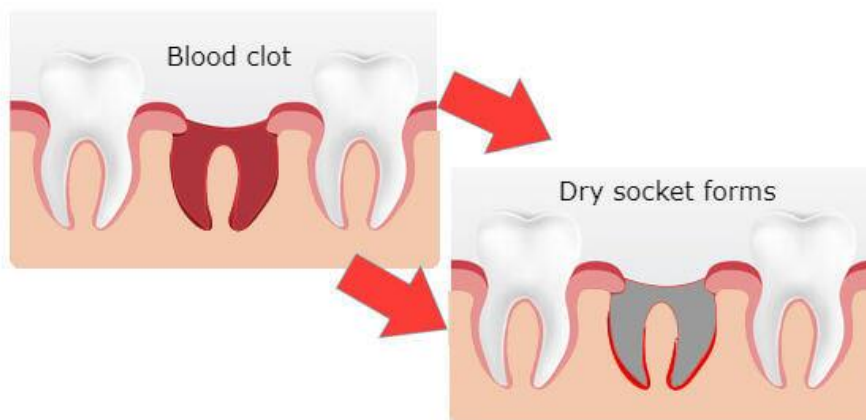

Figure.2. dry socket

The authors also present a model of the causes of dry socket lesions based on current experimental knowledge. There is uncertainty in the dental literature about what causes dry socket lesions [2,3,4]. Although some factors, such as smoking, oral contraceptive use, and the presence of fibrinolytic activity in post-pull sockets correlate with an increased incidence of dry socket, a definitive mechanism for explaining dry socket pathogenesis remains elusive.

2. Materials and methods:

In this study, 495 patients who went to a private office for tooth pull (Med Amulet Clinic, Moscow, Russia, and the School of Dentistry) from 2018 to 2020 were examined on several factors. Some patients had more than one tooth pulled at each visit. Patients' information was recorded in terms of age, sex, and number of teeth pulled each time. And all patients have records. The duration of tooth pull was divided to areas (less than 5 minutes = easy, 5-10 = medium, more than 10 minutes = difficult).

All patient information was recorded, including medical history, surgery, dentistry, and specific medications. Patients were examined by telephone two to three days later (for pain and other problems).

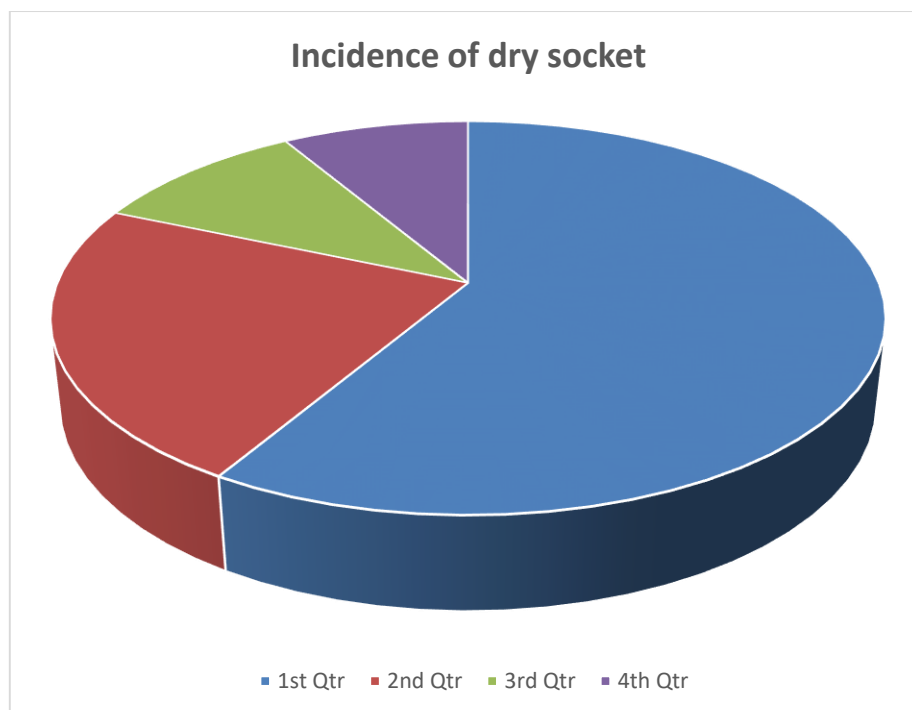
3. Results:

Over the 2 years, 788 teeth were taken from the 496 patients investigated, and 20 patients had 23 dry sockets detected. Twelve dry sockets were generated in 340 patients who had only one tooth pulled (2.73 %), while 11 dry sockets were created in 156 patients who had more than one tooth pulled in one stage (447 teeth). That is, it was found in 2.9% of the population.

Figure 3

The incidence of dry socket teeth due to tooth extraction to separate anatomical position:

The position of the teeth	Incidence of dry socket
Bites and stings	1.4
Small down mills	2.9
Small high mills	1.1
Large mills down	5.9
Large high mills	1.8
the roots	1.3

Age: Shows dry sockets and their occurrence at different ages. The highest figure was between 22 and 35 years old in men (7%) and 50-65 years old (8.2%) in women.

Location of tooth pull: The incidence of dry sockets has been studied according to the anatomy of the teeth in terms of maxilla and mandible, based on which 17 dry sockets have been pulled from 377 teeth, that is (5.1%) in the mandible and 6 cavities. Dry consisting of 410 pulled teeth in the maxilla (1.5%).

In this study, the incidence of dry sockets in easy (1.8%), slightly difficult (2.3%), and completely difficult (6.1%) conditions were obtained.

4. Discussion

After the socket heals, a dry socket lesion may exhibit exposed bone situated superior to the expected placement of the occlusal surface of the socket. This bone could be a projecting septum or it could be on the occlusal edge of the socket. This superiorly-located exposed bone would be the last aspect of the socket to be covered by epithelium, since the bone, protruding superiorly to the projected occlusal surface of the healed socket, would be exposed to food particles or mechanical trauma that may erode epithelium growing over that bone. This bone, if mechanically stimulated, would be a source of acute pain until the end of the healing period [5-8]. A dentist may anesthetize the patient and use a football diamond bur with copious irrigation to trim this bone to approximately 1 mm inferior to the projected occlusal surface of the healed pull socket. Such trimming can result in the bone becoming immediately coverable by a blood clot or medicament, thereby reducing the total number of days that this hyper-sensitive bone is exposed and helping to ensure that epithelium will systematically grow over the remaining exposed bone of the dry socket. If the protruding

bone is located on the socket occlusal perimeter, the dentist can reduce the bone to a level that is inferior to the occlusal aspect of the gingival tissue located just lateral to the protruding bone. If the gingiva on the socket occlusal perimeter is superior to all of the socket bone, a socket blood clot or dry socket medicament is more likely to cover the bone.

The incidence of dry sockets due to tooth pull was 3.1% in 787 cases. These results showed that there was not much difference between pulling one or more teeth in one step in terms of dry socket incidence. It has also been shown that there is a difference in the incidence of dry sockets in men and women and the reason for its prevalence in women is the use of pregnancy drugs.

The highest incidence of dry sockets was 7% in men and in the age group of 22-35 years. While in women it was 55-65 years old. (6.9%). These results are acceptable because few women over the age of 60 presented, which is consistent with the results of previous research by other scientists.

The incidence of dry sockets is also related to the location of the pulled tooth. For example, the incidence of dry sockets is in the mandible (5.1%) and the maxilla (2.1%). Also, the most common teeth for dry sockets are the maxillary molars, the mandibular molars, the maxillary molars and molars, which are similar to and consistent with the findings of other scientists [9-11]. Dry Socket teeth that are more apex infection.

5. Conclusion:

The reason for the increase in the incidence of dry sockets in the pull of difficult teeth that have been done for a longer period is not due to trauma but due to excessive mouthwash after tooth pull; This is because it will kill the blood clot and infect it with saliva, and thus the oral bacteria will cause a dry socket by removing the fibrin around the bone.

1. Torres-Lagares, D., Infante Cossío, P. A., Gutiérrez Pérez, J. L., Romero Ruiz, M. M., García Calderón, M., & Serrera Figallo, M. D. L. Á. (2006). Intra-alveolar chlorhexidine gel for the prevention of dry socket in mandibular third molar surgery. A pilot study.
2. Khooharo, T. S., Hassan, S. U., & Shaikh, A. H. (2021). Prevention of dry socket in mandibular 3rd molars with single preoperative oral dose of metronidazole and amoxicillin compared to conventional therapy. *J.P.M.A. The Journal of the Pakistan Medical Association*, 71(2 (B)), 585-589.
3. Sharma, S. (2021). Assessment of risk factors associated with dry socket-A clinical study. *Journal of Advanced Medical and Dental Sciences Research*, 9(3), 85-88.
4. Kamal, A., Salman, B., Ar, N. H., & Samsudin, A. R. (2021). Management of dry socket with low-level laser therapy. *Clinical oral investigations*, 25(3), 1029-1033.
5. Otake, H., Sato, Y., Nakatani, E., Hawke, P., Takei, S., Ogino, A., ... & Adachi, M. (2021). Oxytetracycline-hydrocortisone ointment reduces the occurrence of both dry socket and post-extraction pain after third molar extraction: An observational study. *Plos one*, 16(7), e0254221.
6. Naserzadeh, Y., & Mahmoudi, N. (2018). Chelating effect of black tea extract compared to citric acid in the process of the oxidation of sunflower, canola, olive, and tallow oils. *International Journal of Agricultural and Biosystems Engineering*, 12(5), 5.
7. Chaurasia, N. K., Upadhyaya, C., & Dixit, S. (2017). Comparative Study to Determine the efficacy of Zinc Oxide Eugenol and Alveogyl in Treatment of Dry Socket. *Kathmandu Univ Med J (KUMJ)*, 15, 203-06.
8. Lone, P. A., wakeel Ahmed, S., Prasad, V., & Ahmed, B. (2018). Role of turmeric in management of alveolar osteitis (dry socket): A randomized clinical study. *Journal of oral biology and craniofacial research*, 8(1), 44-47.
9. Naserzadeh, Y., Mahmoudi, N., Pakina, E., Marie Wase, I. A., Heydari, M., & Khodaverdian, A. (2019). Parameters Affecting the Biosynthesis of Gold Nanoparticles Using the Aquatic Extract of *Scrophularia striata* and their Antibacterial Properties. *Journal of Nanoanalysis*, 6(2), 105-114.
10. Cardoso, C. L., Rodrigues, M. T. V., Júnior, O. F., Garlet, G. P., & de Carvalho, P. S. P. (2010). Clinical concepts of dry socket. *Journal of Oral and Maxillofacial Surgery*, 68(8), 1922-1932.
11. Blum, I. R. (2002). Contemporary views on dry socket (alveolar osteitis): a clinical appraisal of standardization, aetiopathogenesis and management: a critical review. *International journal of oral and maxillofacial surgery*, 31(3), 309-317.

SECTION II. MODELING

Polyakova I.S., Khisamov F.G.

Mathematical modeling of commissioning activities using differential equations of dynamic transitions and the Monte Carlo method

Kuban State Technological University
(Russia, Krasnodar)

doi 10.18411/gq-31-07-2021-10

Abstract

The article defines and highlights the tasks of commissioning, describes mathematical methods that can be used to obtain various models of commissioning in construction. Mathematical modeling of commissioning can be described by differential equations of dynamic transitions and the Monte Carlo method. To simulate the commissioning process using differential equations of dynamic transitions, it must be split into separate elements.

Keywords: commissioning, modeling, Monte Carlo method, differential equations, dynamic transitions method, optimization.

Commissioning works are a set of works that are performed during the period of preparation for operation of the capital construction facility during its commissioning, construction, reconstruction or overhaul [1, P.35]. The tasks of commissioning are detection of probable errors of design and construction and installation works and detection of deficiencies in the operation of equipment before the start of its operation at capital construction facilities [2, P.67]. Commissioning works are the final part of construction and installation works.

Modern commissioning is a rather complex process that requires high qualifications of specialists, and their coordinated work. Commissioning works take place in constantly changing conditions. The elements of the commissioning process are interconnected and constantly influence each other, which complicates their analysis and search for the optimal model [3], [4].

Mathematical modeling of commissioning activities should provide optimal engineering solutions that ensure high labor productivity and resource saving [5].

Simulation modeling successfully reflect the dynamic behavior of systems, so they can effectively reflect random stochastic processes, as commissioning is a stochastic process. Simulation modeling allow you to comprehensively investigate the behavior of the system to find the optimal control [6].

Imagine commissioning as some unmanaged dynamic process dependent on random factor ξ with some probability distribution law. Then the commissioning process can be described by the equation:

$$\frac{dx}{dt} = f(x, t, \xi) \quad (1)$$

This equation describes many trajectories of the system. Let the initial state be fixed: $x(0)=x_0$. To determine the average value of the components of vector $x(t)$ at time $t=T$, a random number generator is used. Then we get a system of equations:

$$\begin{aligned} \frac{dx_1}{dt} &= f(x_1, t_1, \xi_1), \\ \frac{dx_2}{dt} &= f(x_2, t_2, \xi_2). \end{aligned} \quad (2)$$

By solving these equations, you can get the average value of $x(T)=1/N\sum x_n(t)$, where N is the number of tests during T . This is a simulation model. Using simulation modeling allows

you to optimize control in commissioning. In modern system analysis simulation systems become the basis for modeling stochastic systems, including commissioning activities.

Dynamic system modeling based on the compilation of differential equation systems is a complex and time-consuming process that requires excellent knowledge of the subject area.

The commissioning process can be presented as a diagram (Figure 1).

Let the commissioning activity be determined by the actions of several subjects of the commissioning activity, which have their own management at their disposal. Then during the process of functioning, the elements of the «Commissioning process» interact with each other and mutual transitions between individual elements are also possible.

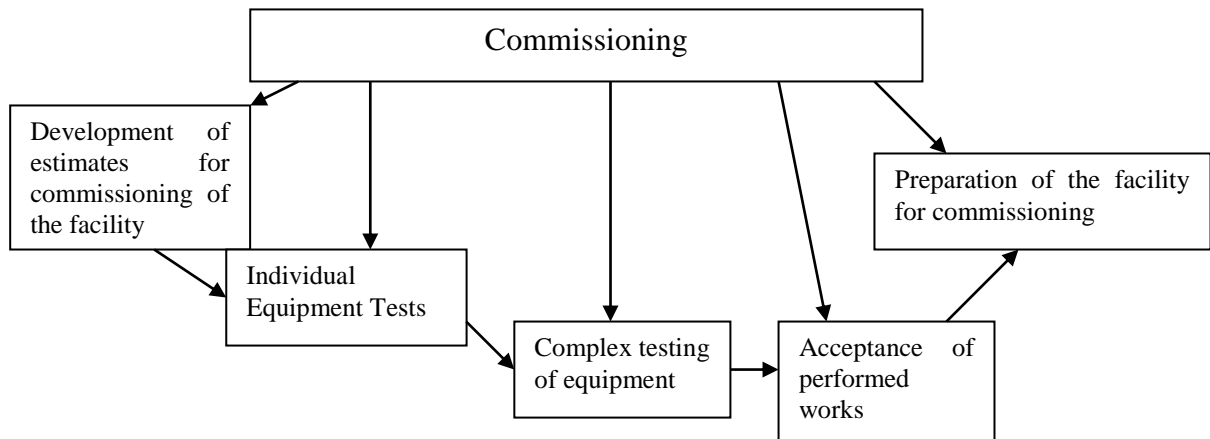

Figure 1 – «Commissioning» process diagram

Then the mathematical models of these elements of the Commissioning process can be represented as a system of differential equations [7, P.55]:

$$\begin{aligned} \frac{dy_1}{dt} &= \sum_{j=1}^n \alpha_{1j} y_j + b_1, \\ \frac{dy_2}{dt} &= \sum_{j=1}^n \alpha_{2j} y_j + b_2, \\ &\dots\dots\dots \\ \frac{dy_n}{dt} &= \sum_{j=1}^n \alpha_{nj} y_j + b_n, \end{aligned} \tag{3}$$

where α_{ij} – are transition coefficients; y_i – volumes of "Commissioning" process elements; b_i – are influence factors from an external environment.

Now let's consider a specific mathematical model of the commissioning process for four elements with mutual transitions according to the following scheme (Figure 2).

Then the system of differential equations for the mathematical model of the Commissioning process of four elements will be as follows:

$$\begin{aligned} \frac{dA_1}{dt} &= -\alpha_{12}A_1 + \alpha_{21}A_2, \\ \frac{dA_2}{dt} &= -\alpha_{23}A_2 + \alpha_{12}A_1 + \alpha_{32}A_3 - \alpha_{21}A_2, \\ \frac{dA_3}{dt} &= -\alpha_{34}A_3 + \alpha_{23}A_2 + \alpha_{43}A_4 - \alpha_{32}A_3, \\ \frac{dA_4}{dt} &= \alpha_{34}A_3 - \alpha_{43}A_4. \end{aligned} \tag{4}$$

Here A_i is the volume of work of the commissioning process, α_{ij} is the intensity of transitions obtained from observations.

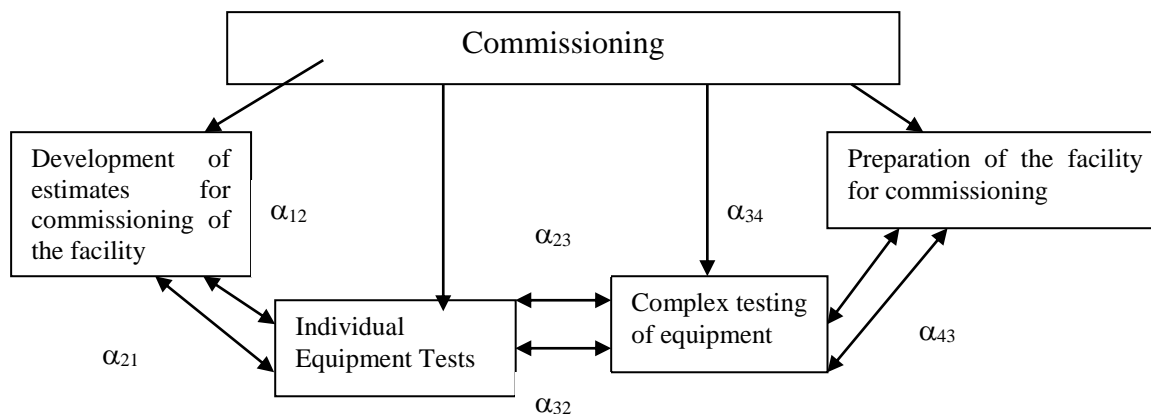

Figure 2 - Mathematical model of "Commissioning" process for four elements

The first equation $\frac{dA_1}{dt} = -\alpha_{12}A_1 + \alpha_{21}A_2$, describes the interaction between the first and second elements of the commissioning process: the element A_1 transfers its resources with intensity α_{12} to the element A_2 . In return, A_2 returns some of its resources with intensity α_{21} to the element A_1 . The remaining differential equations are similar.

Thus, the commissioning process can be described by the Monte Carlo model, as well as by means of differential equations of dynamic transitions. To do this, the commissioning process must be divided into separate elements, each of which can be described by a corresponding differential equation.

1. Poljakova I.S. Normativno-pravovye dokumenty, regulirujushhie provedenie puskonaladochnyh rabot – problemy i perspektivy [Regulatory Documents Governing Commissioning - Problems and Prospects] / I.S. Poljakova, F.G. Hisamov // Nauchno-tehnicheskij vestnik Povolzh'ja [Scientific and technical bulletin of the Volga region]. – 2021. – № 1. – P. 35-37. [in Russian]
2. Poljakova I.S. Ohrana truda pri puskonaladochnyh rabotah [Labor protection during commissioning] / I.S. Poljakova, F.G. Hisamov // Nauchno-tehnicheskij vestnik Povolzh'ja [Scientific and technical bulletin of the Volga region]. – 2021. – № 4. – P. 67-69. [in Russian]
3. Manzhilevskaja S.E. Modelirovanie innovacij v stroitel'stve [Modeling of innovations in construction] [Electronic resource] / S.E. Manzhilevskaja, D.O. Bogomazjuk // Inzhenernyj vestnik Dona [Don's Engineering Gazette]. – 2016. – №1. – URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n1y2016/3556 (accessed: 18.12.2020). [in Russian]
4. Pobegajlov O. A. Modelirovanie tehnologicheskikh processov pri organizacii stroitel'nogo proizvodstva [Modeling of technological processes in the organization of construction production] [Electronic resource] / O. A. Pobegajlov, A. V. Shemchuk // Naukovedenie. – 2012. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-tehnologicheskikh-protsessov-pri-organizatsii-stroitel'nogo-proizvodstva> (accessed: 15.02.2021). [in Russian]
5. Sobolev V.V. Matematicheskoe modelirovanie i metody optimizacii v proektirovanii organizacij stroitel'stva [Mathematical modeling and optimization methods in the design of construction organizations] / V.V. Sobolev // Izvestija vysshih uczebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Tehnicheskie nauki. [News of higher educational institutions. North Caucasus region. Technical sciences] – 2011. – №1. – P.106-109. [in Russian]
6. Soldatenko L.V. Vvedenie v matematicheskoe modelirovanie stroitel'no-tehnologicheskikh zadach [Introduction to mathematical modeling of construction and technological problems] / L.V. Soldatenko. – Orenburg, 2009. – 161 p. [in Russian]
7. Salugin, A. N. Vvedenie v sistemnyj analiz. Metody prinjatija upravlencheskih reshenij [Introduction to system analysis. Management decision-making methods] / A. N. Salugin: uchebnoe posobie / M-vo obrazovanija i nauki Rossijskoj Federacii, Volgogradskij gos. arhitekturno-stroit. un-t. - Volgograd : VolgGASU, 2015. – 294 p. [in Russian]

SECTION III. ECONOMY

Пильщикова Т.А.

Методика планирования аудиторской деятельности

ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва»

(Россия, Саранск)

doi 10.18411/gq-31-07-2021-11

Аннотация

Аудиторская проверка представляет собой сложный, ограниченный во времени процесс, в связи с чем требующий тщательной подготовки для обеспечения высокого качества ее проведения. Планирование аудиторской деятельности должно обеспечивать уверенность того, что проведение аудита пройдет наиболее результативно, поэтому использование правильной методики организации данного этапа аудита позволит повысить эффективность данного процесс в условиях роста его качества.

Ключевые слова: аудит, планирование аудита, план аудита, программа аудита, аудиторские риски, существенность.

Планирование аудиторской деятельности представляет собой процесс осуществления решений аудиторской стратегии, основная цель которого заключается в установлении объема предстоящих работ, их трудоемкости, определении длительности проверки по всем участкам и расчет затрат на проведение проверки (аудиторских услуг). Методика планирования аудиторской деятельности позволяет определять предполагаемый эффект, производить необходимые расчеты, связанные с подготовкой предстоящей проверки до момента подписания договора с потенциальным клиентом.

Процесс планирования аудиторской деятельности Российской Федерации базируется на применение регламентированных требований международных стандартов аудита (МСА), в частности МСА 300 «Планирование аудита финансовой отчетности», МСА 315 «Выявление и оценка рисков существенного искажения посредством изучения организации и ее окружения», МСА 320 «Существенность при планировании проведения аудита», взаимосвязь которых способствует грамотному построению неотъемлемой части аудиторской проверки.

Планирование аудиторской деятельности должно обеспечивать уверенность того, что проведение аудита пройдет наиболее эффективно, поэтому использование необходимой документации и правильное формирование данных о деятельности клиента на этапе планирования является основным аспектом успешного проведения аудиторской проверки [3].

Документальное оформление этапа планирования представлено рабочим документом по изучению экономической деятельности экономического субъекта, анкетой независимости предприятия, анкетой независимости сотрудников, приказом о контроле качества, приказом о проведении проверки, письмом о проведении аудита, протоколом встречи, планом аудита и общей программой аудита.

На рисунке 1 схематически представлена структура планирования аудита, показывая последовательность этапов.

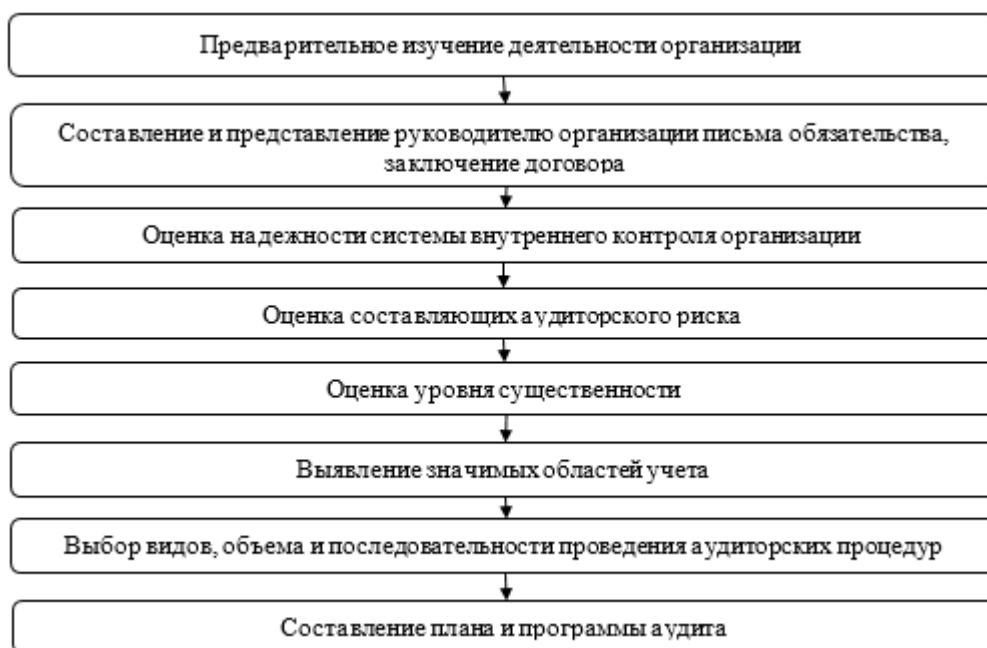

Рисунок 1 – Структура этапа планирования аудита

Реализация первого уровня системы планирования аудита осуществляется только после того, как аудиторская фирма получит от потенциального клиента предложение на проведение аудиторской проверки, что является триггером предварительного планирования [6].

Цель предварительного этапа заключается в оценке возможности проведения аудита, включающей в себя общее знакомство с деятельностью клиента и проведение экспресс-анализа, на котором происходит предварительный расчет объема предстоящей работы, величины трудоемкости, сроков и периода проверки, а также иных необходимых данных, являющихся базой для оценки проведения аудиторской проверки. Поэтому для понимания бизнеса потенциального клиента аудитор должен изучить:

- организационно-правовую форму, организационную структуру управления предприятием;
- специфику отрасли, виды основной и дополнительной деятельности, особенности выпускаемой продукции;
- технологий производства;
- принципы оплаты труда работников и предъявляемые к ним требования;
- соблюдение требований действующего законодательства при осуществлении своей деятельности;
- особенности ведения бухгалтерского учета, уровень автоматизации;
- организацию работы бухгалтерского отдела;
- полнота и систематизация учетной информации;
- организационно - распорядительную документацию, регулирующую деятельность бухгалтерии;
- участие главного бухгалтера в заключении сделок, налоговом планировании [5].

Рассмотренная информация получается аудитором по средствам собеседования с руководителем, изучения основных положений приказа от учетной политике, опроса в виде анкетирования, анализа экономических показателей бухгалтерской отчетности.

Если возникает ситуация, при которой условия для оказания услуг по проведению аудиторской проверки представляются неприемлемыми, аудиторская фирма оговаривает с потенциальным клиентом возможность изменения стоимости

услуг или изменения периода проведения проверки. При этом обе стороны могут либо дать согласие на измененные условия дальнейшего сотрудничества, либо без должного согласия при наступлении срока начала аудиторской проверки, аудиторская фирма принимает решение об отказе предоставления аудиторских услуг. В случае, если между обеими сторонами было принято согласие на изменения условий сотрудничества, аудиторская компания оценивает возможность предоставления услуг потенциальному клиенту с учетом имеющихся у нее трудовых, финансовых, временных и прочих ресурсов, которые являются достаточными для проведения аудиторской проверки в установленные сроки. Если все же ресурсов аудиторской фирмы недостаточно, она начинает поиск способов их дополнительного привлечения. При отсутствии такой возможности аудиторская компания вынуждена отказаться от проведения проверки, известив об этом потенциального клиента. В случае, если у фирмы имеются достаточные ресурсы или у нее есть возможность их дополнительного привлечения, потенциальному клиенту направляется письмо о согласии на проведение аудиторской проверки, согласовывается техническое задание и заключается предварительный договор о намерениях.

Второй этап аудиторской проверки заключается в расчете показателей планирования, составлении общего плана и программы аудиторской проверки.

Общий план аудита – это утвержденный руководителем аудиторской фирмы документ, который включает следующие элементы:

- объем аудита;
- затраты времени по видам запланированных работ на подготовительном, основном и заключительном этапах;
- сроки выполнения работы аудиторами;
- величина уровня существенности;
- размер аудиторского риска.

Аудиторский риск находится как произведение неотъемлемого риска, риска средств контроля и риска необнаружения. Неотъемлемый риск и риск средств контроля существуют независимо от аудитора, и он не может влиять на величину этих рисков. Поэтому для того, чтобы свести риски к минимуму проведение аудита должно быть тщательно спланировано. Риск средств контроля выражает меру ожидания аудитором вероятности пропуска ошибки в учете после проверки системы внутреннего контроля. Риск необнаружения представляет собой вероятность допущения ошибок, превосходящих приемлемый уровень.

Уровень существенности предприятия определяется в стоимостной оценке на этапе планирования аудита, кроме того, он может корректироваться при выполнении аудиторских процедур, а также на этапе завершения аудита.

Для расчета уровня существенности используются показатели бухгалтерского баланса, отчета о финансовых результатах, а также данные о результатах расчета аудиторского риска.

Стоит учитывать, что между уровнем существенности и аудиторским риском есть обратная зависимость, которая заключается в следующем: чем выше уровень существенности, тем ниже аудиторский риск.

Приведем расчет уровня существенности ПАО «Альфа», предварительно рассчитаем необходимые показатели, представленные в таблице 5. Они определяются как произведения значения базового показателя на долю данного показателя в %.

Таблица 1

Расчет показателей, применяемый для нахождения уровня существенности ПАО «Альфа»

Базовые показатели	Значение базового показателя, тыс. р.	Доля, %	Значение, применяемое для нахождения уровня существенности, тыс. р.
Основные средства	586999	10	58 700
Выручка	2850861	2	57 017

Валюта баланса	2780986	2	55 620
Собственный капитал	2171884	5	108 594
Общие затраты предприятия	2572078	2	51 442

Уровень существенности рассчитаем путем деления суммы значений, участвующих в расчете, на их количество (формула (1)).

$$(58\,700 + 57\,017 + 55\,620 + 108\,594 + 51\,442) / 5 = 66\,275 \text{ тыс. р.}, \quad (1)$$

Используемые для расчета уровня существенности значения не должны отличаться от средней расчетной величины на 20%. Процент отклонения определим, как отношение разности рассчитанного уровня существенности и полученных значений к рассчитанному уровню существенности. Получим следующие расчеты (формула (2)).

$$\begin{aligned} (66\,275 - 58\,700) / 66\,275 \times 100 \% &= 11\% \\ (66\,275 - 57\,017) / 66\,275 \times 100 \% &= 14\% \\ (66\,275 - 55\,620) / 66\,275 \times 100 \% &= 16\% \\ (66\,275 - 108\,594) / 66\,275 \times 100 \% &= -64\% \\ (66\,275 - 51\,442) / 66\,275 \times 100 \% &= 22\% \end{aligned} \quad (2)$$

В результате расчета мы выяснили, что отклонение величин собственного капитала и общих затрат ПАО «Альфа» превосходит 20%, поэтому следует сделать пересчет без учета превышающих граничную величину показателей. Однако при пересчете не будем учитывать только собственный капитал, поскольку отклонение общих затрат от трех оставшихся показателей не столь велико (формула (3)).

$$\begin{aligned} (58\,700 + 57\,017 + 55\,620 + 51\,442) / 5 &= 55\,695 \text{ тыс. р.}, \\ (55\,695 - 58\,700) / 55\,695 \times 100 \% &= -5\% \\ (55\,695 - 57\,017) / 55\,695 \times 100 \% &= -2\% \\ (55\,695 - 55\,620) / 55\,695 \times 100 \% &= 0,1\% \\ (55\,695 - 51\,442) / 55\,695 \times 100 \% &= 7\% \end{aligned} \quad (3)$$

Повторный расчет отклонений показал, что все показатели соответствуют норме, следовательно, уровень существенности ПАО «Альфа» принимается равным 55 695 тыс. р.

Аудиторская программа – это документ, в котором детализированы виды работ, указанные в общем плане аудита. В нем указаны аналитические процедуры, выполнение каждой из которых проводится аудитором в соответствии с его квалификацией [2].

Программа аудита должна быть подписана руководителем аудиторской группы и утверждена руководителем аудиторской фирмы.

Если при проведении аудита были получены данные, противоречащие имеющейся у аудитора информации, то допускается возможность вносить изменения в общий план и программу аудита в ходе проведения проверки. В этом случае аудитор должен установить причины вызванных изменений и документировать выявленные причины.

К основным расчетным показателям относятся:

- трудоемкость проверки по каждому участку и общая трудоемкость проверки;
- число исполнителей по каждому участку проверки и общая численность аудиторской группы;
- объем операций на каждом участке проверки;
- обороты по счетам бухгалтерского учета;
- степень значимости операций на каждом участке проверки [1].

Полученные значения показателей используются для планирования и расчета экономического эффекта.

Третий этап включает консолидацию полученных показателей и уточнение оценки затрат по договору. Если условия проведения аудита изменились или оказались

невыгодными для аудиторской фирмы, она может принять решение об отказе от проведения проверки с последующим уведомлением об этом клиента. В данном случае происходит высвобождение для новых потенциальных клиентов. Далее следует анализ доходности по каждому договору, который представляет собой расчет максимизации прибыли и минимизации затрат.

Таким образом, методика планирования аудиторской деятельности представляет собой процесс, состоящие из трех последовательных этапов. От того, насколько правильно происходит реализация данного процесса, зависит в дальнейшем вся аудиторская проверка. Именно на этапе планирования аудиторская фирма принимает решение о проведении аудита или отказе от него, также уточняются сроки проверки, трудоемкость работ, уровень существенности, аудиторские риски и прочие элементы аудиторской проверки.

1. Васильцова Н. Т. Планирование аудита финансовой отчетности / Н. Т. Васильцова // Актуальные проблемы социально-экономического развития России. – 2020. – № 2. – С. 12-14.
2. Золотов Е. С. Планирование аудита как важный элемент аудиторской системы / Е. С. Золотов // Вестник магистратуры. – 2019. – № 1-2(88). – С. 144-145.
3. Колесник Н.Ф. Нормативно-правовое регулирование аудиторской деятельности / Н.Ф. Колесник, О. В. Шибилева, М. В. Казаков // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 9 (122). – С. 1193-1195.
4. Сичинава С. Г. Системный подход к планированию аудита / С. Г. Сичинава, С. В. Шамшеев // Форум. Серия: Гуманитарные и экономические науки. – 2020. – № 2(19). – С. 128-133.
5. Ханбулатова З. Т. Планирование аудита финансовой отчетности / З. Т. Ханбулатова // Экономика и социум. – 2020. – № 4(71). – С. 973-977.
6. Юнусова Д. А. Стандарты планирования аудита и управления рисками / Д. А. Юнусова, М. Ш. Багамаева // Экономика и предпринимательство. – 2021. – № 3(128). – С. 1222-1225.

Романова С.В., Марьянова С.А., Стебленко М.И.

Информативность показателей бухгалтерской (финансовой) отчетности при привлечении потенциальных инвесторов

*Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО
"Донской государственный технический университет"
(Россия, Шахты)*

doi 10.18411/gq-31-07-2021-12

Аннотация

В статье рассмотрена информативность показателей бухгалтерской (финансовой) отчетности, приведены примеры информационных источников, необходимых при проведении анализа финансового состояния организации, выявлена роль и значение анализа финансового состояния организации при привлечении потенциальных инвесторов.

Ключевые слова: финансовое состояние, платежеспособность, бухгалтерская (финансовая) отчетность, инвесторы, информационные источники.

В настоящее время в России правят рыночные отношения, требующие от предприятий эффективного осуществления финансово-хозяйственной деятельности, активной обработки информации и успешного привлечения потенциальных инвесторов.

При таких критериях имеет значение проведение экономического анализа предприятия, позволяющего оценить производственные затраты с полученными доходами, а также провести поиск эффективного использования денежных средств,

вложенных в производственную, коммерческую и финансовую деятельность организации. В связи с развитием экономики, появилась потребность в комплексном изучении экономического состояния организации, позволяющем оценить фактические данные финансовой отчетности, причины их изменения, целесообразность принимаемых решений [1, С.22].

При этом экономический анализ является элементом системы управления, помогающим завершить цикл, сформировать стратегический план дальнейшего развития организации и непосредственно усовершенствовать процесс планирования и прогнозирования. Стратегическое управление организацией подразумевает создание финансовых ресурсов, которые откладываются в инвестиционные финансовые ресурсы, служащие дополнительной поддержкой предприятия в будущем. Главная цель финансовых ресурсов – создание собственных средств организации, необходимых при функционировании организации в стратегической перспективе [5]. В случае если организация не в состоянии организовать инвестиционные финансовые ресурсы самостоятельно, на помощь приходят потенциальные инвесторы. Инвесторы – это физические или юридические лица, осуществляющие долгосрочные вложения денежных средств в планируемые проекты сторонних предприятий.

Для определения целесообразности инвестирования в данный проект, необходимо проанализировать основные показатели финансового состояния организации. Комплексная характеристика финансового состояния предприятия базируется на оценке результативных финансовых показателей предприятия. Классификация факторов, оказывающих воздействие на финансовое состояние организации, представлена на рисунке 1.

Рисунок 1 – Внутренние и внешние факторы, оказывающие влияние на финансовое состояние организации

Комплексная оценка жизнедеятельности организации напрямую зависит от информационного обеспечения. Информационное обеспечение является совокупностью информационных ресурсов, характеризующих полную картину о производственно-хозяйственном состоянии организации. Информационные источники имеют классификацию, представленную на рисунке 2.

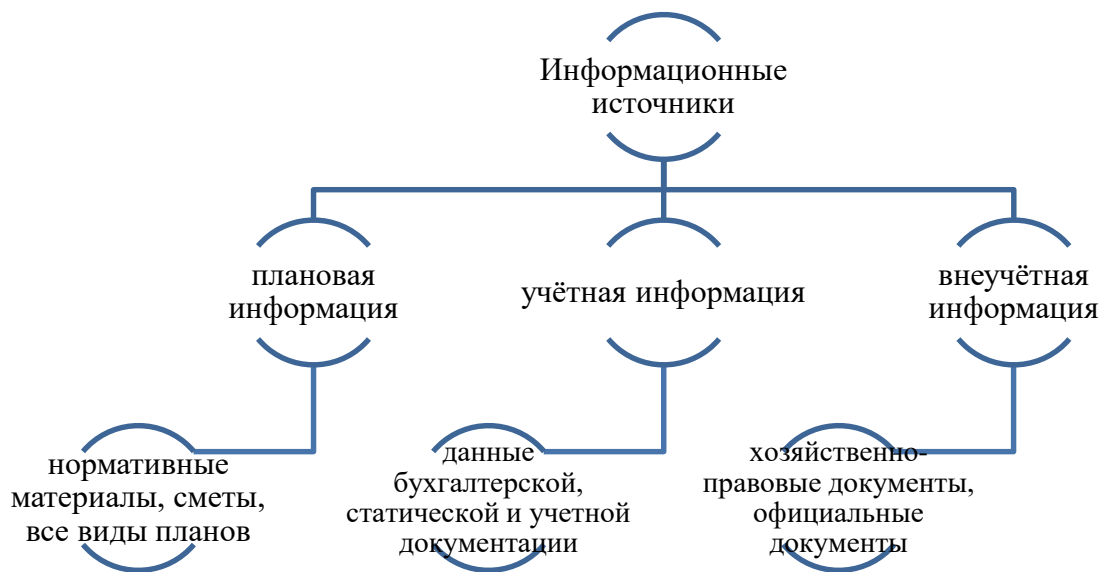

Рисунок 2 – Классификация источников информации

Все виды информационного обеспечения используются при комплексной характеристике финансово-экономического состояния организации, но главное значение имеет бухгалтерская отчетность. Бухгалтерская отчетность позволяет комплексно оценить изменения и отразить причины их возникновения. Отчетность любой организации является информационным звеном, связывающим организацию с внешней деловой средой [9].

Бухгалтерская отчетность организации имеет свою структуру, представленную на рисунке 3.

Рисунок 3 – Составные части бухгалтерской отчетности организации [2]

Расчет расходов и доходов организации по представленным выше показателям, улучшает понимание финансового состояния организации в целом [7]. При этом анализ показателей бухгалтерской (финансовой) отчетности позволяет рассмотреть организацию в естественных условиях жизнедеятельности и оценить ее производственные возможности. Все проанализированные данные необходимы при комплексной оценке целесообразности выбора инвестиционной привлекательности организации.

Основополагающими факторами информационного обеспечения являются:

- открытость;
- доступность;
- достоверность.

Современное общество подразумевает поиск информации об интересующей компании, до момента встречи с её руководством. В плюс организации идет доступная информация, чистый отчет о производственно-хозяйственной деятельности. Всегда отдается предпочтение легкости, открытости и прибыльности [3].

Исходя из представленной предприятием информации, потенциальные инвесторы делают вывод о степени привлекательности организации в инвестиционном смысле. Для определения степени лояльности инвесторов к выбранной организации используют определение «инвестиционная привлекательность». Инвестиционная привлекательность – это совокупность финансово-экономических и психологических факторов, вызывающая уверенность у потенциальных инвесторов в выборе организации. Инвестиционная привлекательность оценивается с учетом информационной базы, но при этом учитываются как количественные факторы, формирующие привлекательность предприятия, так и качественные.

Последующие действия инвесторов, при оценке предприятия, зависят от составляющих информационной базы, представленных на рисунке 4.

Рисунок 4 – Критерии оценки информационной базы организации

Если представленная информационная база устраивает потенциальных инвесторов, то учитываются более детальные аспекты. К детальным аспектам следует отнести:

- временной охват информационной базы;
- возможные риски;
- предполагаемые цели инвестирования;
- интересующие отрасли инвестирования.

Следует отметить, что инвестиционный отклик напрямую зависит от рисков и целей инвестирования, поэтому большое значение придается комплексному экономическому анализу, позволяющему просчитать вероятность возможных рисков и целесообразность выбранных долгосрочных целей [4]. При этом большое значение имеет деловая активность, позволяющая оценить степень финансовой независимости и платежеспособности организации, а также характеризуют ее возможности в долгосрочной перспективе [8].

Выбор информационной базы, как основного источника для получения необходимых данных о деятельности организации обоснован, поскольку информационное обеспечение позволяет в полной степени оценить всю совокупность форм и источников данных, необходимых для детальной для оценки перспектив и возможностей фирмы [6].

Полнота представленных организацией сведений создает полноценную и достоверную оценку ее возможностей и целесообразности инвестирования в стратегическом плане в представленные проекты.

1. Косорукова, И.В. Экономический анализ: учебник для бакалавриата и магистратуры / И.В. Косорукова, О.В. Мощенко, А.Ю. Усанов. – Москва: Университет Синергия, 2021. – 360 с. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=613826> (дата обращения: 25.06.2021)
2. Приказ Минфина РФ от 06.07.1999 N 43н (ред. от 08.11.2010, с изм. от 29.01.2018) "Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету "Бухгалтерская отчетность организации" (ПБУ 4/99)" URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18609/22a849bd061b7ce2cce179cc74bc7795a1c7163e/ (дата обращения: 25.06.2021)
3. Бычкова, С.Г. Информационно-коммуникационные технологии как основа развития информационного общества: Россия в системе международных статистических индикаторов / С.Г. Бычкова, Л.С. Паршинцева // Статистика и экономика. – 2019. – № 1. – С. 32-40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-kommunikatsionnye-tehnologii-kak-osnova-razvitiya-informatsionnogo-obschestva-rossiya-v-sisteme-mezhdunarodnyh> (дата обращения: 27.06.2021)
4. Петрушина, Л.О. Информационное обеспечение экономического анализа инвестиционной привлекательности организации / Л.О. Петрушина // Финансы и управление. – 2016. – № 4. – С. 52 - 66. URL: https://e-notabene.ru/flc/article_20657.html (дата обращения: 27.06.2021)
5. Нурмаганбетова, М.С. О вопросах управления и формирования финансовых ресурсов местных бюджетов / М.С. Нурмаганбетова, Г.Р. Даулиева, А.А. Ниязбаева // Статистика и экономика. – 2021. – № 1. – С. 37-46. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-voprosah-upravleniya-i-formirovaniya-finansovyh-resursov-mestnyh-byudzhetrov> (дата обращения: 29.06.2021)
6. Стебленко, М.И. Управление платежеспособностью организации в целях обеспечения непрерывности процессов хозяйствования в условиях рынка / С.В. Романова, С.А. Марьянова // Научная весна-2020. Экономические науки: сборник научных трудов; Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Донской государственный технический университет" в г. Шахты Ростовской области (ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты). - Шахты: ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты, 2020 - С. 255-259.
7. Стебленко, М.И. Анализ факторов, оказывающих влияние на финансовое состояние предприятия / С.В. Романова // Научная весна-2021. Экономические науки: сборник научных трудов; Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Донской государственный технический университет" в г. Шахты Ростовской области (ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты). - Шахты: ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты, 2021 - С. 162-168.
8. Романова, С.В., Анализ показателей деловой активности предприятия в производственно-хозяйственной деятельности / А.А. Бурдова // Научная весна-2021. Экономические науки: сборник научных трудов; Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Донской государственный технический университет" в г. Шахты Ростовской области (ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты). - Шахты: ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты, 2021 - С. 154-158.
9. Романова, С.В. Информативность форм бухгалтерской отчетности при развитии коммерческой организации / С.В. Романова, С.А. Марьянова, Е.Н. Акимова // Научная весна – 2019. – Шахты: ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты, 2019. – С.149-156.

Beloshitskiy A.V.

The role of the government in the development of green financing

*NTI Competence Center in “Technologies of storage and analysis of big data” at the
Lomonosov Moscow State University
(Russia, Moscow)*

doi 10.18411/gq-31-07-2021-13

Abstract

The study focuses on the role of the government in financing the green economy and the development of the market of socially responsible investment. The paper considers the Russian and foreign experience of governmental support of green financing, as well as some tools to stimulate green investments. Conclusions are drawn about the effective configuration of the state and the private sector to stimulate green investments.

Keywords: green investments, green financing, socially responsible investments, green economy, green bonds.

Аннотация

Исследование посвящено вопросам роли государства в финансировании «зеленой» экономики и развитии рынка социально ответственного инвестирования. Рассматривается российский и зарубежный опыт государственной поддержки «зеленого» финансирования, а также инструменты стимулирования «зеленых» инвестиций. Сделаны выводы об эффективной конфигурации государства и частного сектора для стимулирования «зеленых» инвестиций.

Ключевые слова: «зеленые» инвестиции, «зеленое» финансирование, социально-ориентированное инвестирование, «зеленая» экономика, «зеленые» облигации.

Introduction. Currently, high rates of economic growth are accompanied by negative externalities, one of which is the aggravation of environmental risks associated with climate change, environmental pollution, depletion of natural resources, etc.

At the moment, green financing is becoming an integral component in achieving global and national sustainable development goals and the formation of a low-carbon economy, determining further prospects for the development of the international financial system through the active growth of the green segment of the global financial market and responsible investments. In this regard, many governments are committing themselves to the transition to a green economy, the implementation of innovative environmental projects and the development of national markets for green securities.

Studying the role of the government in the development of green financing seems necessary to identify the most effective ways to stimulate socially responsible investments and assess the future prospects for the development of the green financing market.

Materials, methods and objects of research. As part of this study, an analysis of academic literature on green financing was carried out, reports and materials of international organizations were studied and analyzed, and the prospects and barriers of governmental stimulation of green financing were identified.

Purpose of research. The purpose of this research is to study the role of the government in the development of green finance.

Research results.

The role of the government in the development of green financing.

At present, the role of the government in financing the green economy is concentrated mainly on strategic directions and only to the extent that provides attractiveness for private investment.

While governments are faced with the need to qualitatively change the structure of the national financial systems in accordance with the goals of sustainable development, public policy measures aimed at supporting the green sectors, along with government regulation and support of the banking system, the insurance system, the stock market, institutional investors are one of the main levers to ensure the stability of the financial system and the transition to green growth [Ministry of Finance, 2018].

Informational role of the government.

One of the key government measures to stimulate socially responsible investment is to raise the awareness of businesses and the public about the potential benefits of the implementation of green innovation projects, informing them about responsible production and consumption. The informational role of the government is also to create an effective regulatory framework for green financing for investors, within which it is necessary to outline the key requirements and definitions of green standards and projects. Harmonization of national and international standards plays a special role here [Fedorova, 2020].

Coordinating role of the government.

The coordinating role of the government in the development of the national green finance system is to develop strategic documents in the field of socially responsible investment – concepts and roadmaps for long-term development, taking into account the environmental component, the creation of national standards and guidelines for green finance.

Expert and analytical role of the government.

Among the measures in this area, it is necessary to highlight the examination of green innovative projects in order to identify the potential environmental benefits achieved during their implementation, and to support investors in assessing the investment attractiveness of the project.

Regulatory role of the government.

Among the methods of government regulation of the market for green financing, it is necessary to highlight such measures as the creation of an emissions trading system; using subsidies and tax preferences to adjust the cost of green projects for investors; support of green projects by government organizations [Fedorova, 2020].

Stimulating role of the government.

Incentive measures include the provision of guarantees, the insurance systems to banks to stimulate investment in green projects; the launch of government-regulated innovations in the financial sector: the issuance of green bonds/securities backed by ABS assets, the creation of profitable companies (Yieldcos).

Meantime, at the moment there are a number of problems associated with government regulation of green financing. One such problem is the acute shortage of private investment. Currently, the main investor in green projects is the government – significant amounts of the federal budget are directed to green financing, while private investment does not show a tendency to replace the public. Moreover, government green finance instruments continue to play a primary role in the green bond market, while market-based instruments are not widely used. To overcome these limitations, national governments are looking for new innovative approaches aimed at stimulating green economic growth and generating sources of green financing [Ministry of Finance, 2018].

Russia's experience in stimulating green financing.

Today, one of the strategic directions of the development of the Russian Federation is the development of a green economy and the formation of a market for green securities. At the same time, the current Russian level of green investment is insufficient for green development, and green bonds account for only 0.9% of investments in fixed assets [Semenova, 2020].

In order to stimulate the development of socially responsible investment in Russia, it is necessary to take a set of government support measures aimed at creating a favorable

investment climate, attracting private capital and raising public awareness of the potential benefits associated with the implementation of green innovative projects.

Currently, green financing mechanisms are used in Russia in the implementation of the national project “Ecology” (2019–2024), the key goal being to enhance the environmental situation in the country and improve the health of the population. The total amount of funding for the project is about 4 trillion rubles, of which 3 trillion rubles are planned to be attracted from extra-budgetary sources [Government of the Russian Federation, 2019].

One of the measures taken to stimulate the issuance of environmental bonds is the adoption in 2019 of the Government of Russia’s Resolution No. 541 dated April 30, 2019 “On Approval of the Rules for Granting Subsidies from the Federal Budget to Russian Organizations to Reimburse the Costs of Payment of Coupon Yields on Bonds Issued as Part of the Sale Investment Projects to Introduce the Best Available Technologies”. This document, among other things, establishes the conditions and procedure for granting subsidies to Russian organizations to reimburse part of the costs of paying income on bonds issued for the purpose of implementing projects to reduce the negative impact on the environment [Garant, 2019].

In 2019, the Bank of Russia published the Concept for the Organization in Russia of a Methodological System for the Development of Green Financial Instruments and Responsible Investment Projects (hereinafter referred to as the Concept). Within the framework of the Concept, it is proposed to create the National Council for Green Finance and Sustainable Development, the main goal of which will be the development of a system of green financing in Russia. Currently, work is underway in this direction [TASS, 2019].

In 2020, the Russian government development corporation, the government investment bank VEB.RF, developed Guidelines on Green Financing in cooperation with the government, private business and experts, which set the further vector for the development of socially responsible investment in Russia. In preparing the guidelines, the experience of the world’s largest organizations in this area, as well as of the leading countries in the field of green financing was taken into account [VEB.RF].

Experience of individual states in stimulating green financing.

Sweden.

Sweden is currently one of the world leaders in green finance: its financial institutions were among the first to actively develop the green bond market (SEB, Nordea, Kommuninvest, Vasakronan). Numerous research programs in Sweden cover this topic and explore the opportunities of public-private partnerships for socially responsible investment.

The Stockholm Sustainable Finance Center (SSFC, 2017) operates in the country, seeking the solutions to attract financial flows to the implementation of innovative green projects. The Center provides training for specialists on the implementation of sustainability principles in financial solutions. SSFC also participates in the Green Investment and Climate Risk project, which aims to analyze the motivation of investors and issuers in the national green securities market, as well as to prepare Guidelines on Sovereign Green Bonds [Central Bank of the Russian Federation, 2019].

The UK.

In 2016, the City of London Corporation partnered with the British government to launch the Green Finance Initiative, which aims to provide national leadership in sustainable finance, promote the UK as a leading global hub for green financial and professional services, and stimulate government-private partnership in the green economy.

In 2019, the UK Green Finance Strategy was published, which sets out economic policies for sustainable and balanced growth. As part of the Strategy, it was decided to establish the Institute of Green Finance, the key role of which is to create a platform for discussing green projects and cooperation between investors and enterprises [Ermakova, 2020].

France.

France is one of the world leaders in the issuance of green bonds, largely due to the successful public policy in the field of green finance. Currently, on the basis of the French Ministry of Ecology, there are three divisions, whose work is aimed at developing a green economy:

- Committee on Green Economy, seeking to develop proposals for mobilizing private finance for green transformation;
- The Economic Council for Sustainable Development, which prepares reference materials and advises on the green economy;
- GreenTech Project, which aims to explore the opportunities of using digital tools to achieve the Sustainable Development Goals; within the framework of the project, a network of green incubators was created [Central Bank of the Russian Federation, 2019].

The Netherlands.

In 2016, the Netherlands created the Dutch Sustainable Finance Platform, which aims to facilitate the cooperation of financial actors to develop the green securities market. Within the platform, a few working groups were created to discuss specific financial topics, whose members represent a wide range of stakeholders. The members of the working groups carry out research, discuss the results obtained during meetings, and publish the relevant reports [Central Bank of the Russian Federation, 2019].

China.

In 2016, the People's Bank of China published a Guide to Building a Green Financial System, seeking to promote sustainable development, create a green financial system, and create a regulatory framework for the effective functioning of the green securities market.

In 2017, China issued Green Bond Certification Guideline and Green Bond Guidelines related to financial support for infrastructure investments. The purpose of these documents was to increase investor confidence in the green bond market. In the same year, the country for the first time issued a series of Green Bond indexes, which imposes certain requirements for the certification and valuation of green bonds in China [Savinsky, 2019].

Japan.

In 2017, the Japanese government published the Green Bond Guidelines, which provides the governing principles for the functioning of the green bond market to help issuers, investors and other market stakeholders to make decisions about securities.

Japan also uses a Green Bond Promotion Platform to collect and disseminate information on the current situation and trends in the socially responsible investment market [Central Bank of the Russian Federation, 2019].

Conclusions. The development of green finance has been one of the key strategic objectives of the international community in the past few years. To stimulate socially responsible investment and support green innovation projects, national governments are formulating long-term sustainable development strategies, guidelines for issuing green bonds, and various methodological recommendations. At the same time, the main problem in the field of green finance remains the lack of private investment, while the government remains the main investor in green projects. In this regard, one of the key tasks of the government is to attract private investment in the green economy, increase the awareness of business and the public regarding the benefits obtained from the implementation of green projects.

Governments will need much more than a selection of instruments from a set of green economy policies to implement their green economy transitions. This will require them to set clear goals and objectives, synergies and compromise between different options for development vectors to achieve their goals, effectively plan and implement priority actions,

and monitor progress and analyze their strategies over time through a continuous adaptive management process.

1. Ermakova, E. P. «Zelenaya finansovaya strategiya» Velikobritanii 2019 g. – programmnyj dokument v oblasti «zelenogo» finansirovaniya // *Obrazovanie i pravo*. – 2020. – №9.
2. Savinskij, S. P. Stanovlenie i razvitie «zelenogo» kreditovaniya v KNR // *Ekonomicheskie issledovaniya*. – 2019.
3. Semenova, N. N., Eremina O. I., Skvorcova M. A. «Zelenoe» finansirovanie v Rossii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya // *Finansy: teoriya i praktika*. – 2020.
4. Fedorova, E. P. Rol' gosudarstva v reshenii problem razvitiya «Zelenogo» finansirovaniya // *Finansovyj zhurnal*. – 2020. – №4.
5. Oficial'nyj sajt VEB. RF // URL: <https://veb.ru/ustojchivoe-razvitie/zeljono-finansirovanie/> (data obrashcheniya: 04.06.2021)
6. Oficial'nyj sajt Garant.ru // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72137248/> (data obrashcheniya: 04.06.2021)
7. Oficial'nyj sajt Ministerstva finansov Rossii // URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=122805-razrabotka_predlozhenii_podderzhivayushchikh_dyeyatelnost_po_vystraivaniyu_tselostnoi_sistemy_mer_i_mekhanizmov_razvitiya_i_gosudarstvennoi_podderzhki_zelenogo_finansirovaniya (data obrashcheniya: 03.06.2021)
8. Oficial'nyj sajt Pravitel'stva RF // URL: <http://government.ru/info/35569/> (data obrashcheniya: 04.06.2021)
9. Oficial'nyj sajt TASS // URL: <https://tass.ru/ekonomika/6999512> (data obrashcheniya: 04.06.2021)
10. Oficial'nyj sajt Central'nogo banka RF // URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/84163/press_04102019.pdf (data obrashcheniya: 05.06.2021)

Semagina A.S., Shulikov A.O.

Prospects for the development of a public-private partnership in the fisheries management complex of the Kamchatka Krai

*Kamchatka State Technical University
(Russia, Petropavlovsk-Kamchatsky)*

doi 10.18411/gq-31-07-2021-14

Abstract

The article discusses the main provisions of legislation in the field of public-private partnership in the Russian Federation and identifies the main factors influencing its development, and an analysis of the activities of the fisheries complex of the Kamchatka Krai was carried out in 2020; An evaluation was made of the effectiveness of the implementation of State programmes in the fisheries management complex of Kamchatka Krai, proposals were made for the development of public-private partnerships in the fisheries sector of the region, and an assessment was made of corruption risks.

Keywords: Kamchatka Krai, fisheries management complex, aquaculture, public-private partnership.

Various models of public-private partnerships in various spheres of human activity are widespread throughout the world now. For Russia, public-private partnership (hereinafter PPP) is a relatively new mechanism for economic development, the role of which will increase with development and adaptation.

The formation of institutions for interaction between the State and business in the current conditions is an essential factor for effective and sustainable economic and social development, both at the federal and regional levels. In view of the need to improve the competitiveness of efforts to improve the quality of life of the population, there is a need for a new economic model based on private initiative and State regulation of economic processes. One of the proven tools for achieving these goals is the use of public-private

partnerships that can ensure a long-term transition at all levels of interaction to balanced social, environmental and economic development.

The development of PPP is determined by several major factors that influence the expansion of the scope and form of interaction between government and business (Antonova K. A. 2011).

Firstly, PPP is one of the mechanisms of a mixed economy that allows the development of business-state relations.

Secondly, PPP involves private sector resources in reproductive processes in government- and local-government-owned industries and areas, and uses private business initiative to improve budget spending.

Thirdly, combining the efforts and resources of business and the State in the framework of specific projects creates their additional competitive advantages. Business has greater flexibility and adaptability than public institutions, faster decision-making, ability to innovate, and a desire to seek technological and technological improvements to ensure competitiveness. The State, in turn, can ensure the more successful implementation of PPP projects by establishing a stable legal framework, organizing activities, including interaction with civil society, and using financial resources-economic instruments: material support, subsidies, financial guarantees, preferential taxation and other forms of support.

In 2016, the Federal Law «On Public-Private Partnership, Municipal-Private Partnership in the Russian Federation and Amending Individual Legal Acts of the Russian Federation» entered into force, the purpose of which is «Creation of legal conditions for attracting investments in the economy of the Russian Federation and improvement of the quality of goods, works and services, the organization of which consumers are the responsibility of the bodies of state power and bodies of local self-government». (Government of the Russian Federation 2015).

We will focus on the regional aspects of the establishment of a PPP mechanism, using the example of the Kamchatka Krai Fisheries Management Complex (FMC). On the basis of the current version of the Act, we will specify the key principles for the implementation of PPPs - the pooling of resources and the allocation of risks of the parties to the agreement, attracting private investment into the economy and ensuring that State and local authorities have access to goods, work and services and improve their quality.

Thus, creating an enabling environment for PPPs:

- To strengthen the activities of the FMC members by stimulating various forms of partnership in the Kamchatka region;
- To expand the scope of application of PPP in line with government strategic documents;
- To develop the market for PPP projects by stimulating offers from domestic and foreign investors;
- To form and develop «points of growth» around regional FMC, involving in realization of projects unused resources of other subjects.

As a result, this should unleash the untapped potential of PPP projects to address the challenges of the region's FMC transition to sustainable development.

The development of the FMC of Kamchatka Krai takes place against the backdrop of numerous constraints, primarily infrastructure. In this connection, in order to improve the interaction between the State and business structures in the FMC of Kamchatka Krai, the use of PPP mechanisms in the format of territories leading development (TLD) can be considered. This instrument is based on the principle of partnership between the State and business. In accordance with the TLD Act, the State provides the infrastructure necessary for residents. This instrument thus makes the financial model of the project attractive to the investor in a context of limited budgetary means. (Government of the Russian Federation 2014).

In addition, the main obstacle to attracting investors is the lack of a realistic understanding of returns on the part of project proponents. The starting point for PPP-based

fisheries development projects is the willingness of private investors to take on the public sector risks arising from the specific public, economic and social challenges they face. Therefore, structuring risks is an essential part of the PPP mechanism in implementing projects in the industry. A key factor in its low investment attractiveness for long-term investments is the high level of risk in the fisheries complex of Kamchatka Krai.

The fishing industry has traditionally been dominant in the economic life of the Kamchatka region. The state of the fisheries sector largely determines the direction and dynamics of many other sectors of the region's economy.

Kamchatka Krai continues to lead in production volumes. According to the results of 2020, Kamchatka fishermen extracted 1,530,000 tons (or 99% of the total in 2019), which represents more than 40% of the catch in the Far East and more than 30% of the national catch.

The first in the catching structure is the mint, and the second is the Pacific salmon. Herring, flounder, navaga, cod, termug, halibut, iwais sardine, squid, crabs and other types of aquatic bioresources are also mined by enterprises of Kamchatka Krai.

There are currently more than 800 organizations operating in Kamchatka Krai (according to State registration data) that catch and (or) process aquatic biological resources with a year-round or seasonal production cycle.

Within the framework of the state program of the Kamchatka Krai «Development of the fishing complex of the Kamchatka Krai», approved by the Resolution of the Government of the Kamchatka Krai from 29.11.2013 533-Two investment projects were implemented to build and modernize fish processing complexes on the coasts of Kamchatka, which allowed to invest 2.4 billion roubles in the industry.

State support for the realization of investment projects is provided from the funds of the provincial budget in the form of subsidies for the reimbursement of a part of the costs of payment of interest on loans, advance payments and leasing payments.

During the period of operation of regional sectoral programmes from 2010 to 2020, support from the provincial budget amounted to 750 million roubles. Received 42 investment projects with a total of RUB 18 billion in extra-budgetary investments. (Ministry of Fisheries of the Kamchatka Territory n.d. 2020).

For the successful implementation of the projects, the sectoral organizations of Kamchatka Krai attract not only regional but also federal State support measures; according to the results of 2020, 14 fisheries organizations are residents of the territory of the leading social organizations-economic development of «Kamchatka», 8 investment projects on modernization of the fleet and construction of fish processing complexes were realized (the volume of capital investment on realized projects amounted to 6.6 billion rub.).

Implementation of the State support mechanism for attracting investment in the industry in the form of investment quotas for the construction of fishing fleets and fish processing plants continues.

Production (harvesting) quotas of aquatic biological resources for fisheries investment for industrial fisheries and (or) coastal fisheries in 2020 allocated (and fully developed) A total of 34,000 tons for 6 enterprises in the fisheries complex of Kamchatka Krai.

Projects on construction of 5 fish processing plants (LLC «Kamchatralstrafstad», LLC «Vityaz-Auto», LLC «Ukinsky liman», LLC «Zarya», LLC «Fishing kolkhoz im. V.I. Lenin) were realized in territory of the Krai within the framework of investment quotas and projects on construction of 3 fish processing plants (LLC «Fish Canning Plant «Commander», LLC «KGB-Donka», LLC «Oktyabrsky-1») are realized.

Under the investment quotas of the Fisherman's collective farm named V.I. Lenin has already built 3 mid-trawlers-seiners. Another 17 fishing boats are under construction by Kamchatka enterprises.

The effects of the investment quota programme include an increase in the investment activity of the enterprises participating in the programme, an increase in the projected tax return from the projects carried out and the creation of modern jobs.

Overall, between 2008 and 2020, enterprises in the fisheries complex invested more than 66 billion roubles in developing their coastal processing capacity and modernizing the fishing fleet. 29 modern plants were built on the coasts of the peninsula, 24 ships were built, acquired and modernized.

It should be noted that one of the problems in financing PPP projects is the lack of a common understanding of PPP implementation mechanisms in both business and government. To overcome this problem, the Kamchatka Krai Development Corporation was established in 2014 as part of the Kamchatka Krai Government, including one of the functions of the corporation was to prepare, launch and manage PPP projects. But during the period of operation of this corporation in the territory of the Kamchatka Krai, one PPP project which was not related to the fisheries complex was implemented.

In our view, the first task of the FMC public administration is to create conditions that will enable the State to derive maximum benefit from the operation of the aquatic biological resources.

The most attractive sector of the Kamchatka Region FMC in which PPPs can be effectively developed in our view is the area of aquaculture development.

At present, there are only five state fish-water-producing plants under the FSBI «Sevvestostrovod» operating on the territory of the province. This is due to the fact that aquaculture development in Kamchatka is currently not commercially efficient, and traditional commercial activities in the FMC are more cost-effective and generate significant cash flow.

The investment portfolio of JSC «Kamchatka Development Corporation» contains several projects related to the development of aquaculture. Among other things, creation of salmon fish-aquatic plants with the funds of private investors (pasture fish farming), construction of a floating complex for reproduction and transformation of Kamchatka crab by the basin method, creation of a mariculture farm «Vilyuchinskaya Bay». But not one of these projects has been able to attract investors. (Industrial parks and technoparks of Russia).

The main reasons why investors do not pay attention to aquaculture development projects in Kamchatka Krai are:

1. Lack of infrastructure on the peninsula coast (roads, transport, energy);
2. High cost of fuel, energy tariffs, utilities, relatively high labor and maintenance costs;
3. Significant logistical costs for the delivery of planting material, feed and final aquaculture products.

In our view, the establishment of the necessary infrastructure should be entrusted to the State, within the framework of PPP, which in the future will make it possible to attract both domestic and foreign investors to the development of the FMC of Kamchatka Krai in general, and in particular to the development of aquaculture projects.

In any case, however, the State must retain ownership of the project, since it is the State that is responsible for the development of infrastructure facilities and can be the subject of international policies and of the promotion of domestic enterprises in external markets.

As the current Russian experience shows, new types of corruption transactions are emerging within the framework of PPPs, consisting of solidarity between representatives of the State and a private partner in the use of budgetary resources on a non-market basis for the purpose of illegally obtaining income from both sides. The most important institutional condition for an effective PPP system is the symmetry between the interests of the State and those of private investors interested in attracting budgetary resources for the implementation of agreed projects. Since it is precisely the high transaction costs that can be incurred by an investor that are a reason to constrain the development of PPPs. In large public image

projects, it is not always possible for a private partner to identify all the risks within the framework of its commitments. The scale and technical complexity of a project can cause serious problems for a private investor who does not have the same level of information as a State counterpart (Roj O M 2014).

1. Antonova K. A. 2011 Theoretical foundations of public-private partnership. Vestnik universiteta. Moscow. GOU VPO «GUU». 22. – P. 132–134. (in Russian)
 2. Government of the Russian Federation 2014 About territories advanced socio-economic development in Russian Federation (Federal Law 473-FZ, dated 29 dec. 2014) (Moscow, Russia)
 3. Government of the Russian Federation 2015 About public-private partnership, municipal-private partnership in the Russian Federation and amendments to separate legislative acts Russian Federation (Federal Law 224-FZ, dated 13 Jul. 2015) (Moscow, Russia)
 4. Industrial parks and technoparks of Russia. Development Corporation of Kamchatka announced measures to support the development of aquaculture in the region <https://russiaindustrialpark.ru/news/korporaciya-razvitiya-kamchatki-obyavila-o-merah-podderzhki-razvitiya-akvakultury-v-krae>
 5. Ministry of Fisheries of the Kamchatka Territory n.d. The report on the activities of the Ministry of Fisheries of the Kamchatka Krai Available at <https://minfish.kamgov.ru/otcet-o-deatelnostiministerstva-rybnogo-hozajstva-kamcatskogo-kraa-za-2020-god>
 6. Roj O. M. Corruption risks in development of public-private partnership system in Russia. All-Russian scientific conference "current problems of scientific support of the state policy of the Russian Federation in the field of countering corruption" Yekaterinburg, June 25-27, 2014. P. 295-302
-

SECTION IV. PEDAGOGY

Вареницина Г.Г., Пономарева В.С.

Система работы по формированию историко-краеведческих представлений у детей дошкольного возраста

МАОУ ДС № 120 «Сказочный»
(Россия, Тольятти)

doi 10.18411/gq-31-07-2021-15

Аннотация

В статье раскрывается система работы по формированию историко-краеведческих представлений у детей дошкольного возраста. А также теоретически обоснована необходимость целенаправленной работы на повышение интереса к изучению истории родного края, целесообразность и эффективность представленной системы работы по формированию историко-краеведческих представлений о родном крае у детей дошкольного возраста.

Ключевые слова: дети дошкольного возраста, историко-краеведческие представления, система и направления работы, информационные ресурсы, инновационные технологии.

Abstract

The article reveals the system of work on the formation of local history ideas in preschool children. Also, the need for purposeful work to increase interest in studying the history of the native land, the feasibility and effectiveness of the presented system of work on the formation of local history ideas about the native land in preschool children were theoretically substantiated.

Keywords: preschool children, local history ideas, work system and directions, information resources, innovative technologies.

Особое внимание в настоящее время следует уделять воспитанию подрастающего поколения, формируя в них нравственность и ответственность. Во ФГОС ДО значимость патриотического воспитания и патриотических чувств у дошкольников, обозначена как задача, направленная на приобщение детей не только к социокультурным нормам, традициям семьи, общества и государства, но и с учетом социальной и этнокультурной ситуации развития детей.

В соответствии с ФГОС ДО патриотическое воспитание предполагает работу по формированию первичных представлений о малой родине и Отечестве, о традициях, праздниках и социокультурных ценностях народа, формированию уважительного отношения и чувства принадлежности к своей семье, своему народу, усвоению ценностей и норм, которые приняты в обществе.

Однако, следует отметить, что в современном мире видна тенденция к отсутствию интереса к истории, к духовной и материальной культуре родного края, не только у детей дошкольного возраста, но и у их родителей, более старшего поколения.

Наблюдается такое явление, как невозможность назвать свою малую Родину, дети и их родители мало знакомы с достопримечательностями родного края, его богатым историческим и культурным наследием. Патриотическое чувство не возникает само по себе. Это результат длительного целенаправленного воспитательного воздействия на человека, начиная с самого детства. Ребенок не рождается злым или добрым, нравственным или безнравственным. То, какие нравственные качества разовьются у ребенка, зависит, прежде всего, от родителей и окружающих его взрослых, как они его воспитают, какими впечатлениями обогатят. Родители же не

всегда занимаются детьми привитием им навыков нравственно- патриотического воспитания. В связи с этим проблема нравственного - патриотического воспитания детей дошкольного возраста, знающих историю своей малой Родины, становится одной из актуальных.

В настоящее время среди наиболее острых проблем, стоящих перед отечественным дошкольным образованием, выступает проблема становления у дошкольников ценностного отношения к культуре и традициям своего народа, к традициям своей семьи, родной стране, воспитания основ гражданственности. Как показывают современные исследования, ценностное отношение к Родине является важной составляющей опыта личности, и поэтому оно должно стать значимым компонентом первой ступени образования человека - дошкольного образования. Дошкольный возраст как период складывания первооснов личности имеет свои потенциальные возможности для развития высших нравственных чувств, в том числе ценностного отношения к малой Родине, воспитания основ гражданственности.

Одним из ведущих факторов формирования историко-краеведческого сознания детей является их ознакомление с историей малой родины. Необходимость развития интересов дошкольников в этой области связана с социальным запросом общества: чем полнее, глубже, содержательнее будут знания детей о родном крае, тем более действенными окажутся они в воспитании любви к нашей Родине.

Помочь дошкольникам и их родителям лучше узнать свой родной край, глубже понять особенности его природы, истории и культуры и их взаимосвязь с природой, историей и культурой страны, мира, принять участие в созидательной деятельности, развить свои собственные способности – в этом заключается основной смысл системы нашей работы. При воспитании подрастающего поколения в нашем детском саду особое внимание уделяется региональному компоненту.

Таким образом, очевидна необходимость целенаправленной работы, направленной на повышение интереса к изучению истории родного края, не только дошкольников, но и их родителей. Она включает в себя методическую базу воспитательно-образовательной деятельности и комплекс мероприятий по формированию историко-краеведческих представлений у детей дошкольного возраста. При этом географические и природные особенности, местные культурно-исторические обычаи и традиции, народное творчество являются для дошкольников наиболее доступными средствами формирования положительного отношения к своей малой родине, развитие интереса к разным сторонам жизни родного края. Все это учитывается при построении системы работы по формированию историко-краеведческих представлений у детей дошкольного возраста в нашем образовательном учреждении.

МАОУ ДС № 120 «Сказочный» вот уже несколько лет ведет работу в данном направлении, мы отбираем и сочетаем различные педагогические технологии, методы и приемы; повышаем профессиональную культуру педагогов, их педагогическое мастерство; организовываем тесное сотрудничество между всеми участниками образовательного процесса: воспитателями, воспитанниками и их родителями.

Так как в современном мире интерес к инновациям в цифровом мире возрастает, мы в своей работе стимулируем интерес к изучению истории и краеведения родного края посредством использования современных информационных технологий. Именно современные информационные технологии значительно расширяют возможности педагогов при подаче различного вида информации. Мы постепенно уходим от традиционной формы подачи информации, это позволяет устранить однообразный и монотонный процесс обучения, ведь педагоги подбирают и создают новый информационный продукт, подбирают и используют готовые медиаресурсы, создают собственные продукты (презентационные, обучающие, тренирующие и т.д.).

Но ничего в этом мире не может заменить живого общения, поэтому в своей работе, мы совмещаем современные информационные технологии и непосредственно живое общение.

Одним из самых эффективных методов в нашей работе считаем Метод проектов и применение разработанных нами интеллектуальных игр, историко-краеведческой направленности. В играх мы используем различные классификации вопросов: вопросы на сообразительность, вопросы на закрепление ранее полученных знаний, вопросы-подсказки, вопросы-шутки, вопросы-исключения. Почему именно интеллектуальная игра, выбрана нами, как одна из форм игровой технологии, потому что этот вид игры предполагает полное погружение детей в процесс, во время ответов на вопросы, либо выполнения поставленной задачи, ведь они как никогда сосредоточены, внимательны и как правило максимально дисциплинированы. Кроме того, именно эти игры помогают детям научиться мыслить, анализировать, планировать.

Ну а, Метод проектов всегда эффективен и актуален. Именно он дает возможность дошкольникам не только экспериментировать, но и синтезировать полученные знания, развивать коммуникативные навыки, творческие способности. Дошкольники работают самостоятельно, или коллективно, а по завершении проекта представляют завершённую работу, которая имеет социально значимый результат.

Огромное внимание уделяется организации развивающей предметно-пространственной среде: оформляются не только центры патриотического воспитания, но и разрабатываются авторские дидактические игры, оформляются тематические альбомы, иллюстрационный и наглядный материал, подбирается не только методическая, но и художественная литература, посредством которой дети получают новые знания о культурно-исторических событиях; уделяется внимание сюжетно-ролевым играм.

В нашем учреждении функционирует мини-музей, со сменяемыми экспозициями. Работу музея обеспечивают не только педагоги и воспитанники детского сада, но и родители наших воспитанников.

Представляем компоненты содержания нашей работы:

- Семья, как неотделимая составная часть общества и институт передачи детям жизненного, нравственного и исторического опыта отношений к окружающей действительности.
- Город Тольятти, как место накопления ребёнком социального опыта жизни через ознакомление с культурно-историческим своеобразием малой родины.
- Самарская область, как уникальная территория активного взаимодействия дошкольника с окружающим миром через приобщение к историко-географическим особенностям и общественно-культурным традициям родного края.
- Россия, как Отечество с его великим историческим прошлым и современными условиями активного развития.
- Мировая культура, как фактор вовлечения подрастающего поколения в процесс развития единой цивилизации с опорой на историческое достояние разных эпох и наследие поликультуры разных народов и национальностей.

Направления нашей работы:

1. С воспитанниками ДОУ – формирование у детей первичных представлений об истории семьи, города Тольятти, Самарской области, России и мировой культуры через интеграцию различных видов познавательной и творческой деятельности, игру и активное созидательное

взаимодействие историко-краеведческого и поликультурного содержания.

2. С педагогами ДОУ – повышение профессионального уровня и педагогической компетенции в реализации задач по направлению работы.
3. С родителями воспитанников – повышение инициативности родителей как участников единого образовательного пространства, компетентности в вопросах формирования у детей дошкольного возраста первичных представлений об истории; стимулирование интереса родителей к историческим корням своей семьи, прошлому и настоящему Тольятти и региона, многовековой летописи событий страны и этнокультурному мировому наследию; укрепление детско-родительских и семейных отношений путём создания атмосферы общности интересов, эмоциональной взаимоподдержки, совместного творчества.

Нами созданы собственные разработанные информационные ресурсы.

№	Название	Содержание
1	Мультфильмы, созданные воспитанниками и педагогами	Включает в себя мультфильмы: - мультфильм, созданный по мотивам мордовской народной сказки - мультфильм о детях войны - мультфильм о первых в космосе - мультфильм о первом семейном автомобиле «ВАЗ»
2	Банк электронных презентаций, созданных педагогами для реализации поставленных задач, а также в рамках электронно-методического комплекса «Страницы истории -детям»	Включает в себя презентации по темам: - город -крепость Ставрополь - земляки- герои ВОВ - народности Поволжья (русские) - город Тольятти - спортивные комплексы Тольятти - строительство ГЭС -Россия -многонациональная страна http://chgard120.tgl.net.ru/history/prez_mat_proekt
3	Банк проектов, реализованных в ДОУ	- проект «Мы живем в Тольятти» - проект «С чего начинается Родина?» - проект «Семейная реликвия» - проект «Герб семьи» - проект «История страны- история семьи» - проект «Мордовские национальные инструменты» - проект «Как рождается книга» http://chgard120.tgl.net.ru/history/prez_mat_proekt

В рамках направления организованного взаимодействия с семьей и социальными партнерами, для создания объединения взрослых и детей ведется работа, ориентированная на приобщение дошкольников к духовно-нравственным ценностям на основе историко-краеведческих материалов, представленные блоками: «Моя семья», «Мой город», «Моя малая Родина», «Моя страна», «Мой мир».

Создав целостную систему работы в нашем учреждении, мы способны решить задачи по формированию у детей дошкольного возраста историко-краеведческих представлений, воспитанию духовно-нравственной личности, будущего гражданина и патриота.

Результаты деятельности позволяют нам констатировать эффективность взаимодействия детского сада и семьи. Изменилось мировоззрение многих родителей о своевременности и необходимости формирования исторических представлений у дошкольников об историческом прошлом.

1. Горячев А.В. Проектная деятельность в образовательной системе «Школа 2100» // Журнал «Начальная школа. Плюс: до и после», 2004, № 5
2. Елизарова Н.М., Колесникова О.А. Молодой учёный № 24 (128), ноябрь 2016.
3. - Матова В. Н., Краеведение в детском саду. — СПб.: ООО Издательство «ДЕТСТВО-ПРЕСС», 2015 — 176 с.
4. Маханева М.Д. Нравственно-патриотическое воспитание детей старшего дошкольного возраста: Пособие для реализации Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы». — М.: АРКТИ, 2005.
5. Патриотическое воспитание дошкольников средствами краеведо-туристской деятельности: Пособие для реализации государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы» / Под ред. А.А. Остапца, Г.Н. Абросимовой, М.Е. Трубачевой. — М.: АРКТИ, 2004.
6. Алгоритмы реализации регионального компонента «патриотическое воспитание» ООП ДО в ДОУ [Текст] : учеб.-метод. пособие / Под ред. О.В. Дыбиной. – Ульяновск: Издатель Качалин Александр Василевич, 2013 –214 с.

Саакян Р.С.

Лингвопсихологический аспект развития русской речи учащихся средствами произведений живописи

*Абхазский государственный университет (АГУ)
(Абхазия, Сухум)*

doi 10.18411/gq-31-07-2021-16

Аннотация

В статье представлено научное понимание проблемы номинации эмоционального состояния человека. Особое внимание уделено анализу лексико-семантических групп слов, актуальных для вербализованной интерпретации художественных достоинств картины.

Систематизированные автором лексические средства, потенциально значимые для развития речи учащихся средствами живописи, обогащают методику преподавания русского языка в школах Абхазии.

Ключевые слова: многозначные слова, лексико-семантические группы слов, интерпретация, вербализация, художественное достоинство картины, лексические средства, принципы обучения, развитие речи, принцип обучения в деятельности.

Abstract

The article presents a scientific understanding of the problem of nominating the emotional state of a person. Special attention is paid to the analysis of lexical and semantic groups of words relevant for the verbalized interpretation of the artistic merits of the picture.

The lexical means systematized by the author, which are potentially significant for the development of students' speech by means of painting, enrich the methodology of teaching the Russian language in schools of Abkhazia.

Keywords: polysemous words, lexico-semantic groups of words, interpretation, verbalization, artistic dignity of the picture, lexical means, principles of learning, speech development, the principle of learning in activity.

Анализ литературы по вопросам понимания школьниками художественной картины мира в произведениях живописи позволил уточнить содержание и структурирование работы по осмыслению школьниками:

- творческого пути художника;
- специфики его уникального и оригинального стиля профессиональной деятельности;
- личностных качеств (жизнелюбие, трудолюбие и др.);
- склонностей к межличностному общению, внутреннему диалогу (аудиодиалогу);
- привычек, поведения, характера;
- устойчивости или динамичности настроения.

Такая направленность работы по развитию речи, по обучению всем видам речевой деятельности поддерживается целевым отбором актуальной лексики со значением «личные достоинства человек». Данные лексические материалы устанавливались с учётом описания феноменов «культура мира», «культура достоинства» (А.Г. Асмолов, Кудрявцев, Н.Д. Никандров и др.):

- доброта (честность, мягкость, отзывчивость, стойкость, сострадательность, вера, жизнелюбие, заботливость, искренность, порядочность);
- настойчивость (упорство, тактичность, отходчивость, вежливость, оптимизм, обязательность, терпимость, трудолюбие, доверчивость, смирение, решительность, скромность);
- ответственность (спокойствие, сдержанность, усидчивость, правдивость, восприимчивость, дружелюбие, ироничность, твёрдость, тактичность, добросовестность);
- способность к общению (открытость, щепетильность, дальновидность, увлечённость, щедрость, рассудительность, уверенность в себе, сосредоточенность, внимательность, покладистость).

Соглашаясь с выводами учёных о необходимости перехода в обучении русскому языку в контекст обучения речевой деятельности — рецептивной и продуктивной, обратим внимание на решение в науке задач обогащения словарного запаса. Прежде всего — необходимо определить специфику работы над новыми словами. Один из постулатов работы над новыми словами определяет требование чёткого понимания лексического значения слова, его грамматических характеристик, стилистических ресурсов. К обязательным условиям освоения новых слов справедливо относится введение нового слова в структуру словосочетания, предложения, текста, а также — оценивание правильности, уместности его использования в готовом (авторском) тексте. Такие ориентиры в работе над новой лексикой соответствуют принципу целостности обучения речевой деятельности в её разновидностях (рецептивные — чтение, аудирование, продуктивных — письмо, говорение, принципу обучения в деятельности).

Словарная работа на уроках русского языка и развития речи подчинена законам, исходящим из выводов Л.С. Выготского о том, что слова в памяти нашей хранятся смысловыми блоками. Следуя такой максиме, при анализе авторских текстов, тематически соответствующих интерпретации дидактических и эстетических ресурсов произведений живописи, в организации работы над словом учитывались взгляды лингвистов, социологов, психологов, методистов на природу формирования в языке и реализацию в тексте слов со значением «сферы жизнедеятельности человека», а именно:

- психологическая сфера — эмоции, чувства, самооценка, интеллект, внимание, память, мышление, воля человека;
- социальная сфера — взаимоотношения с людьми, авторитет, репутация, доверие, амбиции, ответственность, уважение другого и других; самоуважение;

- духовная сфера — вера, надежда, любовь, терпение, принятие, сопереживание, забота о близких, морально-нравственные ценности, трудолюбие, жизнелюбие, благодарение.

Анализ научной литературы по теме диссертационного исследования «Развитие русской речи учащихся школ Абхазии средствами произведений живописи» позволяет согласиться с выводами учёных о недостаточном внимании к работе над словами со значением негативной оценки, отражающей антонимичную пару «прекрасное» — «безобразное».

Работа над словами со значением «безобразное» характеризуется специфическим содержанием, адекватно отражающим их лексическое значение: как взаимообусловленный антипод идеалу, прекрасному; как эстетическое переживание зла и хаоса, нарушение чувства меры, «низменное» (крайняя степень безобразного, разрушающего и уничтожающего жизнь).

Актуальны для нашего исследования материалы, сформированные лингвистами, методистами, психологами по структурированию лексико-семантических групп, объединяющих лексемы со значением «дефекты характера» человека, например: зависть, подозрительность, мстительность, лень, безответственность, небрежность, упрямство, злорадство, нечестность, угодливость, лицемерие, несдержанность, трусость и др. В этой связи важно было уточнить содержание понятия «лексико-семантическая группа» — как:

- важнейшего способа систематизированного представления лексического богатства языка;
- единицы описания языковой картины мира.

Нельзя сбрасывать со счетов то, что лексико-семантические группы, объединяющие слова одной части речи, отражают регулярность связей слов, тождественных по семантике, но отличающихся лексическим значением. Это определяет их функциональное предназначение отражать тематику текста, укреплять связность его структурных компонентов: зачин (начало), основную часть, концовку (конец), формировать микротемы, сложные синтаксические целые (ССЦ).

Работа по развитию речи конкретизируется определением педагогических условий успешного обучения всем видам речевой деятельности — рецептивным (восприятие и осмысление речевого высказывания, текста через аудирование и чтение), продуктивным (создание речевого высказывания через говорение и письмо). Справедливы устойчивые выводы учёных об обязательном формировании эмоционального фона для успешной учебной деятельности (Н.Б. Экба, А.М. Касландзия, А.Х. Загаштоков, И.А. Шаповалова и др.). Это по-особому значимо в работе по развитию речи средствами произведений живописи: в каждом из таких произведений априори закодированы эмоции, переживания, настроения, отношения художника — автора картины. Включение и участие школьников в реальных и виртуальных событиях, соответствующих содержанию картины, мотивирует переживание ими базовых эмоций страха, гнева, печали, радости, что реализуется в активности использования ими богатейших ресурсов лексико-семантических групп со значением «эмоциональные переживания».

Например, переживание эмоции страха отражается употреблением в речи говорящего или пишущего таких слов, как робость, настороженность, кротость, беззащитность, ужас, тревожность, трепет, обеспокоенность, испуг, тревога, волнение, стресс, боязнь, смятение, растерянность и др.

Пребывание человека в эмоциональном состоянии «печаль» подчёркивается использованием слов грусть, отчаяние, ранимость, подавленность, разочарование, покинутость, подавленность, одиночество, усталость, апатия, уныние, хандра, скорбь, ностальгия, безучастность.

Эмоция «радость» раскрывается через возможность целесообразного выбора ситуативно актуального слова из ряда возможных: успех, удача, радушие, умиротворение, счастье, эйфория, восторг, блаженство, удовольствие, мечтательность, очарованность, надежда, взволнованность, возбуждённость, энтузиазм, удовлетворённость, живость, облегчение, окрылённость, одухотворённость, ликование, благодарность, нежность, симпатия, предвкушение, ожидание, приподнятость [3;6;9].

В трудах Р. Плутчика, П. Экмана, С. Томкинса, Кэрролла Изарда кроме указанных выше базовых эмоций выделяются также эмоции:

- «удивление» (опасение, ошеломлённость, шок, оторопь, остолбенение, изумление, потрясение, впечатлительность);
- «отвращение» (недовольство, подозрительность, циничность, настороженность, озабоченность, презрение, уязвлённость, скука, неприязнь, надменность).

В системе основных эмоций Р. Плутчик и С. Томкинс рассматривают также эмоцию «интерес», предполагающую переживание любопытства, азарта, увлечения, увлечённости, вдохновения, воодушевления, драйва, заинтересованности, желания, страсти, обожания, очарованности, преклонения, значимости, важности). В этой связи учёные обращаются к описанию эмоциональных переживаний человека, участвующего в процессе обучения, к анализу специфики проявления инициативности, адаптивности, адекватности поведенческих реакций, дальновидности коммуникативных стратегий и тактик, уверенности при аргументации выводов, рассудительности и сосредоточенности, без игнорирования, готовности к взаимопониманию и сотрудничеству.

С. Томкинс, П. Экман, Кэрролл Изард не оставляют без внимания трактовку такой эмоции, как «стыд», связанную с переживанием неудовольствия, неловкости, застенчивости, смущения, пристыженности, угрызания совести, замешательства [3;6;9].

Как известно, на возрастном этапе подростка школьники нередко оказываются в ситуациях переживания застенчивости, неловкости, смущения, замешательства, причины которых иногда кроются в психологии «гадкого утенка» — быстро изменяющихся физиологических характеристиках, не совпадающих с представлением ребёнка о совершенствовании внешности, пропорций телосложения, «красивого» лица. Такие переживания заметили и описали в произведениях художественной литературы Ф. Искандер, В. Железникова, П. Санаев, К. Кулиев, Н. Хубиев, Т. Керашев, Х. Хапсироков, И. Машбаш, Б. Васильев, в живописи — А. Пластов, Е. Сыромятникова, Т. Яблонская, И. Попов, Широков, С. Григорьев, В. Хабаров, В. Репка, Ю. Пименов, Ф. Решетников и др.

Очарованность, надежда, взволнованность, живость, окрылённость, ожидание, приподнятость и др.

Представление слов со значением «эмоциональное состояние», ограниченное их отнесённостью к именам существительным (в выше представленном лингвистическом материале) в условиях педагогического эксперименте укреплялось их возможностями отражать «словообразовательные гнёзда», например: печаль — печальный, печалиться; обида — обидеть, обиженный, обидчивый, обижающий и др.

Значимость произведений художественной литературы и живописи о жизни подростка переоценить невозможно. Писатели и художники формируют отношение растущего ребёнка к красоте человека — внешней и внутренней — в пользу внутренней, признающей ценность и самоценность духовно-нравственного богатства людей на всех этапах их возрастных изменений.

Характеристика эмоционального состояния человека, воспринимающего произведения живописи предполагает уточнение возможностей воздействия картины на его настроение. В психологии феномен настроение рассматривается в ряду понятий об общем эмоциональном состоянии человека. Настроение, отмечают психологи,

меняется под влиянием конкретных событий, обстоятельств, стимулирующих переживания позитивного (хорошее настроение) или негативного (плохое настроение). У слова «настроение», обозначающего известное явление эмоционального состояния человека, богаты синтаксические связи, возможности грамматической и лексической сочетаемости с именами прилагательными. Приведём пример имён прилагательных, причастий, сочетающихся по смыслу и согласовывающихся грамматически со словом, понятием настроение: бодрое, весёлое, волшебное, восторженное, возбуждённое, грустное, добродушное, жуткое, загадочное, капризное, радостное, светлое, сказочное, серьёзное, солнечное, сонное, сосредоточенное, спокойное, таинственное, тихое, мечтательное, мрачное, печальное, торжественное, тоскливое, тревожное и др.

Анализ трудов, посвящённых проблеме отражения художественной картины мира автором произведения живописи в логике нашего исследования соотнесён с результатами наблюдения педагогического процесса по формированию у школьников готовности к художественному восприятию картины мира. Так, в эксперименте были объединены важные направления исследовательской деятельности: изучение научной литературы и осуществление наблюдений педагогического процесса, адресно ориентированные, с одной стороны, на творческое отражение автором художественной картины мира в своём произведении, с другой — на восприятие художественной картины мира учеником — зрителем, рассматривающем произведение живописи и впоследствии — представляющем своё понимание, интерпретацию картины в доступном ему виде творческой деятельности — речевой (письмо, говорение). Отметим, в своём тексте школьник представляет личностное осмысление, понимание произведения живописи. Однако вербализовать это понимание в доступной форме интерпретации, трактовки могут далеко не все дети. Тем не менее, многие из них в своей речи обращаются к попытке «по-своему» объяснить интерес художников к природе родного края, что, по их мнению, открывает возможность «рассказать зрителям» об отношении к родине, о любви к жизни, её многообразия, но целостности в едином мире человека.

1. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. – М.: Смысл, 2007
2. Кудрявцев В.Т. Культура как самоотношение. // Культурно-историческая психология/ - 2016. Т.12, №3. – С. 113-128.
3. Кэрролл Изард. Психология эмоций. – СПб.: Питер, 1999. – 460 с.
4. Никандров Н.Д. Россия: социализация и воспитание на рубеже тысячелетий. – М.: 2000
5. Панталеон С.Р., Визгина А.В., Зимачева Е.М. Способы вербальной презентации образа «я» и самоотношение субъекта. // Психологическое обозрение. – 1997, №2. С. 27-30
6. Плутчик Р. Теории эмоций. – Нью-Йорк: Academic Press, 1980
7. Шадриков В.Д. Духовные способности. – М.: Магистр, 1988
8. Шаповалова И.А. Научно-исследовательская деятельность субъектов образовательного процесса как условие развития художественного вкуса // Журнал педагогических исследований, 2020, т. 5, №1. – С. 3-7
9. Экман П. Психология эмоций. – СПб.: Питер, 2010 – 336с.

Скоробогатова О.Ю.

Научно-исследовательская деятельность субъектов образовательного процесса (на примере Института традиционного прикладного искусства ФГБОУ ВО «Высшая школа народных искусств (академия)»

*Высшая школа народных искусств (академия)
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi 10.18411/gq-31-07-2021-17

Аннотация

Статья посвящена проблеме деятельности Института традиционного прикладного искусства Высшей школы народных искусств (академии). Автор

анализирует специфику научно-исследовательской деятельности субъектов образовательного процесса вуза. Обращается внимание на особенности повышения качества подготовки художников традиционного прикладного искусства и народных промыслов средствами научно-исследовательской работы.

Убедительно представлены выводы, подтверждающие мнение о том, что в соответствии с концепцией академика РАО В. Ф. Максимович и под ее непосредственным руководством сформировано научно-педагогическое сообщество ученых Высшей Школы Народных Искусств (академия), многие из которых работают в русле ее научно-педагогической школы.

Ключевые слова: традиционное прикладное искусство, профессиональное образование, Высшая школа народных искусств (академия), диссертационные исследования.

Abstract

The article is devoted to the problems of the Higher School of Folk Arts (Academy) - on the example of the Institute of Traditional Applied Arts. The author analyzes the specifics of the research activities of the subjects of the educational process of the University. Attention is drawn to the peculiarities of improving the quality of training of artists of traditional applied art and folk crafts by means of scientific research.

Conclusions are convincingly presented, confirming the author's opinion that, in accordance with the concept of Academician of the Russian Academy of Education V.F. Maksimovich and under her direct supervision, a scientific and pedagogical community of scientists of the Higher School of Folk Arts (Academy) has been formed, many of whom work in line with its scientific pedagogical school.

Keywords: traditional applied art, professional education, High school of folk arts (Academy), dissertation research.

Основные положения нашей статьи определены в русле научных позиций академика РАО Максимович В.Ф., рассматривающей феномен традиционное прикладное искусство в синонимических отношениях с понятием традиционные художественные промыслы. При характеристике произведений традиционного прикладного искусства прежде всего обращается внимание на разнообразие его видов, многие из которых изучаются студентами Института традиционного прикладного искусства Высшей школы народных искусств (академии)- будущими художниками декоративной росписи, художественной вышивки, лаковой миниатюрной живописи и др. Отметим дополнительно: учеными Высшей Школы Народных Искусств (академия) рассматриваются около 25 видов исторически сложившихся традиционных художественных промыслов. [6] Автор представляет аналитические материалы, сформированные в процессе интерпретационной деятельности студентов, изучающих опыт научно-исследовательской работы субъектов образовательного процесса вуза, что позволяет увидеть проблему развития ИТПИ ВШНИ (академии) глазами студентов.

Продуктивность деятельности вуза во многом поддерживается устойчивой динамикой научно-исследовательской работы. Основные векторы развития определяются Диссертационным советом, председателем которого является Максимович В.Ф., а также изданием с 2011 года журнала «Декоративно-прикладное искусство и образование» (с 2018 года – «Традиционное прикладное искусство и образование»), публикациями монографий (персональных и авторских), научно-практическими конференциями, в том числе- студенческими.

Остановлюсь подробнее на представлении актуально значимых для вуза результатов научных исследований специфики традиционных художественных промыслов, осуществленных на местах их возникновения (Владимирская область, Ивановская область, Москва и Московский регион, Омск, Санкт-Петербург и др.).

Анализ диссертационных работ ученых ВШНИ свидетельствует об их логической связи с основными направлениями деятельности научно-педагогической школы академика РАО В.Ф. Максимович, получившей ученое звание доктора педагогических наук в 2000 г. (тема диссертации «Теория и практика подготовки учащихся по художественно-промышленным видам труда в условиях непрерывного образования: на примере учебных заведений традиционного декоративно-прикладного искусства»).

В 2003 году В.Ф. в должности ректора возглавила Высшую школу народных искусств (СПб).

В своих трудах Валентина Федоровна рассматривает основные виды декоративно-прикладного искусства, историю их возникновения, а также формирование условий профессиональной подготовки будущих художников ТПИ [5;7].

Особым вкладом в развитие научно-исследовательской деятельности в области традиционного прикладного искусства, как мы уже отметили, справедливо рассматривается факт издания с 2011 года журнала «Декоративно-прикладное искусство и образование» (с 2018 года – «Традиционное прикладное искусство и образование»), в котором размещаются статьи преподавателей Высшей школы народных искусств. Главным редактором журнала является профессор Л.М. Ванюшкина.

Журнал расширяет границы влияния ВШНИ на укрепление научного сообщества - опытных и будущих специалистов в области ТПИ. Об этом свидетельствуют конкретные статистические данные. Если в одном номере 2011 года было размещено 6 статей (Акимова О.В., Кузнецов Н.Г., Максимович В.Ф., Поселёнова И.В., Федотова О.В.- Россия), то в четвертом номере 2020 года 25 статей. А всего в четырех выпусках 2020 года опубликовано 90 статей авторов широкой географии : Арман -Франция, Владимирская обл., Ивановская обл., Калофер -Болгария, Марбелья - Испания, Москва и Московский регион, Омск, Санкт-Петербург. И так – широкое представительство ученых России, стран ЕС.

Анализируя значимость печатной продукции ВШНИ (академии), обратимся к некоторым статьям академика Максимович В.Ф. Например, в 2016 году В.Ф. очередной раз обращается к важной проблеме научной обоснованности терминологии и понятий, связанных со сферой традиционное прикладное искусство. Заслуживает особого внимания трактовка ученым категории традиционное прикладное искусство. ТПИ интерпретируется автором, «как искусство, передающее регионально-исторические художественно-технологические традиции и сохраняющее актуальность в современном социуме. Это искусство укоренено в историческом прошлом, но в настоящее время представление о нем довольно размыто, поэтому оно неоднозначно понимается не только молодежью, но и старшим поколением» [5 с. 388].

Важным ключевым понятием сферы традиционное прикладное искусство является феномен «народные художественные промыслы», в содержание которого заложено представление о ручном художественном труде. Этот тип труда, по мнению исследователей, (Гусевой П.В., Максимович В.Ф., Некрасовой М.А., Тихомирова С.А., Шамрай Н.Н. и др.), анализируется с учетом объема вложенных сил и уровня профессиональной подготовки.

Прежде всего учеными ВШНИ выделяются примитивные художественные ремёсла, «являющиеся наследием исторического прошлого нашего народа, имеющие достаточно широкое распространение в России и не требующие длительного профессионального обучения» [5, с. 388].

Значительное внимание В.Ф. Максимович уделяет характеристике «высокохудожественного традиционного прикладного искусства, возрождение и развитие которого требует не только высокого уровня профессиональной подготовки, развитого креативного мышления и длительного периода материализации

художественной идеи, но и немислимо без владения материаловедением, композицией, проектированием, моделированием, конструированием, технологией, высоким исполнительским мастерством, а также видением востребованности этого направления искусства в современном мире» [5, с. 389].

Нельзя не согласиться с выводами академика о том, что произведения традиционного прикладного искусства демонстрируют многовековые художественно-колористические и конструктивно-технологические регионально-исторические традиции.

В статье за 2019 год В. Ф. Максимович в логике своей концепции развивает тему качества подготовки художников, утверждая свои позиции выводами о том, что:

- потенциал традиционного прикладного искусства огромен в отношении воспитания эстетических чувств и эмоциональной культуры;
- ТПИ способствует формированию у подрастающего поколения национального самосознания, межкультурного взаимодействия, нравственности и патриотизма.

Не вызывает сомнения методологически верная позиция ученых Высшей школы народных искусств (академия) о том, что профессиональную подготовку художников ТПИ необходимо осуществлять непосредственно в регионально-исторических центрах народного искусства. Такое образование будет способствовать устойчивому развитию этих регионов как социальной базы воспитания.

Чтобы повысить мотивацию получать образование в этой области, отмечает академик В.Ф. Максимович, должны быть условия, ее формирующие: «профессиональные воспитатели в дошкольных учреждениях, учителя в общеобразовательных школах и системе дополнительного образования – носители традиционного прикладного искусства, прививающие хотя бы элементарные знания о традиционных художественных промыслах» [6, с. 10].

Перспективными результатами научно-исследовательской работы субъектов образовательного процесса ВШНИ (академия) является признание того, что подготовка кадров в этой области имеет ряд особенностей. Это обусловлено спецификой данной отрасли, диктующей важность учета конкретных факторов. К таким факторам относятся:

- необходимость осуществления подготовки кадров в региональных местах ТПИ;
- высокая цена сырьевого материала, требующегося для образовательного процесса;
- уникальность ручного авторского художественного труда, не допускающего возможность формирования знаний и умений, компетенции в условиях группы более пяти человек. Данные выводы обусловлены реализацией принципа индивидуальности обучения;
- малочисленность контингента студентов в институтах и филиалах вуза (50-100 человек) [7].

Для решения выше указанных проблем была создана в 2003 году Высшая школа народных искусств – уникальный вуз профессионального образования в области ТПИ. За 18 лет активного развития образовательной художественно-творческой и научной деятельности ВШНИ (академия) на своем примере обеспечила необходимый уровень подготовки художника с высшим образованием по видам ТПИ, который как высокообразованный носитель данного искусства должен (и может) быть:

- художником, способным создавать высокохудожественные произведения традиционных художественных промыслов и воплощать в материале результаты собственной проектной деятельности;

- экспертом, способным выявить и оценить значимость, особенности, преимущества и недостатки конкретного художественного произведения в конкретном виде традиционного прикладного искусства, что требует искусствоведческой наука;
- реставратором, владеющим не только высококвалифицированным исполнительским и копийным мастерством, реновацией произведений искусства, но и вопросами хранения и консервации произведений конкретных направлений традиционного прикладного искусства;
- преподавателем, владеющим вопросами педагогики и психологии, подлинной философской сущностью конкретного вида традиционного прикладного искусства, а также содержанием таких дисциплин как «Пропедевтика» («Технология и материаловедение»), «Исполнительское мастерство», «Проектирование», «Технический рисунок», «Композиция»;
- исследователем тех проблем, которые имеют место в этой области искусства, умеющим прогнозировать развитие не только профессиональной педагогики, но и самого традиционного прикладного искусства и создавать научное сопровождение реализации этого прогноза» [7, с. 11].

Концепция развития ВШНИ (академии) поддерживается интерактивными технологиями и методиками обучения студентов, эффективными формами и видами их деятельности в период практик- учебных, производственных. Так, во время прохождения производственной практики «Научно-исследовательская работа» студенты активно осваивают возможности саморазвития критического мышления, открывающего новые условия для анализа, оценки и самооценки достижений личностного роста в сфере профессиональной деятельности [10]. Будущие художники ТПИ включаются во временные научно-исследовательские коллективы (ВНИК) по созданию виртуальных художественных галерей лучших произведений ТПИ России, а также уникальных творческих работ выпускников (по результатам итоговой государственной аттестации). На практике бакалавры выполняют творческие задания, ориентированные на обсуждение результатов их выполнения на занятиях, организованных в форме дискуссии, круглых столов, дебатов, учебно-исследовательских конференций [11]. Все это, представленное в данной статье и докладе, отражает реализацию основных направлений деятельности уникального вуза России, ориентированного на подготовку художников традиционного прикладного искусства - Высшей школы народных искусств (академии).

1. Александрова Н. М. Основы научно-исследовательской деятельности: учеб. пособие обучающихся по направлению «декоративно-прикладное искусство и народные промыслы», часть 1 // Н. М. Александрова. – Санкт-Петербург: ФГБОУ ВО ВШНИ(и), 2018, –42с.
2. Ванюшкина Л.М., Тихомиров С.А. Научно-педагогическая школа В.Ф. Максимович «Теория и практика непрерывного профессионального образования в сфере традиционного прикладного искусства»: феноменологическая характеристика // Традиционное прикладное искусство и образование. – 2019 №2 (29), стр.56-66
3. Волошина Л. А. Обзор научной литературы, опубликованной в Высшей школе народных искусств в 2018 г. // Традиционное прикладное искусство и образование. – 2019№1 (28), стр.148-153.
4. Куракина И. И. Обзор диссертационных исследований преподавателей Высшей школы народных искусств (академии) по видам традиционного прикладного искусства // Традиционное прикладное искусство и образование. – 2018 № 3(26), стр.53-60.
5. Максимович В. Ф. Теоретико-методологические основы подготовки специалистов в области традиционного прикладного искусства // Научный диалог. 2016. № 12(60). С. 387-400.
6. Максимович В.Ф. традиционные художественные промыслы и образование: основные проблемы и пути их решения // Традиционное прикладное искусство и образование. – 2019 №3 (30), стр. 7-14.

7. Максимович В.Ф. Высшая школа народных искусств (академия) и наука в традиционных художественных промыслах // Традиционное прикладное искусство и образование. – 2019 № 4 (31), стр.11-18.
8. Федотова О. В. О художественно-педагогической концепции традиционных художественных промыслов М.А. Некрасовой в перспективной практической деятельности Института традиционного прикладного искусства – Московского филиала Высшей школы народных искусств (академии). // Традиционное прикладное искусство и образование. – 2020 №2 (33), стр.80-84.
9. Шамрай Н. Н. Динамика становления и развития академии «Высшая школа народных искусств» // Традиционное прикладное искусство и образование. – 2018 № 1 (24), стр.75-80.
10. Шаповалова И. А. Научно-исследовательская деятельность как ресурс развития творчества будущих художников в области традиционного прикладного искусства и народных промыслов // Традиционное прикладное искусство и образование. – 2019 №3 (30), стр.43-51.
11. Шаповалова И. А. «Диалог культур: воспитание молодежи собственным национальным искусством» Русское культурное про-странство: коммуникативные аспекты: сб. мат. Международной научно-практической конференции (Москва, 19 апреля 2018, МГУ) / отв. Ред. Е. Н. Ковтун, -М.: МАКСПресс, 2019. -с. 81-88 (РИНЦ)
12. Яковлев С.В. Аксиологическая составляющая наставнической деятельности педагога // Журнал педагогических исследований – том 3, №6, С.26-38.

Шаповалова И.А.

**Технологии развития интерпретационной деятельности у студентов
инновационных вузов России**

*Высшая школа народных искусств (академия)
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi 10.18411/gq-31-07-2021-18

Аннотация

Исследование посвящается осмыслению перспективных направлений развития теории и практики воспитания и обучения (образования), педагогики 21 века.

Представлено описание некоторых особенностей использования методов и приёмов анализа и интерпретации произведений искусства, научно-учебных текстов, трудов известных учёных в учреждениях общего и профессионального образования.

Особое внимание уделено вопросам психолого-педагогической поддержки развития интерпретационной деятельности у студентов инновационного художественного вуза – ФГБОУ ВО «Высшая школа народных искусств (академия)» - на примере ИТПИ ВШНИ (академии).

Ключевые слова: интерпретация, интерпретационная деятельность, инновационные вузы России, традиционные художественные промыслы, образовательный процесс, творческая деятельность, оригинальные и уникальные произведения традиционных художественных промыслов (тхп), экспериментальное обучение, психолого-педагогическая поддержка.

Abstract

The study is devoted to understanding the promising directions of the development of the theory and practice of education and training (education), pedagogy of the 21st century.

A description of some features of using methods and techniques for analyzing and interpreting works of art, scientific and educational texts, works of famous scientists in institutions of general and professional education is presented.

Special attention is paid to issues of psychological and pedagogical support for the development of interpretive activities among students of an innovative art university - FSBOU VO "Higher School of Folk Arts (Academy)" - on the example of ITPI VShNI (Academy).

Keywords: interpretation, interpretive activity, innovative universities of Russia, traditional art crafts, educational process, creative activity, original and unique works of traditional art crafts (thp), experimental training, psychological and pedagogical support.

Реализация педагогической наукой 20 века прогностической функции позволила создать ресурс надёжного предвидения перспективных направлений развития теории и практики воспитания и обучения (образования), педагогики 21 века. Справедливым было предположение учёных о необходимости: формирования новых данных о человеке (Д. И. Фельдштейн, М. К. Мамардашвили, В. И. Слободчиков, В. А. Сластенин и др.); получение результатов методологических исследований природы человека, её сущности и бытия (А. Н. Новиков, М. В. Богуславский, В. В. Краевский, В. А. Лекторский, А. В. Вербицкий и др.); разработки технологий интерактивного обучения в условиях непрерывного многоуровневого образования (И. А. Колесникова, Н. В. Кузьмина, В. А. Болотов, И. Д. Чечель, В. В. Сериков, В. И. Горювая и др.); управления процессом создания инновационной структуры профессионального образования (В. Ф. Максимович, Ю. Б. Рубин, В. И. Жуков, Я. И. Кузьминов, В. М. Филиппов, А. И. Субетто, А. Зернов и др.).

Стратегическая значимость таких направлений для развития педагогической науки и практики очевидна. Так, востребованными стали выводы ученых, предложивших современную трактовку (интерпретацию) феноменов «обучение», «воспитание», «образование», «обучающийся» при разработке Федерального закона «Образование в Российской Федерации» (в дальнейшем – при внесении в Закон изменений и дополнений) (И. В. Бестужев – Лада, Н. Д. Никандров, В. В. Рубцов, Н. В. Бордовская, А. А. Реан, А. А. Поляков и др.).

Включённые в систему условий повышения качества отечественного образования системно-деятельностный подход в образовании, как и компетентностный, оказали влияние на формулировку требований к содержанию федеральных государственных образовательных стандартов и федеральных государственных требований (И. А. Зимняя, А. В. Хуторской, В. И. Байденко, В. В. Волосовец и др.).

В конце 90-ых годов прошлого века по-особому актуально обозначилась проблема подготовки педагогических кадров высшей научной квалификации, что создало прецедент активности соискателей учёной степени кандидатов и докторов педагогических наук по специальности 13.00.08 Теория и методика профессионального образования. Успешность решения данной проблемы отмечена представителями экспертного сообщества, предложивших во втором десятилетии 21 века продолжить дальнейшие научные исследования, но с учётом трансформации многоуровневого образования в изменившихся социокультурных и экономических условиях, что получило отражение в Приказе Минобрнауки России от 24.02.2021 №118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются учёные степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук, утверждённое приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. №1093.» [8]. Уточним: в данном приказе содержится новая формулировка научной специальности – 5.8.7. Методология и технология профессионального образования. Важно обратить внимание на то, что проблемам профессионального образования посвящено продолжение исследований, обеспечивающих психолого-педагогическую поддержку процессов развития инновационных учреждений профессиональной подготовки (организации высшего образования, среднего профессионального образования).

Среди таких учреждений профессиональным сообществом отмечена деятельность вузов, созданных в конце прошлого или в начале нынешнего века: Российский государственный социальный университет, Высшая школа экономики, Российский новый университет, университет «Синергия», Высшая школа народных искусств (академия) и др. При известных различиях целевой профессиональной подготовки инновационных вузов очевидна общность их позиций в вопросах признания актуальной значимости разработки методологии и технологии

профессионального образования, формирования интереса к современной интерпретации дидактики высшей школы (В. А. Болотов, М. В. Ларионов, В. И. Слободчиков, В. И. Аршинов, В. И. Загвязинский, А. М. Новиков и др.).

Определённый вклад в научно обоснованную интерпретацию изменений отечественного профессионального образования в условиях вхождения в эпоху постиндустриального развития внесли основоположники и представители научных школ А. Г. Асмолова, Б. И. Шадрикова, И. Д. Фрумина, Я. И. Кузьмина, А. Г. Бессмертных, А. Я. Анцупова, Н. Б. Починок, В. С. Степина, Л. В. Филонова, В. Ф. Максимович, М. А. Некрасовой, С. Н. Чистяковой, В. А. Леднева и др.).

В педагогической теории и практике вариативного развития учреждений высшего образования обозначен интерес к деятельности инновационного художественного вуза – ФГБОУ ВО «Высшая школа народных искусств (академия)» (Л. В. Ванюшкина, Н. М. Александрова, В. Ф. Максимович, П. В. Гусева, О. В. Федотова, С. Ю. Камнева, Ю. С. Салтанова, И. И. Юдина, И. Э. Агапова, А. Ю. Бутов и др.).

Многопрофильность подготовки академией художников традиционных художественных промыслов определяет сложность ее структурирования. Пять институтов, три филиала, одно представительство объединяются миссией ВШНИ (академии), которая заключается “в сохранении и развитии традиционного прикладного искусства, соотнесенного с сущностью его конкретного вида, в консолидации филиалов и единстве образовательного пространства народных художественных промыслов – определенного пространства целостной гармоничной современной среды, в выравнивании образовательных возможностей независимо от мест традиционного бытования и регионального расположения, в многообразии художественно-стилистических традиций...” [12, с.83-84].

Деловая репутация, имидж ВШНИ (академии) довольно устойчиво сложились как в образовательном пространстве РФ, так и за ее пределами – в странах ЕС, на территории которых активно реализуются дидактические и социокультурные ресурсы выставочной деятельности через непрерывность демонстрации творческих работ студентов и преподавателей вуза, систему организации и проведения мастер-классов, отражающих особенности профессиональной деятельности художников традиционного прикладного искусства. Для примера обратимся к материалам сайта вуза, к отзывам посетителей выставки, на базе которых сформирован банк данных оценочной информации о деятельности академии: “Студенты и выпускники академии отличаются высоким профессионализмом, широчайшим кругозором, востребованы на рынке творческого труда как истинные мастера ТПИ.” (inastudent.ru / образование / Высшие школы / Про образование за рубежом).

Такова позиция многих посетителей выставок, гостей и коллег, участников научно-практических конференции, форумов, что в целом отражает верную интерпретацию результатов деятельности субъектов образовательного процесса ВШНИ (академии).

Знакомство с научными трудами преподавателей и аспирантов инновационных вузов, созданных на рубеже веков, позволяет отметить особенности организации и осуществления исследовательской деятельности. При всем тематическом многообразии научной работы заметно проявляется устойчивый интерес к вопросам интерпретации изменений, происходящих в теории и практике непрерывного образования на этапе становления постнеклассической научной рациональности (Т. Клячко, А.Г. Буховец, А.М. Егорычев, А.М. Петрова, Л. В. Мардахаев, Т.И. Зворыкина, Т.М. Регент и др.).

Специфика деятельности ВШНИ (академии) влияет на усиление интереса ученых этого вуза к вопросам исследования методов анализа и интерпретации оценки качества авторского произведения (Ю. И. Уколова, Н.Н. Михайлова и др.). На базе структурного подразделения академии – Института традиционного прикладного

искусства с 2016 года осуществляется экспериментальная работа по освоению бакалаврами интерпретационной деятельностью на занятиях по дисциплинам социально – гуманитарной направленности. В систему проблемных вопросов занятий включается работа, ориентированная на понимание студентами произведений актуально значимого вида (видов) искусства, на вербализованную трактовку будущими специалистами признаков эстетической ценности оригинального художественного образа, на ориентированность выводов о признании уникальности продукта творческого труда.

Выполнение заданий по развитию интерпретационной деятельности связано с вопросами повышения уровня владения универсальными компетенциями, сформированными у студентов ещё на этапе обучения в учреждениях общего образования. Заметим, уровень владения интерпретационной деятельностью обучающимися в учреждениях общего образования определяется не только средствами текущего контроля, рубежного, но и итогового. Например, при сдаче ЕГЭ по обществознанию, литературе, физике, иностранному языку и др. Так, выпускники школ, будущие абитуриенты и студенты, при сдаче ЕГЭ выполняют составные задания на анализ и интерпретацию источника (обществознание), представляют интерпретацию эпического, микроэпического или драматического произведения (литература), интерпретируют результаты опыта (физика) обращаются к интерпретации текста при его переводе на русский или иностранный язык и т.п.

Нельзя сбрасывать со счетов то, что в школах России внедрены научные и методические труды, учебные пособия В.Г. Маранцмана и представителей его научной школы «Интерпретация художественного произведения как технология общения с искусством» [6].

Многие педагоги используют методики формирования интерпретационной деятельности М.Б. Батюта («Восприятие и понимание художественных произведений»), Ю.А. Полуянова («Понимание картины через отношение к художественному образу» – методика «Впечатление»), Е.В. Таренкиной («Интерпретация научно-учебного текста») и др. [1].

Более высокий уровень владения интерпретационной деятельностью обнаруживается у студентов, имеющих опыт участия в олимпиадах различного уровня, в международных исследованиях учебной деятельности школьников (Pisa, Pirls, Timss). Такие студенты ещё в школе приобретали опыт интерпретационной деятельности через подготовку и выполнение заданий на интерпретацию и обобщение информации (Г.С. Ковалёва, Г. А. Цукерман, М.И. Кузнецова и др.).

Психолого-педагогическая поддержка повышения уровня владения студентами интерпретационной деятельностью предполагается в вузах, обеспечивающих подготовку специалистов для сферы художественной (творческой) деятельности. Например, сегодня широко практикуется изучение в вузах таких дисциплин, как «Анализ и интерпретация произведений искусства», «Интерпретация произведений архитектуры», «Анализ и интерпретация разных видов искусства» (Москва, Санкт-Петербург, Казань, Нижний Новгород, Омск и др.) [2].

В художественных вузах распространяется практика изучения вопросов влияния вербальной интерпретации произведения искусства на его восприятие, понимание, описание, комментирование, анализ. Такой опыт используется и в ИТПИ ВШНИ (академии). При этом через процесс обучения и участия в НИРС рассматриваются вопросы освоения видов интерпретации произведений искусства, специфики интерпретационной деятельности будущих художников на занятиях по профильным дисциплинам, дисциплинам социогуманитарного и естественно-научного циклов. Такие направления работы по развитию интерпретационной деятельности получают поддержку при изучении педагогики, методики преподавания специальных дисциплин, основ научно-исследовательской деятельности в области ТПИ, на практике по

овладению основами научно-исследовательской работы. Так, индивидуальные задания по интерпретации текстов статей, размещённых в журнале «Традиционное прикладное искусство и образование», выполняются студентами в период практики по получению профессиональных умений и опыта профессиональной деятельности, включая научно-исследовательскую работу. Интерпретация научной статьи включается в аннотации, отзывы, рецензии (по методике И.А. Шаповаловой) [14;15].

Трансформация содержательных характеристик феномена «интерпретация» под влиянием специфики произведений искусства, в том числе традиционных художественных промыслов, открывает возможности обнаруживать, выявлять через интерпретацию способы их жизни в сфере культуры, возможности «позволить произведению искусства заговорить», а его автору – «рассказать», зрителю – «пересказать» (Ю. Лотман), представляя в вербализованном виде понимание замысла, личностного раскодирования (расшифровки) традиции и новации авторского воплощения художественного образа, профессионального использования технологий конкретного вида, стиля ТХП [10].

Понимание термина «интерпретация» согласуется с классическим его объяснением в трудах Поля Рикера, утверждающего, что интерпретация отражает работу мышления, «которая состоит в расшифровке смысла». Связанное с историчностью традиций, интерпретация «поддерживает и обновляет традиции» [9, с.73]. По утверждению П. Рикера, «интерпретация имеет свою историю», «эта история является составной частью самой традиции» [9, с.38]. Обращаясь к анализу действий зрителей, связанных с интерпретацией явлений искусства, П.Рикер приходит к выводам, актуально значимым для профессиональной подготовки художников ТПИ: «Мы интерпретируем не просто так, а для того, чтобы высветить, продлить и тем самым поддержать жизнь традиций». Всякая традиция живет благодаря интерпретации, именно этой ценой она продлевается, то есть остается живой традицией [9, с.38].

С учетом целевой аудитории обучающихся (бакалавры – будущие художники ТПИ) в экспериментальной работе, направленной на психолого-педагогическую поддержку развития у студентов интерпретационной деятельности, данное понятие рассматривается как «смысловой процесс и результат общения с художественным произведением, направленный на взаимодействие внешнего и внутреннего мира и сознания» обучающихся [6, с.8]. «Этапами интерпретационной деятельности в процессе художественного общения, справедливо считают представители научной школы В.Г. Маранцмана, - являются: 1) этап интерпретирующего восприятие; 2) этап интерпретирующего анализа; 3) этап собственно интерпретации продукта художественного творчества» [6, с.9].

В заключение отметим: организация и самоорганизация учебного процесса, ориентированного на психолого-педагогическую поддержку развития интерпретационной деятельности у студентов ИТПИ ВШНИ (академии), соответствует научным основаниям реализации современных подходов к обучению – антропологического, системно-деятельностного, личностно-ориентированного, аксиологического.

1. Батюта М.Б., Сидорина Е.В. Влияние вербальной интерпретации произведений живописи на его восприятие и понимание // Международный журнал экспериментального образования. 2015. №12-2. С. 182-186.
2. Ерманова Ю.Г., Яо М.К. Программа дисциплины «Анализ и интерпретация произведений искусства». Профиль подготовки: Изобразительное искусство (бакалавр). Казань. 2014. С. 19.
3. Загвязинский В.И. Теория обучения: Современная интерпретация: учеб. пособие для студентов педвузов. Москва: Академия. 2001. С. 192.
4. Максимович В.Ф. Образовательная политика в сфере традиционных художественных промыслов // Традиционное прикладное искусство и образование. 2020. №3. С. 7-14

5. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. Москва. 1999. С. 217.
6. Маранцман В.Г. Интерпретация художественного произведения как технология общения с искусством // Литература в школе. 1998. №8. С. 91-98.
7. Михайлова Н.М. Современные ценности культурного наследия и новые подходы к его сохранению // Традиционное прикладное искусство и образование. 2020 № 1. С. 130-138.
8. Приказ Минобрнауки России Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положении о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. №1093 // Приказ Минюста России от 06.04.2021 №62998.
9. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. Москва: Московский философский фонд “Медиум”. 2008. С. 695.
10. Словарь: Культура и культурология / А.И. Кравченко. Екатеринбург: Деловая книга. 2003. 928.
11. Уколова Ю.И. Интерпретация реалистического изображения через иконописную стилизацию в процессе обучения бакалавров Мстерского института лаковой миниатюрной живописи ВШНИ // Традиционное прикладное искусство и образование. 2020. №1. С.125-129.
12. Федотова О.В. О художественно-педагогической концепции ТХП М.А. Некрасовой в перспективной практической деятельности ИТПИ МФ ВШНИ // Традиционное прикладное искусство и образование. 2020. № 2. С. 83-84.
13. Фельдштейн Д.И. Психолого-педагогические диссертационные исследования в системе организации современных научных знаний // Педагогика. 2011. №5. С.3-21.
14. Шаповалова И.А. Взаимодействие произведений художественной литературы и живописи в системе развития общекультурных компетенций будущих специалистов декоративно-прикладного искусства. – Сохранение, поддержка и продвижение русской культуры и языка за рубежом / под общей ред. А.П. Лободанова. Вестник МЦМС. №6. Москва: БОС. 2017. С. 151-162.
15. Шаповалова И.А. Диалог культур: воспитание молодёжи собственным национальным искусством / Русское культурное пространство: коммуникативный аспект: Сб. мат. Международной практической конференции. Москва. 2019. С. 81-88.

SECTION V. PSYCHOLOGY

Валлис И.

Факторы патогенеза и развития расстройств пищевого поведения

doi 10.18411/gq-31-07-2021-19

Аннотация

В статье рассматривается понятие пищевого поведения, его воздействие на психоэмоциональное состояние человека, анализируются различные факторы, обуславливающие пищевые расстройства личности.

Ключевые слова: пищевое поведение, пищевое расстройство.

Abstract

The article examines the concept of eating behavior, its impact on the psychoemotional state of a person, analyzes various factors that cause eating personality disorders.

Keywords: eating behavior, eating disorder.

Введение

Расстройства пищевого поведения рассматриваются не как отдельное расстройство, а как группа клинических состояний, главной особенностью которых является нездоровый прием пищи, межличностный конфликт пациентов, формирующий деструктивное поведение, приводящее к ухудшению психического и физического состояния. В настоящее время при диагностике выявляются следующие группы патологий: нервная анорексия, нервная булимия, расстройство переедания, расстройство избегания-ограничения приема пищи, расстройство руминации. Данные формы расстройств пищевого поведения фиксируются среди мужчин и женщин в равных долях. В виду того, что патогенез расстройств пищевого поведения еще недостаточно изучен, существует проблема в выборе подходящего способа лечения: психотерапия, EMDR, КПТ, фармакология.

В качестве примера неопределенности можно привести расстройство переедания. Пристрастие к еде как структура изменения психики человека или часть заболевания личности до сих пор остается дискуссионным. Однако ряд исследователей указывают на то, что внешние стимулы, такие как дезадаптивные формы восприятия информации и самоидентификации личности и поведенческих навыков, способны запускать стили поведения, противоречащие чувству насыщения. Такой паттерн приводит к негативным изменениям поведения и проблемам со здоровьем. Речь идет о формировании привычки и компульсии, которые ограничивают контроль над эмоциями и навыками саморегуляции. Таким образом, расстройства пищевого поведения могут быть сопоставимы с пристрастием к психоактивным веществам. В том числе появляется все больше данных о том, что нарушения пищевого поведения можно отнести к гетерогенным расстройствам. Они имеют многофакторную этиологию, которая заключается в сложных взаимодействиях и переплетениях наследственности и окружающей среды. Особенности социальных, культурных и многих других аспектов влияния, формируют становление и проживание здесь и сейчас моментов опыта личности, так как психотерапевты утверждают, что опыт человека проживается во времени. Также исследования показали, что расстройства пищевого поведения в значительной степени коморбидны с другими психическими расстройствами.

Генетические факторы

Исследования подтверждают то, что расстройства пищевого поведения имеют генетическую природу, которая напрямую связана с вариабельностью данных

состояний. В настоящее время появляется все больше данных о генетической предрасположенности к расстройствам пищевого поведения как элементам родовой травматизации. При исследовании данных факторов задействованы биометрические, а также семейные и близнецовые методы, направленные на изучение роли генов и окружающей среды. (Thornton LM, Mazzeo SE, Bulik CM. The heritability of eating disorders: methods and current findings. *Curr Top Behav Neurosci*. 2011;6:141-156. doi:10.1007/7854_2010_91).

Два исследования, посвященные изучению аспектов неудовлетворенности телом и стремления к худобе, показали более низкие оценки наследуемости для мужчин, чем для женщин. Также исследователи выделяют общий латентный фактор, который ответственен за генетические воздействия на неупорядоченное питание у женщин, в частности за аспекты расторможенности и голода, т. е. потеря контроля, связанная с употреблением пищи в ответ на различные сигналы.

Обобщая результаты исследований, стоит отметить, что большинство из них указывают на более низкие оценки наследуемости для мужчин по сравнению с женщинами, однако данные, касающиеся влияния окружающей среды все еще противоречивы. Некоторые исследования показывают, что на мужчин оказывают влияние как генетические, так и внешние факторы, в то время как другие выделяют влияние только внешней среды. Исследования также показывают сходные оценки наследуемости у мужчин и женщин при переедании.

Эпигенетические факторы

Эпигенетика относится к области знаний, которая занимается изучением различных биохимических механизмов, вызывающих изменения в регуляции генов, которые либо наследуются, либо характеризуются длительной стабильностью. В настоящее время происходит активный поиск взаимосвязи расстройств пищевого поведения и эпигенетического характера наследования и связанных с ними признаков и сопутствующих факторов. Несмотря на то, что изучение эпигенетических механизмов пищевого поведения началось не так давно, эта отрасль знания стремительно развивается, предоставляя много новых данных.

Большое количество доказательств подтверждает, что состав диеты, как ежедневного стиля поведения, может оказывать влияние на эпигенетический профиль человека.

Исследования, посвященные эпигенетическим механизмам при расстройствах пищевого поведения сообщают об измененном метилировании генов, регулирующих экспрессию альфа-синуклеина (участвующего в высвобождении нейромедиаторов), дофамина (участвующего в регуляции настроения, контроле импульсов, чувствительности к вознаграждению и перееданию), окситоцина (связанного с социальной привязанностью), гистондеацетилазы (широко влияющей на экспрессию генов) и лептина (ингибирующего голод). Таким образом, представленные данные позволяют предположить, что эпигенетические процессы вовлечены в этиологию расстройств пищевого поведения.

Травма детства и расстройства пищевого поведения

В настоящий момент появляется все больше данных о том, что у людей, которые подвергались эмоциональному или физическому насилию или перенесли масштабную травму в детстве, психические расстройства развиваются более высокими темпами. На данный момент известно, что жестокое обращение с детьми связано с расстройствами настроения, тревожными расстройствами, посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР), расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ, и расстройствами личности на протяжении всей жизни. Это же может быть применимо и к изучению анамнеза пациентов с расстройствами пищевого поведения.

Например, в исследовании Бекера и Грило 2011 года было выявлено, что среди женщин с расстройством пищевого поведения (переедание) 52% пережили

эмоциональное насилие, 28% - физическое насилие, 31% - сексуальное насилие, 68% - эмоциональное пренебрежение и 48% - физическое пренебрежение. Данные можно назвать ограниченными, так как они фиксируют только самые тяжелые зафиксированные и изученные случаи расстройств пищевого поведения и переживания жестокого обращения в детстве.

Другое перекрестное исследование выявило положительную связь между тяжестью детского физического и сексуального насилия и наличием пищевой зависимости у взрослых женщин. Было обнаружено, что жестокое обращение с детьми значительно коррелирует с риском развития таких заболеваний как ожирение, включая гипертонию, диабет II типа и сердечно-сосудистых заболеваний.

Исходя из этих популяционных данных, можно сделать вывод, что сексуальное насилие и физическое насилие, факты эмоционального пренебрежения, отсутствующие родители в детстве связаны с повышенной вероятностью возникновения расстройств пищевого поведения или их симптоматики. Однако данные о том, как именно эпизоды жестокого обращения с детьми связаны конкретно с каждым расстройством пищевого поведения среди мужчин и женщин в общей популяции и их различия в зависимости от пола, все еще ограничены. Это представляет большую основу для будущих исследований и расширения понимания того, как именно травмы детства связаны с нарушениями пищевого поведения.

Нейробиологические факторы

За последние годы были выявлены нейробиологические факторы изменения ЦНС у пациентов, страдающих расстройством пищевого поведения. Были суммированы данные, полученные в исследованиях МРТ при РПП, а также зафиксированы изменения в нейросетях, являющихся общими для всех пациентов. У пациентов с расстройствами пищевого поведения наблюдалась измененная чувствительность к пищевым стимулам в стриатальных областях и подавление гипоталамических входов нисходящими эмоционально-когнитивными областями контроля. В других исследованиях были выявлены дефициты в объемах серого и белого веществ у пациентов с нервной анорексией. Объем серого вещества был снижен на 3,7% у взрослых и на 7,6% у подростков с нервной анорексией. Объем белого вещества был снижен в среднем на 2,2% у взрослых пациентов и на 3,2% у подростков. Однако данные изменения обратимы у взрослых после длительного восстановления. Кроме того, были продемонстрированы изменения ГАМК-рецепторов в сером веществе и потеря астроцитов как в сером, так и в белом веществах.

Полученные данные свидетельствуют о возможном дефиците эстрогенов в ходе развития заболевания. Из этого следует, что эти изменения ЦНС могут частично объяснить основные клинические симптомы нервной анорексии. Большинство исследований в области нейробиологии РПП выявили степень воздействия нарушений пищевого поведения на структуру мозга и его пути вознаграждения, вовлеченные в изменение активности мозговых структур у пациентов с расстройствами пищевого поведения. Собранные данные являются перспективной мишенью для разработки методов лечения.

Эндокринные факторы

Исследователи также выделяют различные эндокринные изменения при расстройствах пищевого поведения, особенно при недостаточном весе пациентов. Были выявлены специфические гормоны (например, грелин, ССК, GLP-1, PYY, лептин, окситоцин, кортизол), нарушение работы которых наблюдается при расстройствах пищевого поведения. Они также могут указывать на прогрессирование заболевания и закрепление симптоматики (ограничение питания, переедание). Такие гормоны как грелин и кортизол также могут быть связаны с нарушением пищевого поведения в связи с психологическим стрессом пациентов. Окситоцин как гипоталамический нейропептид признан регулятором репродуктивного поведения. Однако недавние

исследования на людях выявили, что помимо этой функции он обладает мощным модулирующим воздействием на психосоциальную область, в том числе и на пищевое поведение. Эти данные лежат в основе разработки его нового фармакологического профиля, направленного на интеграцию социальных и метаболических аспектов у пациентов с РПП. Однако наиболее достоверным доказательством связи гормональных нарушений и РПП является исследование, посвященное гормонам яичников, так как изменения в данных гормонах можно рассматривать в качестве маркеров генетических и фенотипических изменений, возникающих в результате нарушения пищевого поведения. Несмотря на вышеуказанные данные, информация, посвященная роли гормональных факторов в этиологии расстройств пищевого поведения остается неполной, так как появившиеся эндокринные изменения часто нормализуются с восстановлением веса, и неясно, влияют ли они конкретно на мозг и поведение пациентов с расстройством пищевого поведения.

Микробиотические факторы

Исследование микробиома также является важным аспектом при изучении расстройств пищевого поведения, начиная с области диетологии и ожирения и заканчивая областью психического здоровья.

Кишечная микробиота представляет собой сообщество микроорганизмов, включая бактерии, археи, грибы, паразиты и вирусы, обитающие в желудочно-кишечном тракте человека. Специфический набор микроорганизмов уникален для каждого человека, а состав кишечной микробиоты определяется множеством факторов хозяина, включая генетику, диету, состояние здоровья, возраст, пол, географическое положение и прием лекарств. В организме человека осуществляется двунаправленный путь коммуникации по оси микробиом-кишечник-мозг. Восходящие сигнальные пути влияют на здоровье посредством различных путей и оказывают влияние на поведение, активность мозга, участвуют в регуляции уровней нейромедиаторов, рецепторов и нейротрофических факторов. Таким образом, существуют исследования, доказывающие связь кишечной микробиоты кишечника с расстройствами пищевого поведения, которые по своим нейробиологическим характеристикам схоже с алкогольной зависимостью (изменения в активности орбитофронтальной и префронтальной коры головного мозга, сниженное торможение и самоконтроль).

Было обнаружено, что у пациентов с нервной анорексией наблюдается гораздо более сниженный общий уровень кишечных бактерий и высокое количество бактериальных штаммов, что может служить маркером измененной метаболической активности в связи с расстройством. Кишечная микробиота играет специфическую роль в выборе определенных продуктов, а также участвует в возникновении дисфории, связанной с усиленной мотивацией к приему пищи. Уменьшение микробного разнообразия может быть связано с нездоровым питанием.

Культурные факторы

В социальном дискурсе одним из способов достижения женщиной личностного счастья и гармонии с собой становится приближение к "идеальному" телу, т.е. социально-приемлемому в данной культуре или "конвенциональному". Современные критерии оценки красоты, закрепленные на уровне масс-медиа, диктуют определенные параметры внешнего вида человека. По результатам исследований, если речь идет об обычных государственных медиа, данный образ складывается из следующих категорий: женщинам приписывается образ здоровой девушки, нацеленной на поддержание своего веса путем правильного питания и физических упражнений. Подобная модель становится маркером успешности. Другим важным фактором оказывается противоположность этому (по большей части со стороны модной индустрии): очень худые девушки на грани анорексии. Социальные сети как посредники становления "визуальной идентичности" служат своеобразной площадкой закрепления данных о телесной "нормальности", а также обменом опыта (на примере

похудения) и личной выработки видения своего тела. И именно там происходит приписывание чрезмерно худым телам моделей и актрис положительных социальных, психологических и когнитивных характеристик. Таким образом, наблюдается прямая связь с общественными ожиданиями и правилами, а повышенное внимание женщин к их телам становится культурно и социально приемлемым. Это приводит к тому, что женщина вынуждена стремиться к определенным, порой труднодостижимым, стандартам красоты. Подобная неудовлетворенность может приводить к установлению нездорового пищевого поведения, а впоследствии перерастать в психические расстройства, в том числе и расстройства пищевого поведения и самоидентификации.

Психологические факторы расстройства пищевого поведения

Пациенты с расстройствами пищевого поведения часто демонстрируют социально-эмоциональные затруднения. Новые данные о социально-эмоциональных проблемах у людей с расстройствами пищевого поведения предполагают разработку дополнительных методов лечения, ориентированных на коррекцию этих трудностей, к ним относятся когнитивная ремедиация и тренинг эмоциональных навыков, а также модификация когнитивных предубеждений, а также интеграционная психотерапия, EMDR.

Люди с РПП сталкиваются со следующими психологическими трудностями: неспособностью самостоятельно принимать решения, сложностями с перенесением одиночества, ощущением опустошенности или беспомощности, чувство стыда, аутоагрессии, легкой ранимостью, подверженности малейшей критики или неодобрению со стороны. Как правило, случаи компульсивного переедания происходят в одиночестве, что приводит к последующим ощущениям отвращения к себе, вины, подавленности, так называемой "потери контроля". Это сказывается на психологическом состоянии: пациенты ощущают не самостоятельность, отсутствие воли, со-зависимым отношениям и схемам принятия жизненно-важных решений, выбора стратегии поведения. Когда же прием пищи оказывается в сжатых рамках, пациенты с РПП испытывают сильный дистресс, оборачивающийся мрачной раздражительностью, чувством неприязни к окружающим.

Наличие уже нескольких из этих факторов при клинической диагностике является поводом для оказания своевременной психологической помощи и поддержки пациенту, столкнувшемуся с данным расстройством.

Заключение

На сегодняшний день наблюдается недостаточное количество данных о патогенезе и развитии расстройств пищевого поведения. Исследование данных расстройств в областях генетики, эпигенетики, нейробиологии, эндокринологии, психологии и многих других областях могут помочь выявить механизмы, связанные с патофизиологией мозга, которые активно влияют на пищевое поведение данных пациентов. Появление новых данных и выявление все новых биологических маркеров будет активно способствовать более индивидуализированному, точному медицинскому и терапевтическому подходу в лечении расстройств пищевого поведения в будущем.

Seijo N.

No One is on My Side: The Role of Abuse in Eating Disorders

Center for Psychotherapy and Trauma

doi 10.18411/gq-31-07-2021-20

Abstract

Eating disorders are considered some of the most difficult to treat and have the highest mortality rate of all mental disorders (Agras, 2001). Among them, anorexia nervosa is one of the psychiatric diagnoses with the highest mortality rate (Arcelus et al., 2011). In a longitudinal study conducted by Bulkin et al. (2007) from 1980 to 2005, it was found that

applying medication and working with behavior yielded inconclusive results (Openshaw, et al. 2004). If eating disorders were solely dependent on food, it would make sense that changing eating behaviors makes it easier to get out of the disorder. Unfortunately, however, this is often not the case. The clinical case presented here is a clear example of the relationship between eating disorders and trauma, particularly sexual, emotional, power, and physical abuse.

Keywords: eating disorder, anorexia nervosa, abuse, psychotherapy.

Socio-demographic data

In the United States, anorexia nervosa is now the third most common chronic disease among adolescent women, after obesity and asthma. In Spain, the latest studies coincide in pointing out a prevalence rate of cases of eating disorders in the adolescent population of around 4.1% - 4.5%.

The DSM-IV-TR (APA, 2000) established a lifetime prevalence of anorexia nervosa, for women at approximately 0.5% (DSM-IV-TR, 2000) and for men at approximately one tenth of that of women. The current DSM-5 (APA, 2013) reflects a 12-month prevalence of anorexia nervosa among young women of approximately 0.4% and specifies that it is less common in men than in women, maintaining the DSM-IV-TR (APA, 2000) ratio of 10:1.

The DSM-IV-TR (APA, 2000) indicates a prevalence of bulimia nervosa among adolescent and young adult women of approximately 1-3%, with a tenfold lower prevalence in men. This condition occurs mainly in industrialized countries and, within these countries, in females, with at least 90% of the cases constituting the DSM-IV-TR (APA, 2000) ratio of 10:1.

The DSM-5 (APA, 2013) indicates that the 12-month prevalence of binge eating disorder in adults (18 years and older) is 1.6% in women and 0.8% in men. Similarly, it indicates that the disorder is more prevalent in those who are seeking to lose weight than in the general population.

The lethality of eating disorders is the highest among those detected in psychiatric disorders. Specifically, anorexia is about 0.3%, bulimia is about 0.8% and non specified eating disorder is about 3.1% of the female population aged 12-21. If we consider the whole spectrum, taking into account the milder forms, the frequency estimate is much higher: between 11-16%.

Recent studies link posttraumatic stress disorder (PTSD) to eating disorders. They show results from approximately 75% of women in psychological treatment who suffered some form of trauma. Sexual and emotional abuse are the most common in these patients (Steiger et al., 2009; Chou et al., 2012; Burns, 2012; Grillo & Masheb, 2001). Identifying trauma and adverse life experiences in the biographies of these patients help to conceptualize the disorder and develop appropriate treatment for each case. In the treatment of eating disorders, attention continues to be paid to food behavior as a key part of treatment, however, with little effect. Usually, the reality of the problems with food lies in a patient's past, in the different traumatic events that force the person to survive around these problems. This case study shows how trauma and the different types of abuse that a patient suffers throughout their life are the basis of the severe disorder that they have suffered for years. Lack of attention by professionals to their traumatic history puts their lives at risk and, in turn, leads to abuse of power generated by the treatment itself. Through this case, it is expected to shed light on and improve the interventions with these patients, and to provide specialists with the ability to work with people suffering from these disorders to recognize the true origin of the problem.

This case study will show how trauma and abuse can be at the root of severe eating disorders. It will also demonstrate how a lack of attention on the part of professionals for a patient's traumatic past cannot only put a patient's life at risk but may also lead to power abuse

during treatment. It is hoped that this case will enable specialists to better recognize the true origin of eating disorders and to improve interventions.

Reason for consultation

A 29 years old patient requests a consultation to strengthen her social skills following recommendations from the eating disorder unit. She had been treated for 12 years of a severe anorexia nervosa. However, the problems with food continued, although the patient was already out of risk.

During the collection of history, the patient describes problems with food and her body since childhood; she tells how, in the first years of school, she was insulted referring to her weight. At the age of 13, she began to develop restrictive anorexia nervosa that lasted throughout adolescence and part of adulthood. Her medical history includes three suicide attempts for which she had to be admitted, and nine hospitalizations due to her underweight; she was fed by a probe because of her refusal to eat. Sexual abuse in childhood, emotional and physical abuse by the family and abuse of power appear in the different admissions where the patient describes the behaviour and treatment received from carers and professionals as traumatizing. The patient describes that during hospitalizations she was tied hand and foot to a bed facing the ceiling for a week as part of a treatment to get better. She describes how she was forced to eat food of inferior quality and how on one of her admissions her roommate fell to the floor and died instantly.

The first treatment was carried out in an eating-disorder unit during 12 years in which eating guidelines, behaviors, and medication were monitored; the family was consulted to ensure that the standards established by the professionals were met.

During the anamnesis something important happened which is worth mentioning since it is one of the keys to treatment: the patient's surprise reaction when asked if she had been sexually abused. She responded with surprise because she said it was the first time someone had asked her and that she was interested in knowing what had happened to her. Following this commentary, she was asked to describe, if possible, as much as she could about what had happened to her. She described sexual abuse in childhood from age 5 to 10 by a family friend. She says she tried to talk about the instances of abuse over the years. The first time she tries to count it was at age of 7 with her mother, but she excuses the abuser by associating his behaviors with his recent widowhood. She made a second attempt to tell about her abuse, this time to her therapist in the unit where she was treated. The response she got from her therapist was that the past was better left untouched because if she were to touch it, that would affect her behavior with food and nothing would change after that because the past is in the past.

From the second or third session, the belief that "no one is on my side", caused by accommodating the abuse as a result of years of helplessness in the face of unsuccessful attempts to ask for help, became clear. The syndrome of accommodation to child sexual abuse (SAASI) (Summit, 1983) describes a characteristic sequence of five phases: secrecy, helplessness, accommodation, late disclosure, and withdrawal, which is common in victims of chronic sexual abuse by close relatives.

The structure of submission and subjugation to life responds to accommodating the abuse and leaves a large imprint on one's inner experience of what the eating disorder is all about. The different types of abuse she suffered started early in life with bullying at school, sexual abuse, emotional abuse at home through guilt and emotional blackmail. She also tells of episodes of physical aggression in her family during her childhood, where on one occasion she asked for bread before eating and her mother, while making her feel responsible for her demanding attitude, put the crumb of bread in her mouth until she managed to make her vomit.

In the final stages of treatment, there was the abuse of power associated with the admission to the unit. She tells of episodes where she felt humiliated and disrespected., Experiencing great fear and confusion, without knowing what she had done to make them

take such aggressive measures. Once again she mentions to her family what it happens in the hospital with her but again "nobody took her side" and nobody did anything.

Objectives

The therapist and patient were able to formulate a number of treatment objectives as a guideline for the treatment plan:

- Encourage a secure therapeutic attachment relationship to promote trust.
- Stabilize and regulate on an emotional level as well as on a nutritional level.
- Cognitive, emotional and somatic resources for regulatory work.
- Promote healthy living habits; food, sleep, social skills, day-to-day activities.
- Process the different adverse situations and traumas resulting from the abuse suffered.
- Integrate the life circumstances associated to the belief; "nobody is on my side" and change for the belief; "I am by my side".

Intervention

The times in the hospital are a big piece of therapy work due to the aggressiveness of the patient's stays in hospital, the treatment she received there, and the complication of intravenous feeding due to her absolute refusal to eat.

In the beginning, the therapeutic treatment is focused on the therapeutic relationship in order to ensure that she can experience that someone is already on her side. Through bonding, all the work is reinforced. The importance of working with trust to start repairing the attachment and all the damaged by the traumas of betrayal, humiliation, and the fear of abandonment described throughout the collection of history as a result of experiences from the past.

As soon as the work in therapy starts, the abuse comes out very quickly, as the patient had been waiting for years. In the first moments, some stabilization work is done to calm down all the emotional pain that accompanies the abuse experiences she describes and the time in which they have been accumulated without the possibility to talk about it. Frustration and anger also arise from the disconnection from the pain, which the patient suppressed through the control of food and the various suicide attempts in order to stop the recurrent flashbacks she suffered over time, associated with situations that reminded her in one way or another of what she had experienced. The relationship of the eating disorder to the sexual abuse was obvious to the patient, she had always known it, but she had never been able to name it because she had never been given the opportunity to do so. This connected with a feeling of injustice and wasted time: years of a lifetime of illness that no one was going to give back to her because she had not been given the chance to be heard.

When the memories of the abuse started to pop up the family and the other professionals dismissed the therapy as invalid, alluding once again to the fact that it was not good for her to bring out all the traumatic experiences that she had inside.

The eating disorder, which was still there, her dissociated state, her attempts to suicide were not associated with the traumas she experienced in life and even she was not allowed to talk about them.

She continued in therapy and began the work of stabilization and regulation through resources like; safe place, learning to put limits, breathing, empowerment, grounding. She learnt self-regulation strategies and psychoeducation to identify the indicators of disconnection that may arise, somatic resource strategies that connect her to the present, and rooting. All of them are aimed at teaching her to use healthy strategies instead of resorting to food or food restriction as a way of regulating herself.

When stabilization is achieved, the work continued to focus on the behaviours with food. The disidentification of food as a safe haven was elaborated. The most phobic aspects of food associated with the food she was forced to eat for years because of her eating disorder are processed; the sensations, smells, textures, and situations associated with them, to which

she reacted, made her unable to eat and cook, complicating her eating habits and impacting her on a physical, family, and social level.

Being able to determine that she was in control of the sessions, that is, how far we could or could not go, was important to her as was the fact that she was able to locate an internal place where she could say, "I think it's been too much" or not. An attempt was made to expand her window of tolerance in working with trauma by respecting her own pace so that she would respect herself at all times in therapy. How far can she go and how far can she go before it gets too much and overwhelms her? Once the patient feels ready, work on all the traumatic events in her life can begin.

This intervention of elaboration of the trauma is conducted in three stages:

1. Sexual abuse: flashbacks, actual present triggers leading to abuse. The therapeutic bond as a reinforcement to feel the support of telling the trauma. Resources for calmness and awareness.

First, work began on sexual abuse because it is the most urgent; it constantly emerges through flashbacks and current life situations that trigger the trauma; situations, for example, in which she feels that people were not on her side connecting her with situations in which she wanted to tell what happened to her as a child, and her mother did not listen to her, and the abuse continued to happen. Just like when the abuser was abusing her in the living room while the mother was in the kitchen and didn't do anything to help her in that situation.

A trigger of the trauma was also that the therapist listened to her, which connected her with how unfairly she has been treated in her life. Once the work with this trauma began all the scenes of sexual abuse came to her. This part of the treatment was slow because it had to go very slowly in order not to exceed the window of tolerance.

2. Emotional abuse: guilt, attachment; the mother's blaming and denial.

An ambivalent mother who had difficulty showing emotions and maintains a cold relationship with the patient. Life situations in which the patient was blamed and in which guilt was used as a control strategy are processed as well as serious suicide attempts and associated guilt. When they wanted to control her in some way, they made her feel guilty. More importantly, guilt came much more often when she got sick because she was made solely and exclusively responsible for everything that happened to her.

The idea that she had broken her parents' lives is also addressed; messages she received and damaged her. The most complicated part was to see how all the complex trauma she suffered was neither seen nor understood as a child or as an adult. There were moments at the table with hours of dissociative experiences in front of a plate without being able to get up.

This part of the therapy associated with the emotional trauma was extremely important for the patient because a large part of the whole problem of social skills that was presented as a reason for consultation was related to the guilt experienced, with all the wounding of attachment: a denying mother who dedicated herself to never validating and to turning everything the patient did into guilt by not assuming responsibility of any kind, neither when she was wrong, nor validating when things were right.

3. Power. Abuse Very scary moments associated with being tied up in the unit, situations with the probe, disrespect, accusing her of lying and manipulation.

She had to work through all that she suffered in the unit when they tied her hands and feet, arguing that she was a dangerous person. She described how they kept her for a week experiencing extremely high levels of anxiety, staring up at the ceiling. These are painful situations for the patient because she describes how they were connected to the sexual abuse in which no one was on her side either.

This event represented another big moment of abuse and again her parents didn't do anything, didn't defend her with the hospital despite knowing that this unacceptable behavior was taking place.

The result of the treatment was most satisfactory. Once the complex traumas could be accessed and processed, the improvement was obvious. The patient was able to loosen control with food and the weight stabilized. The adjustment to the abuse that she was forced to endure throughout her life was repaired through trust and therapeutic bonding. The pattern of subjugation and submission that marked her lifeline as well as her relationship with others was repaired. Through therapy she learned to relate to others and to herself in a respectful way. Today she is a professional who is dedicated to the care of children with trauma and has created her own family. Her relationship with food is satisfactory although she continues to work on it.

Conclusion

This case example highlights the importance of abuse (physical, emotional, sexual, and power) in the development, maintenance, and treatment of eating disorders. During the clinical interview with this patient, specific questions should be asked about the different types of abuse. It needs to be established that they took place. Questions should also be included about uncomfortable glances or behaviors that may have been annoying, aggressive, or intimidating to patients. Addressing the abuse suffered is the cornerstone in the treatment of eating disorders. However, maintaining the window of emotional tolerance of the person that determines his or her ability to manage the work that has to be done in therapy with the different traumas associated with the abuse.

People who suffer from these disorders are often accused of lying and manipulation. This results in a negative view from health professionals to the patients. This negative view (for example; not trusting on the patient word, being irritable or with difficultó attitude with the oatient... prevent them from seeing the dissociative experience as a need to disconnect from everything inside them that they have not been able to express and that they have put into their food in their different diagnostic representations of eating disorders.

1. Agras, W. S. (2001). The consequences and costs of the eating disorders. *Psychiatric Clinics of North America*, 24(2), 371-379.
2. American Psychiatric Association (APA). (2002). *Manual Diagnostico y Estadistico de los Trastornos Mentales DSM-IV-TR*. Barcelona: Masson.
3. Arcelus, J., Mitchell, A. J., Wales, J., & Nielsen, S. (2011). Mortality rates in patients with anorexia nervosa and other eating disorders: a meta-analysis of 36 studies. *Archives of general psychiatry*, 68(7), 724-731.
4. Arlington, VA American Psychiatric Publishing.
5. Burns, E. E., Fischer, S., Jackson, J. L., & Harding, H. G. (2012). Deficits in emotion regulation mediate the relationship between childhood abuse and later eating disorder symptoms. *Child abuse & neglect*, 36(1), 32-39.
6. Grilo, CM., Masheb, R. M., Childhood psychological, physical, and sexual maltreatment in outpatients with binge eating disorder: frequency and associations with tender, obesity and Keating-related psychopathology. *Obes Res.* 2001;9(5):320-325.doi:10.1038/oby.200140
7. American Psychiatric Association (2013). *DSM-5™*. Wahsuington, DC: Author
8. Openshaw, C., Waller, G., & Sperlinger, D. (2004). Group cognitive-behavior therapy for bulimia nervosa: Statistical versus clinical significance of changes in symptoms across treatment. *International Journal of Eating Disorders*, 36(4), 363-375.
9. R. M. (2001). Subtyping women with bulimia nervosa along dietary and negative affect dimensions: A replication in a treatment-seeking sample. *Eating and Weight Disorders-Studies on Anorexia, Bulimia and Obesity*, 6(1), 53-58.
10. Steiger, H., Richardson, J., Schmitz, N., Israel, M., Bruce, K. R., & Gauvin, L. (2010). Trait-defined eating-disorder subtypes and history of childhood abuse. *International Journal of Eating Disorders*, 43(5), 428-432.
11. Summit, R. C. (1983). The child sexual abuse accomodation syndrome. *Child Abuse & Neglect*, 7(2), 177-193.

SECTION VI. PHILOLOGY AND LITERATURE STUDIES

Аутлева Ф.А., Симбулетова Р.К., Шхумишхова А.Р.
Лирика поэтов разных стран в переводах С. Маршака

Адыгейский Государственный Университет
(Россия, Майкоп)

doi 10.18411/gq-31-07-2021-21

Аннотация

В статье говорится об особом месте темы духовности в художественном пространстве переводов Маршака, в решении которой просматривается наличие триады «Восток-Запад-Россия». Она основывается на существовании двух полярных в духовном и нравственном плане областей его творческого интереса, несущем в себе научный, культурологический и онтологический смысл. Рассмотрены особенности маршаковских переводов поэтических произведений авторов из разных стран.

Ключевые слова: художественный перевод, восприятие мира, национальная культура, этнокультура, национальный характер.

Abstract

The article speaks about the special place of the theme of spirituality in the artistic space of Marshak's translations, in the solution of which the presence of the "East-West-Russia" triad is seen. It is based on the existence of two spiritual and moral polar opposite areas of his creative interest, which carry a scientific, cultural and ontological meaning. The features of Marshak's translations of poetic works of authors from different countries are considered.

Keywords: literary translation, perception of the world, national culture, ethnoculture, national character.

Исследование национальных образов (моделей) мира, постигаемых как духовное единство в богатстве национальных вариантов, как справедливо утверждает Е. Сидоров, требует нового маргинального языка исследования, «на стыке научного и художественного мышления». Возрожденная Георгием Гачевым и Дмитрием Лихачевым традиция философски свежего восприятия национальных культур как не случайного, а органичного явления за последние десятилетия получила интенсивное развитие в сферах этноэкологии, этнопсихологии, этнокультуры, экологии культуры, экологии души.

Учитывая некоторые характерные особенности мировоззрения С.Я. Маршака писателя, триада «Восток-Запад-Россия» в его произведениях служит инструментом, доносящим творческую мысль автора до конкретного читателя: альтруизм писателя примиряет в лучших его сочинениях «Западное» и «Восточное» восприятия мира. Две постоянно всплывающие темы размышлений доминируют поочередно и ставят перед исследователями вопросы об объективности и действительном смысле всего творчества поэта. Эта проблема, проецируясь на биографию писателя, разрешается как ветхозаветная притча о блудном сыне. Движение и в творческом, тематическом, и в жизненном, биографическом планах происходит у Маршака, как это ни парадоксально, с Запада на Восток.

Каждая эпоха имеет свои любимые песни. Это верно и в отношении переводов. Одно поколение, сменяя другое, выбирает из сокровищницы мировой поэзии то, что ему наиболее созвучно. Успех романтических немецких и английских баллад в начале XIX века у русского читателя объяснялся высокими достоинствами переводов Жуковского. Несколько десятилетий спустя в России появились песни Беранже, великолепно переведенными Курочкиным. Песни поэта Роберта Бернса, сонеты Шекспира именно благодаря отличным переводам Маршака стали «фактами русской поэзии». Чем же в общих чертах определяется характер переводческой работы

Маршака? Мерилом всякого художественного перевода в первую очередь является, конечно, точность. Но точность — далеко не единственное условие. Забота о буквальном передаче слова еще не дают переводу широких прав и, по замечанию Брюсова, часто могут даже обернуться предательством, исказить смысл и дух произведения.

Таких переводчиков-буквалистов еще Тургенев в статье о русском переводе «Фауста» сравнивал с детьми, которые, измеряя циркулем и линейкой расстояние от глаза до губ в своем рисунке и в оригинале удивляются, что у них выходит не то [1]. В той же статье Тургенев замечал: «Это не источник, который свободно и легко бьет из недр земли: это колодезь, из которого со скрипом и визгом насос выкачивает воду. Вам беспрестанно хочется воскликнуть: bravo! еще одна трудность преодолена!.. Между тем как нам бы не следовало и думать о трудностях» [1;44].

Там, где верность подлиннику соединяется с духом творчества и следование за буквой перевода не становится догмой, не стесняет творческую свободу художника, не превращает его в пленника чужого языка, чужого синтаксиса, чужого строя речи, перевод обретает прелесть оригинального произведения.

В таких произведениях поэт-переводчик проникается духом подлинника, как бы заново переживая оригинал. Стихи окрашиваются его личностью. А без этого стих неизбежно окажется пресным и вялым, механическим копированием подлинника. Но если поэт-переводчик не может полностью исключить свою индивидуальность, то он не может, не вправе и подавлять собой личность автора. Все дело в художественном чувстве меры, в умении слить свои мысли и чувства с мыслями и чувствами переводимого поэта, сохраняя при этом и свое к нему отношение. Отправляясь от деталей и частных, и от целого, он обретает ту необходимую творческую свободу, которая и обеспечивает переводу наибольшую достоверность. Стихотворение Гейне «Сосна и пальма» переводили большие русские поэты — Тютчев, Майков, Фет. Но лучше и тоньше всех выразил чувства поэта Лермонтов. И не потому, что он был наиболее точен. У других переводчиков есть более точные и близкие к оригиналу строки, чем лермонтовский вольный образ: «И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим одета, как ризой, она» (стихотворение Михаила Лермонтова «На севере диком стоит одиноко...», написанное им в 1841 году). Но Лермонтов оказался ближе не к букве, а к духу произведения. Тут, как и в лермонтовском переводе стихотворения Байрона «Душа моя мрачна», поражает необычайная цельность чувства, глубина душевного переживания, которые, соединившись с высоким мастерством, сделали эти стихи достоянием русской поэзии.

Следуя традициям русской переводческой школы, Маршак-переводчик всегда стремится создать соответствующие русские стихи, которые воспринимаются как оригинальные произведения, звучат по-русски и в то же время остаются английскими, шотландскими, немецкими, венгерскими стихами — стихами Шекспира и Блейка, Бернса, Браунинга, Гейне, Петефи. Среди переведенных Маршаком — поэты Грузии, Литвы, Латвии, Финляндии, Норвегии, Чехословакии, Монголии и других стран и народов, стихи С. Нерис и Ш. Петефи, О. Туманяна и Леси Украинки, Ф. Богушевича и Л. Квитко, Д. Родари и Р. Киплинга. Книги самого Маршака переведены на десятки языков. Многие стихотворные сказки поэта являются оригинальными авторскими переложениями грузинских, армянских, узбекских фольклорных текстов.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что немало переводов С. Маршака, начиная с конца 1950-х годов стали текстовой основой музыкальных произведений — популярнейших отечественных песен, баллад, романсов, созданных композиторами разных уровней и направлений — от Георгия Свиридова (цикл песен и романсов из Роберта Бернса) до Александра Градского (Р. Бернс «В полях, под снегом и дождем...») и Сергея Никитина (Р.Киплинг «Бразилия (Из Ливерпульской гавани...»). Это и песня из репертуара А.Б. Пугачевой на текст сонета № 90 У. Шекспира «Уж если и разлюбишь, - так теперь...». Тексты этих песен и других стихов-переводов С.

Маршака афористичны, исполняются не только профессиональными музыкантами, но живут и в художественном сознании, эстетической памяти народа, цитируются им органично, без осознания авторства слов, что является признаком истинной народности. Это касается, например, идиоматического выражения «*Вся королевская рать*», давшего название переводу на русский язык романа Роберта П. Уоррена (перевод В. Гольшева). Это словосочетание имеет самостоятельное хождение, когда даже не возникает ассоциации с «породившим» его переводом С. Маршака:

Вся королевская конница,
Вся королевская рать
 Не может Шалтая,
 Не может Болтая
 Шалтая-Болтая собрать... [2;84].

Название романа Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» содержит реминисценцию маршаковского перевода стихотворения Р.Бернса «Пробираясь до калитки вечером во ржи».

В цикле прекрасных, овеванных тонким юмором миниатюр Дмитрия Гулиа «В нашей деревне» перед Маршаком стояла иная задача. Другая эпоха, другой народ, строй речи. Но в переводе мы снова ощущаем особенности национального характера, обаяние национального языка, переданного русским стихом:

До родника спускаться — час,
 Потом наверх взбираться — час,
 И воду брать, нагнувшись, — час,
 И отдыхать, вернувшись, — час...
 Так был далек
 Тот родничок,
 Что под горой бежал у нас [3;509].

В строчках стихотворения «Родник» явственно различима живая, эмоциональная речь горцев, жителей маленького абхазского селения. В веселом «Хороводе», сборнике чешских детских потешек, живет шаловливая грация чешской детской народной песенки:

Можно ль козам не бодаться,
 Если рожки есть?
 В пляс девчонкам не пускаться,
 Если ножки есть? [2;196].

В переводе стихов Юлиана Тувима о столяре, смастерившем стол, перекликающихся с собственным стихотворением Маршака «Откуда стол пришел?», подобралось немало русских слов, созвучных польским. Благодаря этому и самый стих как бы зазвучал по-польски:

Хлопцам пришлось поработать немало,
 Прежде чем дерево наземь упало.
 Добрые кони в пене и мыле
 На лесопилку его притащили.
 Пилы его распилили на доски,
 Зубья погнули о ствол его жесткий.
 Доски и планки были шершавы,
 Взял их в работу столяр из Варшавы.
 Опытный мастер — Адам Вишневский
 Ладил рубанки, пилы, стамески [3;457].

Этой же задаче приближения к звуковым и метрическим особенностям польской поэзии служит и столь характерный для метрики польского стиха перебой ритма: «Опытный мастер — Адам Вишневский».

Из сокровищницы мировой поэзии Маршак выбирает то, что ему близко как художнику, что непосредственно перекликается с его собственными стихами. Во всяком случае, зная творческий путь поэта, его давнее внимание к фольклору, легко объяснить интерес Маршака-переводчика к английским и шотландским народным балладам, от которых дорога ведет прямо к Шекспиру и Бернсу, легко объяснить прочный интерес к очень народной по самому своему духу музе Петефи и Леси Украинки, Саломеи Нерис и замечательного белорусского поэта Франтишека Богушевича. Горькая и нежная «Колыбельная» Богушевича, говорящая о самых сокровенных чувствах белорусского народа, имеет право занять свое достойное место в мировой поэзии, наряду с такими стихами, как сонеты Шекспира или песни и баллады Бернса.

Не раз обращался Маршак к сказкам и сказаниям других народов — грузинским, чешским, монгольским, латышским, норвежским. Плутоватый кот-скорняк из остроумной сказки Ованеса Туманяна, сродни лукавой Тете Кошке из «Сказки о глупом мышонке».

Думается, не случайно именно С. Маршак открыл русскому читателю и стихи итальянского поэта Джанни Родари. Маршак любит вкус, цвет, запахи разных ремесел. В лаконичной манере, присущей поэзии того же Маршака, с использованием точных деталей, рассказано, например, у Родари, чем пахнут ремесла:

У каждого дела
Запах особый.
В булочной пахнет
Тестом и сдобой.
Мимо столярной
Идешь мастерской —
Стружкой пахнет
И свежей доской.
Пахнет кондитер
Орехом мускатным,
Доктор в халате —
Лекарством приятным.
Рыхлой землю,
Полям и лугом
Пахнет крестьянин,
Идущий за плугом
Рыбой и морем
Пахнет рыбак
Только безделье
Не пахнет никак.
Сколько ни душится
Лодырь богатый.
Очень неважно
Он пахнет, ребята! [3;371].

В поэзии Родари Маршаку многое было по душе: и то, что итальянский поэт тоже привлек народную считалку и загадку, и то, что в своих стихах он стремится научить своих маленьких сограждан понятиям «мир», «свобода», «труд». Искусно соединено смешное и серьезное в «Стишке про летнюю жару и городскую детвору». С большой сердечностью и нежностью к детям поэт пишет в этих стихах, что, если бы его избрали президентом, он запретил бы детям летом жить в городах и подарил бы им Альпийские горы.

Во всех переводах Маршака есть та необходимая для художника творческая свобода, о которой уже говорилось. Она допускает порой отступления от буквы, но не

от духа подлинника. В лучших переводах Маршака всегда есть точность портрета. Если речь идет о народной поэзии, — например, латышской, — мы живо ощущаем крепкую, здравомыслящую, добродушную и в то же время строгую музу латышских крестьянских песен; если речь идет о переводах лирики Шекспира и Бернса, мы чувствуем, так же как в стихах Беранже, переведенных Курочкиным, все обаяние личности каждого из этих поэтов. Со всей полнотой доходит до нас присущая сонетам Шекспира глубина мысли, изящной, тонкой и притом смелой, независимой и правдивой. В стихах Бернса прежде всего пленяет образ самого автора — свободолюбивого, неподкупного человека, гордого сознанием, что все лучшее дается людям бескорыстно, что честность, как и простые человеческие радости, нельзя купить ни за какие деньги.

1. И.С. Тургенев. Сочинения, М — Л., Гослитиздат, 1963, т. XII.
2. Маршак С.Я. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 2. Том 2. Изд. Художественная литература». М., 1968.
3. Маршак С.Я. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 4. Том 4. Изд. «Художественная литература». М., 1968.

Гейдарова Э.А.

Метафорические номинации в лексике трудовой деятельности (на материале русского островного говора Азербайджана)

*Бакинский государственный университет
(Азербайджан, Баку)*

doi 10.18411/gq-31-07-2021-22

Аннотация

Рассматриваются метафорические номинации в лексике, связанной с трудовой деятельностью носителей русского островного говора Азербайджана. В результате проведенного исследования выявлено 26 метафор. В рамках четырех лексико-тематических групп («Земледелие и скотоводство», «Пчеловодство и садоводство», «Рыбный промысел», «Ткачество») представлены биоморфные (11), предметные (9), социальные (4) и геоморфные метафоры. Исследование показало, что для создания метафор активнее всего используется биоморфная сфера. Источником метафоризации выступает не только исконная, но и заимствованная лексика.

Ключевые слова: русский островной говор, лексико-тематические группы слов, метафорические номинации, лексика трудовой деятельности, земледелие, скотоводство, пчеловодство, садоводство, рыбный промысел, ткачество.

Abstract

Considers metaphorical nominations in the vocabulary associated with the labor activity of native speakers of the Russian island dialect of Azerbaijan. As a result of the research 26 metaphors were identified. Within the framework of four lexical-thematic groups («Agriculture and cattle breeding», «Beekeeping and gardening», «Fishing industry», «Weaving») biomorphic (11), subject (9), social (4) and geomorphic metaphors are presented. The research has shown that the biomorphic area is most actively used to create metaphors. The source of metaphorization is not only native, but also borrowed vocabulary.

Keywords: the Russian insular dialect, lexico-thematic word groups, metaphorical nominations, vocabulary of labor activity, agriculture, cattle breeding, beekeeping, gardening, fishing industry, weaving.

Русский островной говор Азербайджана, «сформировавшийся из разных диалектов русского языка, в иноязычном окружении приобрел ряд общих черт,

позволяющих представить его как одну из групп южновеликорусского наречия» [5, с. 6]. Он относится к числу нивелирующихся, оторван от метрополии и с самого начала находится в иноязычном окружении.

Лексика русского островного говора Азербайджана, распределенная по тематическим группам, охватывает все сферы жизни носителей говора. Однако наибольшее количество слов вошло в группу, связанную с трудовой деятельностью. Ведь «в лексике любого языка находит отражение род той деятельности, которой издревле занимался народ – носитель этого языка» [7, с. 78].

Задачей настоящего исследования было выявление метафорических номинаций в рамках четырех лексико-тематических групп - «Земледелие и скотоводство», «Пчеловодство и садоводство», «Ткачество», «Рыбный промысел». Материалом исследования послужил «Лексикон русского островного говора Азербайджана».

Широко представленная земледельческая терминология включает 234 слова. К лексике, связанной со скотоводством, относится 151 слово, а к орудиям труда – 109. Одним из родов деятельности диалектоносителей является пчеловодство, поэтому в исследуемом говоре употребляется 30 слов, относящихся к этой сфере. Женщины занимаются ткачеством, на что указывают 35 слов. «В языке поселенцев, осевших недалеко от берегов Каспийского моря, появляется новая терминология, связанная уже с рыбным промыслом (37 слов)» [2, с. 74].

В целом, лексика, связанная с трудовой деятельностью, включает в свой состав 596 слов.

Исследуемый русский островной говор Азербайджана представляет интерес и в связи с тем, что иноязычное окружение, тесные дружеские межкультурные и экономические связи способствовали проникновению значительного пласта заимствований из языка местного населения в повседневное активное общение русских переселенцев.

Следовательно, «в лексике говора отражаются не только исконные, национальные духовные ценности, выработанные русскими на протяжении столетий» [1, с. 174], но и приобретенные инонациональные особенности духовной и материальной культуры, заимствованные у иноязычных соседей, что является одной из причин возникновения лексико-семантического своеобразия речи диалектоносителей, проявляясь, в частности, в метафорических переносах.

Земледелие и скотоводство

В группе выявлены **биоморфные** метафоры, которые представлены антропоморфными и зооморфными номинациями. К *антропоморфным* метафорам относятся следующие примеры:

Барма́ки "вилы для веяния": *Кады в'ёйут, нъб'ирайут' бърмакам'и. Энтъ в'ілы так'іи.* [3, с. 121] Метафорический перенос образовался в результате сходства металлических зубьев вил с пальцами человека (от азерб. **barmaq** – *палец*).

Глазо́к "почка картофеля". На поверхности клубня проросшего картофеля бывают углубления, в которых располагаются почки. Внешне они схожи с глазницей и глазным яблоком, что и послужило основой метафорического переноса. Учитывая то, что почки у начинающего прорасти картофеля небольшие, номинация возникла в русском языке от уменьшительной формы *глазо́к*. Данная метафора получила широкое распространение в русском языке, она активно употребляется и носителями островного говора.

Косма́тка "сорняк". Название возникло из-за сходства сорняка с космами, т.е. с взлохмаченными прядями волос.

Кудр'Ли "лён особого сорта". Обыкновенный лен имеет прямостоячий голый стебель. Однако у некоторых видов стебель ветвится, что вызывает ассоциацию с вьющимися волосами, кудрями. Достаточно вспомнить строки стихотворения поэта-песенника Александра Шаганова «Выйду ночью в поле с конем».

Будет добрым год-хлебород.

Было всяко, всяко пройдёт.

Пой, золотая рожь, пой, *кудрявый* лен... [8]

Зооморфные метафоры представлены такими примерами, как:

Хоботки "шелуха, остающаяся после очистки зерна". Одно из значений слова хоботок (мн.ч. *хоботки*) в русском языке – «вытянутый в трубку рот некоторых членистоногих, служащий для сосания, ощупывания, прокалывания». [6] Метафорический перенос основан на внешнем сходстве шелухи зерна с хоботком насекомых.

Охвостье "незрелое зерно, которое при веянии отходит в сторону": *Мы как в'ейым, в аднў сторьну ав'ерийь – Вть полньий з'ирно, а в друуўйу - ахвос'т'ийь*. [4, с. 292] Носители русского островного говора являются, в основном, сельскими жителями, активно занимающимися и животноводством. Метафорическая номинация, возможно, возникла в результате сходства процесса обрубания (обрезания) хвостов у ягнят некоторых пород с незрелым зерном, которое отсеивается.

В результате исследования выявлены примеры **геоморфной** метафоры.

Брод "след, протоптанный по траве, разделяющий участки покоса, межа": *Брод ад'йн участък ад друуовь ад'д'ил'айьт'*. [4, с. 51] Основное значение слова "мелкое место реки и т.п., которое можно перейти или переехать". Основу переноса составило сходство перехода в реке или озере с узкой тропинкой, протоптанной в траве и обозначающей границы земельных участков.

Вал¹ "куча сена": *ЖВн'ш'ш'ины идут' и съб'ирайут' валь*. [4, с. 60] Номинация возникла из-за ассоциаций собранных куч сена с земляными насыпями.

В говоре активно представлена **предметная** метафора. Учитывая то, что сходство четко обозначено, и этимология переноса не вызывает проблем, нет необходимости подробно раскрывать примеры.

Рубашка "шелуха от колосьев пшеницы".

Волна "шерсть овец".

Шпилька "железные наконечники на деревянных ступах сипара": *Шп'ил'к'и очии'ш'айут' чалт'ек ат ш'напу'л'и*. [4, с. 585]

Крюк "приспособление, предназначенное для скашивания зерновых культур; вид косы": *С'арпом ж'ал'и, кас'ил'и кр'укам'и*. [4, с. 217]

В группе нашла отражение **пищевая** метафора **жйжа** "весеннее молоко". Причиной переноса послужило жидкое, нежирное молоко, вызвавшее ассоциацию с жижей. Основное значение данного слова в говоре - "вода, жидкость". Ср.: *Ванá ўс'э й'абльк'и п'выт'иу'аит', а ж'жжу й'ис'т' н'ь хат'ит'*. [4, с.138]

Лексика, связанная с земледелием, включает в свой состав следующие метафоры: биоморфные – 6, которые представлены антропоморфными (4) и зооморфными (2) номинациями, предметные – 4, геоморфные – 2, пищевая – 1.

Пчеловодство и садоводство

В группе выделяются **социальные** метафоры.

Цыганка "сорт яблок". Прямое значение слова – "представительница цыганского народа", т.е. основанием для метафорического переноса явился этноним. Номинация возникла в русском языке в XVII веке на основе ассоциаций наливного яблока с образом цыганки. Сходство основано на том, что желтоватая кожица яблока, залитая буро-красным румянцем и покрытая светлыми крапинками, напоминает одежду цыганки, традиционно имеющую яркие цветочные узоры. Метафорическая номинация входит в словарь носителей русского островного говора Азербайджана.

Чистильщики "название молодых пчёл, которые чистят соты": *Пчол'ьм'и ч'ис'-т'ил'ш'ш'ик'ьм'и ч'ис'т'ьцц'ь соты в ул'ик'ьх*. [4, с. 471] Метафора возникла по названию рода деятельности.

Предметная метафора нашла свое отражение в двух номинациях.

Корзиночка "волосинка на лапке пчелы": *Ф карзінъчку пчилá съб'ирайт' пыл'цú.* [4, с. 207] Пример наглядно демонстрирует результат образного мышления диалектоносителей. Пчела собирает пыльцу ворсинками, покрывающими ее тело. Затем она лапками снимает пыльцу и скатывает в комочек, который переносит на задних ножках. По всей вероятности, ворсинки пчелы, с помощью которых насекомое собирает пыльцу, вызвали ассоциацию с корзинкой (уменьш.-ласкат. *корзиночка*), так как в деревнях этот предмет активно используют для сбора овощей, фруктов и т.д.

Мешочек "брюшко пчелы". Метафорический перенос основан на внешнем сходстве брюшка пчелы с маленьким мешочком.

Всего в группе выявлены 2 социальные и 2 предметные метафоры.

Ткачество

В группе отмечена **предметная** метафора *струны* "нитки": *Струны м'ин'е красныиь нужн ¿.* [4, с. 403] Номинация возникла на сходстве натянутых при прядении ниток со струнами.

Антропоморфная метафора представлена несколькими примерами.

Кивáлка "педадь прядильного станка": *П'яламáльс' к'ивáлкъ нъ станú.* [4, с. 193] Перенос осуществлен на основе сходства движения педали станка вверх и вниз с киванием - наклонным движением головой в знак приветствия или одобрения.

Кудрявка "пряжа": *¿нтъ стал'éин'ик ис кудр'áфк'и.* [4, с. 218] Как известно, пряжа – это нить, состоящая из нескольких волокон, расположенных рядом друг с другом и затем скрученных вместе. Метафорическая номинация возникла на основе ассоциаций пряжи с вьющимися волосами, кудрями.

В группе отмечена **социальная** метафора *плясунóк* "веретено". Перенос вызван сходством крутящегося веретена с пляшущим человеком. Модель образована от слова *плясúн* "тот, кто пляшет (любит и умеет плясать)". В номинации употребляется уменьш. форма.

Всего в группе выявлены 4 метафоры – 2 антропоморфные, 1 социальная и 1 предметная.

Рыбный промысел

Для добычи рыбы используются сети разного размера и формы, что вызвало появление многочисленных метафорических номинаций. Например, **зооморфная** метафора *мóрда* "сеть для ловли рыбы": *У м'ин'á мóрдъ п'рвалáс'.* [4, с. 250] Данная сеть известна с глубокой древности и представляет собой два конуса, сплетенных из прутьев красной ивы и вставленных один в другой. Сбоку эта ловушка для рыб напоминает голову животного, за что и получила название *мóрда*.

Социальная метафора представлена примером *мал ¿шка* "рыболовная сеть в виде зонта": *Рыбáк забрóс'ил мал ¿шку в мóр'ь.* [4, с. 238] На территории материнских диалектов эта сеть имеет название *зóнтик*. Однако в исследуемом говоре отмечена иная метафорическая номинация. Основное значение слова *мал ¿шка* – "уменьш.-ласкат. обращение к малышу". Диалектоносители используют его для актуализации небольшого размера сети, вкладывая при этом свое личное отношение к предмету рыбной ловли.

Антропоморфная метафора представлена примером *усáч* "пескарь": *Усáчú вóд'ьцú в нáших р'экъх.* [4, с. 433] В разговорном языке усачом называют человека с большими усами. Однако слово послужило также основой для названия речной рыбы семейства карповых.

В следующем примере отражается номинация, имеющая отношение к анатомии, как человека, так и животного. Поэтому ее можно отнести к **биоморфной** метафоре, не конкретизируя вид переноса, т.к. неизвестно, антропоморфная или зооморфная метафора послужила основой для данной формы.

SECTION VII. ORGANISATION MANAGEMENT

Наумова А.В.

Особенности формирования системы внутреннего контроля в компаниях малого и среднего бизнеса

*Общество с ограниченной ответственностью «Группа Компаний Впрокат»
(Россия, Новосибирск)*

doi 10.18411/gq-31-07-2021-23

Аннотация

В статье рассматриваются особенности и этапы формирования системы внутреннего контроля в компаниях малого и среднего бизнеса. Приводится алгоритм и инструменты организации системы бухгалтерского учета, обеспечивающей собственников бизнеса релевантной управленческой информацией.

Ключевые слова: малый бизнес, система внутреннего контроля, система бухгалтерского учета, учетная политика, этапы, особенности организации системы внутреннего контроля в малом и среднем бизнесе.

Abstract

The article discusses the features and stages of the formation of the internal control system in small and medium-sized businesses. An algorithm and tools for organizing an accounting system that provides business owners with relevant management information are presented.

Keywords: small business, internal control system, accounting system, accounting policy, stages, features of the organization of the internal control system in a small and medium-sized businesses.

Малое и среднее предпринимательство играет ключевую роль в социально-экономическом развитии любой страны. Именно данный сегмент экономики обеспечивает развитие здоровой конкуренции, способствует снижению уровня безработицы и повышению инвестиционной привлекательности территорий. Между тем сегодня динамика результативности сектора малого и среднего бизнеса в России неутешительна: темпы роста доходов организаций, включенных в реестр МСП, за докризисный период 2017–2019 годов не превысили уровень инфляции. Согласно опубликованному в начале 2021 года данным Росстата, доля малого и среднего бизнеса в российской экономике в 2019 году (20,6 % ВВП) осталась ниже уровня 2017 года (22 % ВВП). Планы по достижению 32,5 % вклада малого и среднего бизнеса в ВВП к 2024 году, как это было предусмотрено плановыми показателями паспорта национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», на сегодня выглядят мало реалистичными [1].

Сложившаяся ситуация в секторе малого бизнеса России предопределяет необходимость создания в компаниях малого бизнеса надежных систем внутреннего контроля, обеспечивающих:

- упорядоченное, эффективное ведение финансово- хозяйственной деятельности и минимизацию финансовых рисков;
- соблюдение требований законодательства, регламентирующего деятельность малого и среднего сектора экономики;

- своевременную подготовку достоверной бухгалтерской и налоговой отчетности;
- обеспечение сохранности и рациональное использование имущества компаний.

К настоящему времени термин «система внутреннего контроля» достаточно прочно укоренился в системе нормативных актов и подразумевает совокупность организационной структуры, методик и процедур, принятых руководством компании в качестве средств для упорядоченного и эффективного ведения хозяйственной деятельности [2, 3]. Общепринято считать, что система внутреннего контроля любой компании должна включать взаимоопределяющие и соподчиненные функциональные элементы, от работоспособности которых зависит в целом способность этой системы достигать целей управления. Функциональные элементы системы внутреннего контроля представлены на рисунке 1.

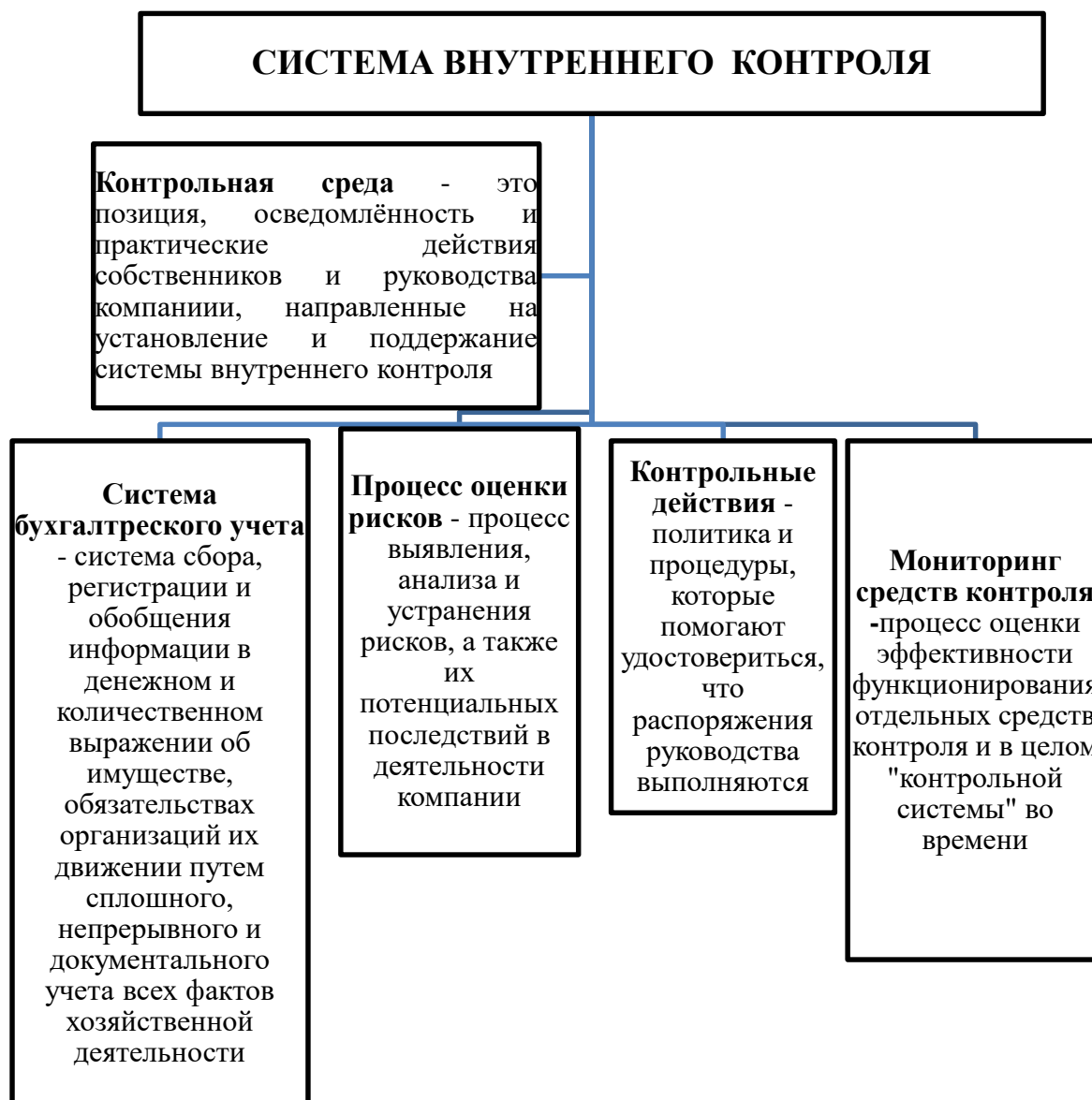

Рисунок 1- Функциональные элементы системы внутреннего контроля компаний

Не умаляя роли каждого функционального элемента, по нашему мнению, фундаментом системы внутреннего контроля компаний малого и среднего бизнеса является система бухгалтерского учета, поскольку именно она призвана:

- формировать релевантную информацию для принятия управленческих решений, в том числе для выстраивания контрольной среды, установления конкретных контрольных действий и процедур их мониторинга;
- обеспечивать контроль сохранности ресурсов и способствовать выявлению нерациональных расходов и неэффективных бизнес-процессов.

Для того чтобы система бухгалтерского учета обеспечивала решение выше указанных задач, по нашему мнению, процесс ее организации должен включать следующие этапы:

Этап 1. Анализ отраслевой специфики деятельности, особенностей основных бизнес-процессов и ресурсного обеспечения малых предприятий.

Этап 2. Анализ положений системы нормативных актов по бухгалтерскому учету, устанавливающих особенности и порядок организации бухгалтерского учета в малом и среднем бизнесе. Особенности организации системы бухгалтерского учета в малом и среднем бизнесе, которые необходимо принимать во внимание на данном этапе, приведены в таблице 1.

Таблица 1

Особенности организации системы бухгалтерского учета в малом и среднем бизнесе

Малые и средние компании вправе:
1. Применять сокращенный рабочий план счетов.
2. Вести учет по простой системе, без применения двойной записи (только для микропредприятий).
3. Использовать упрощенную систему регистров бухгалтерского учета для систематизации и накопления информации.
4. Применять кассовый метод учета доходов и расходов, то есть не соблюдать допущения временной определенности фактов хозяйственной деятельности [4, 5].
5. Составлять бухгалтерскую отчетность по упрощенной системе, в частности: <ul style="list-style-type: none"> - формировать только бухгалтерский баланс и отчет о финансовых результатах по упрощенным формам с показателями по группам статей, без детализации по статьям; - составлять приложения к бухгалтерскому балансу и отчету о финансовых результатах только в случае, если в них необходимо отразить информацию, без которой невозможно оценить финансовое положение организации.
6. Отражать в бухгалтерской отчетности последствия изменения учетной политики перспективно, то есть только в отношении фактов хозяйственной деятельности, свершившихся после введения нового способа учета, без корректировок показателей отчетности прошлых периодов.
7. Исправлять в бухгалтерском учете существенные ошибки прошлых лет, выявленные после утверждения бухгалтерской отчетности за прошедший отчетный год, в порядке, установленном для исправления несущественных ошибок прошлых лет.
8. Самостоятельно выбирать применения конкретных упрощенных способов ведения бухгалтерского учета, исходя из конкретных условий хозяйствования, величины организации и других факторов, руководствуясь требованием рациональности. Если по конкретному вопросу федеральных стандартов нет, то малые предприятия вправе самостоятельно формировать учетную политику рационально величине и специфике бизнеса.
9. Не применять при организации и ведении учета: <ul style="list-style-type: none"> - ПБУ 2/2008 «Учет договоров строительного подряда»; - ПБУ 8/2010 «Оценочные обязательства, условные обязательства и условные активы»; - ПБУ 11/2008 «Информация о связанных сторонах»; - ПБУ 12/2010 «Информация по сегментам»; - ПБУ 16/02 «Информация по прекращаемой деятельности»; - ПБУ 18/02 «Учет расчетов по налогу на прибыль организаций»; - ПБУ 23/2011 «Отчет о движении денежных средств». <p>Микропредприятия, которые могут вести упрощенный учет, вправе не применять ФСБУ 5/2019 «Запасы».</p>

Первые два этапа позволяют спроектировать основные объекты учета, конкретные методы их регистрации, документирования, систематизации информации о них в бухгалтерском учете, процедуры контроля с учетом:

- вариативных методов организации и ведения учета, установленных законодательством для малого (среднего) предпринимательства;
- информационных потребностей руководства и собственников бизнеса.

Этап 3. Разработка учетной политики, устанавливающей организационные и методические аспекты функционирования системы бухгалтерского учета в компании. Данный этап предполагает выбор и установление конкретных методов учета отдельных активов и обязательств исходя из допустимых законодательством упрощенных способов ведения учета в малом бизнесе и информационных потребностей руководства (собственников бизнеса). Так, например, при установлении методики учета основных средств компании малого бизнеса в отличии от крупных представителей бизнеса вправе применять упрощенные способы учета, в частности:

- формировать первоначальную стоимость основных средств исключительно по прямым затратам;
- начислять амортизацию основных средств один раз в год или квартал;
- не проводить переоценку основных средств.

При установлении методики учета нематериальных активов малые компании вправе признавать расходы на приобретение (создание) таких объектов в составе расходов по обычным видам деятельности в полной сумме по мере их осуществления, не прибегая к механизму амортизации, который обязателен для представителей крупного бизнеса.

Этап 4. Разработка системы документооборота. На данном этапе необходимо сформировать и утвердить:

- регистры, которые будут использоваться для накопления и систематизации учетной информации об объектах учета, бизнес-процессах и их результатах, а также и формы их хранения;
- порядок, маршрут движения первичных учетных документов по центрам ответственности и сферу распространения права их подписи.

На завершающем этапе организации системы бухгалтерского учета осуществляется разработка регламентов, устанавливающих конкретные процедуры контроля сохранности имущества и обязательств, периодичность его осуществления и центры ответственности.

Приведенные рекомендации позволят компаниям малого и среднего бизнеса создавать системы бухгалтерского учета, отвечающие требованиям действующего законодательства, способные обеспечивать руководство и собственников бизнеса релевантной информацией для принятия управленческих решений и мониторинга эффективности бизнес-процессов.

1. Бюллетень Счетной палаты № 4 (281), 2021г.
2. «Перечень терминов и определений, используемых в правилах (стандартах) аудиторской деятельности» (утв. Комиссией по аудиторской деятельности при Президенте РФ от 25.12. 1996 года)
3. Письмо Минфина РФ от 25.12.2013 N 07-04-15/57289 о направлении рекомендаций N ПЗ-11/2013 «Организация и осуществление экономическим субъектом внутреннего контроля совершаемых фактов хозяйственной жизни, ведения бухгалтерского учета и составления бухгалтерской (финансовой) отчетности».
4. Приказ Минфина России от 06.05.1999 N 32н «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Доходы организации» ПБУ 9/99»
5. Приказ Минфина России от 06.05.1999 N 33н «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Расходы организации» ПБУ 10/99»

SECTION VIII. PHILOSOPHY

Чумаков В.А.

К вопросу созидания разумного социализма

(Россия, Дзержинск)

doi 10.18411/gq-31-07-2021-24

Аннотация

В докладе представлены философские воззрения на смену общественно-экономических формаций, основанных на материалистическом понимании истории, практике Октябрьской революции и выводах регулятивно-диалектического материализма.

Ключевые слова: ноосфера, эволюция, революция, повторный или возвратный капитализм, социально-экономическая формация, социализм.

Abstract

The report presents philosophical views on the change of socio-economic formations based on the materialist understanding of history, the practice of the October Revolution and the conclusions of regulatory-dialectical materialism.

Keywords: noosphere, evolution, revolution, repeated or returnable capitalism, socio-economic formation, socialism.

1. Философия и современность

Ноосферный (Разумный) Социализм, развиваемый школой А.И. Субетто, является одним из предполагаемых вариантов будущей общественно-экономической формации (ОЭФ), понятия, используемого в рамках *исторического материализма*, для обозначения сущности общественного устройства. Она поддерживается властной структурой, которая определяет основные социально-экономические характеристики общества. В настоящее время известно пять ОЭФ: первобытно-общинный строй, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и социалистическая формации. Основное различие между ними сводится к характеру собственности на средства производства: личному или общественному, которая указывает на наличие или отсутствие эксплуатации человеком человека. Общественная собственность, связанная с отсутствием эксплуатации, свойственна исторически самой первой первобытно-общинной и, пока последней из существовавших, социалистической формации. Другие ОЭФ задают те или иные степени угнетения и эксплуатации.

Автор, анализируя случившуюся деградацию СССР, и наступление особого компрадорско – феодального строя, мало похожего на существующий западный капитализм, добавил к приведённому списку ОЭФ ещё одну – *возвратный* или *повторный капитализм*, возникший при отсутствии твёрдо выверенного, социалистического пути развития Советского Союза, связанный с разложением правящей коммунистической партии и разрушением некогда великой державы. Возвратный капитализм, в отличие от исторически развивавшегося капитализма западных стран, построен на приватизации государственной, считай общенародной собственности, что позволило некоторым ловким людям сравнительно быстро создать значительные частные капиталы и образовать особый класс – российский олигархат. Молниеносное создание класса миллионеров, а затем и миллиардеров, включая долларовых, вызвало во многих странах устоявшегося капитализма неблагоприятное отношение к РФ, дающее возможность введения различных экономических санкций против страны и её политической власти. Власть предрержающая и сам президент предельно внимательно *контролируют* общественные процессы, чтобы никоим

образом не допустить установление нового, более справедливого общественного строя, разрушающего привилегии властной команды.

Сознательное желание передовых учёных заменить существующее устройство РФ, её ОЭФ на нечто более прогрессивное, как говорится в этой среде «образовать Ноосферный Социализм», сводится к необходимому устранению существующей власти, откровенно говоря, к её свержению, поскольку добровольный уход команды Путина не ожидаем, из-за их опасения попасть под судебное расследование. *Кто сказал А – «Ноосферный Социализм», должен сказать и Б – как эту смену власти произвести практически.* Необходимы определённые действенные меры, для устранения неэффективной и лицемерной власти повторного капитализма. Что же может предложить в этих случаях социальная философия в лице *исторического материализма*, либо *практика Октябрьской революции*, приведшая к победе пролетариата или *регулятивно – диалектического концепция* (РДК) социального существования и развития, разработанная автором [4, с. 55-61, 5, с. 31-38].

2. Анализ эволюции в понятии «материалистического понимания истории»

Исторический материализм, как философия беднейших трудящихся масс, формировался на протяжении почти ста лет, с середины 19 и до середины 20 столетия трудами К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина и И. Сталина и многими другими видными мыслителями этого времени. Проблема исторического развития, в частности, установление новой ОЭФ обсуждалось в основополагающей части истмата - *материалистическом понимании истории* (МПИ), основные положения которой изложены К. Марксом в лаконичном предисловии к книге «К критике политической экономии», изданном в 1859 году.

Первый тезис МПИ гласит: *«Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»* [2, с. 6], которое вызывает, при знакомстве, естественное удивление и неприятие. Почему человек, как лицо, ответственное за своё поведение, *не может определять* свою жизнь, своё бытие, являющееся объектом личного управления, изменять его по своему желанию или по необходимости? Построить дом, жениться, завести детей, или вовсе остаться холостым? Это положение никак не объясняет происходящие в жизни изменения бытия, которые могут происходить только вследствие появления желания или некоторой особой цели человека и его осознанных действий по изменению этого бытия. Диктат бытия, следующий из второй части этого тезиса, противоречит субъективной природе человека и его основы - свободы воли, вызывая законное недоумение. А как на самом деле?

В действительности развитие, общественные процессы связаны с получением сознанием человека информации о состоянии бытия и его анализа, в результате чего человек может планировать и производить действия по его изменению. Бытие способно лишь информировать сознание о своём состоянии, указывая информационным образом на неосуществлённые возможности своего изменения осознанной деятельностью человека.

Маркс, определяя бытие первичным элементом в связке сознание – бытие, ввёл материализм в социальную философию, исключив идеализм из её основ, однако произведя это таким запутанным и не логичным способом, которое отбросило сознание человека в подчинении бытию, вызывая у читателя недоумение. Эта *однозначность* авторского понимания взаимосвязи сознания и бытия могла произойти из-за отсутствия чёткого понимания *разделения* социально - философских особенностей социума: бытие первично, сознание вторично, от практического, управляемого воздействия человека на элементы бытия, состояние которых не отвечает интересам и нуждам человека.

Основой жизни для человека является не философское понимание материальности мира в его борьбе с идеализмом, а практическое изменение, преобразование бытия, вследствие чего на первое место выходит деятельность человека в качестве *субъекта управления бытием*. Информация от бытия указывала сознанию своё реальное состояние, на основании которого человек определял свои действия и поступки. Это как в русских сказках, когда витязя «останавливал» камень с предостерегающими надписями: налево пойдёшь – убитым будешь, направо пойдёшь – богатым будешь, а прямо пойдёшь – женатым будешь, информируя человека о возможных предстоящих бедствиях. Но только сам *путник решал, и, выбирая, определял свою дальнейшую судьбу*, не всегда поддаваясь уговорам о счастливом браке.

В 1886 году Ф. Энгельс опубликовал работу «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», в которой сформулировал материалистическое решение основного вопроса философии (ОВФ), утверждая, что материализм освещает только момент зарождения Вселенной и всякое его иное употребление *вносит «путаницу»*, невольно *противопоставляя* своё понимание материализма, материалистическому пониманию истории, так нелепо поставившему сознание в подчинение бытию [7, с. 283].

Поднимаясь выше по временной лестнице, можно увидеть, что в теории взгляды В. Ленина несколько отличались от марксова понимания социальных отношений. Разбирая в книге «Материализм и эмпириокритицизм» связь общественного бытия и сознания в параграфе «Как Богданов исправляет и “развивает” Маркса» он указал на ошибочность и «неверность» вывода Богданова о том, что: «Общественное бытие и общественное сознание, в точном смысле этих слов, тождественны» [1, с. 342]. Ленин продолжает, что они «не тождественны, - ...как не тождественно бытие вообще и сознание вообще... Общественное сознание *отражает* общественное бытие – вот в чём состоит учение Маркса... Сознание вообще *отражает* бытие, - это общее положение всего материализма» [1, с. 343] (курсив - В.И. Ленина). И в этом он противоречит Марксу, который утверждал, что бытие «*определяет*» сознание. Приходится согласиться, что глагол «определяет» имеет совсем не тот смысл, что «отражает». Развивая мысль Ленина, можно сказать точнее, что сознание «*отображает, воспринимает*» бытие, т. е. получает органами чувств приходящую извне информацию для её обработки и решения по необходимому воздействию на выбранный элемент бытия. Здесь, да и, пожалуй, во всей социальной философии, понятие «отображает» более уместно и точнее выражает мысль о постижении чего-либо другого, своей определённой отличающейся от неоднозначного глагола «отражает».

3. Анализ «социальной революции» в понятии «материалистического понимания истории»

Анализируемый выше первый тезис К. Маркса относится к медленным, *стационарным* преобразованиям социума, которые можно назвать *эволюций* или *реформированием*. Самым коренным преобразованием общественного бытия, особенно интересным для нас, является «*социальная революция*», краткая причина которой изложена Марксом во втором тезисе МПИ: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением последних - с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции» [2, с. 6]. Предваряя это высказывание, Маркс пишет о «производственных отношениях, которые *соответствуют* определённой ступени развития их материальных производительных сил», по-видимому, в первых двух - третьих периода времени существования ОЭФ. С течением времени и наступлении стагнации ОЭФ социально-экономические

(производственные) отношения «превращаются в их оковы», *предвещающие* социальную революцию, из которого просматривается определённая *зависимость* производительных сил от социально-экономических отношений. Однако почему торможение производительных сил ведёт к активизации классовой борьбы по установлению новых социальных отношений, не было объяснено и обосновано. Упоминание о классовой борьбе, основы «социальной революции», в тексте МПИ отсутствует, что отрывает соображение Маркса от реальностей общественной жизни. Непонятно, как торможение производительных сил ощущается, чувствуется населением и превращается в классовую борьбу, в социальную революцию?

Не меньше чем «новым мировоззрением» - назвал Энгельс материалистическое понимание истории [6, с. 492]. Вот так, во имя борьбы с идеализмом, был произведён теоретический тезис, который не оказал существенного воздействия на характер революционных процессов. Интересным, как оказалось, использование одинакового метода исследования, как автором данной статьи, так и применённым Марксом при написании книги «К критике политической экономии». Отметая «абстрактную, идеалистическую диалектику Гегеля», «метафизический метод буржуазных экономистов» [6, с. 495] Энгельс указывал, что: «*единственно подходящим был логический метод исследования*» [6, с. 497]. Но о какой логичности можно говорить, если главная мысль краткого предисловия не получила своего развития и объяснения на страницах книги, а сам труд («К критике политической экономии») оказался не завершённым.

Насколько результативны положения Маркса? Было ли практическое использование этих установок и рекомендаций. Например, совершение октябрьского переворота 1917 года не вписывается в положения МПИ о создании социально – экономических «оков» производительным силам, якобы вызывающих «социальную революцию». Неоценимую, огромную помощь большевикам в свершении революции, в успехе, как они сами в начале называли «октябрьским переворотом» оказала Первая Мировая война, разложившая властные структуры, создавшая хаос в общественном устройстве. Нельзя же развал экономики, вызванный войной, назвать впрямую торможением производительных сил социально-экономическими отношениями. Если тезис Маркса о социальной революции ещё как-то соответствовал смене докапиталистических формаций, то переход к социалистическому общественному устройству произошёл отличным от положений МПИ образом. Следует признать, что тезис Маркса о социальной революции не носит универсального характера.

4. Диалектика и управление в разрешении эволюции человека и общества

Изучая основы исторического материализма, анализируя МПИ и, видя указанные недостатки в попытке объяснить социальное существование и развитие, автор пришёл к разработке регулятивно - диалектической концепции (РДК), на адекватной и объективной основе объясняющей динамику социальных изменений. РДК включает две составляющие, описывающие стационарное, реформируемое, эволюционное изменение личности и общества, отмеченное выше, и *нестационарное*, революционное развитие социума, следуя формальному представлению МПИ.

В положении об **эволюционном** развитии общества автор использовал соединение основ *диалектики* и *теории управления*, которые адекватно объясняют личностное и общественное развитие человечества и его бытия. Информация, получаемая сознанием в процессе познания окружающего бытия, вызывает функционирование словесно-логического мышления кибернетического блока сознания, которое формирует своё представление о желаемом состоянии бытия. В сознании человека возникает *диалектическое противоположение* существующего и желательного состояния бытия, которое становится *источником* развития, определяющий его *цель*. Кибернетический блок, в развитие своих представлений о цели

воздействия на бытие, принимает решение по деятельности, направленной на изменение существующего состояния бытия, выдавая соответствующие управляющие сигналы исполнительным органам человека, «включая в работу» процессы *управления существованием и развитием* социума [5, с. 31-38].

Основу теории управления составляет получение *информации*, принятие *решения* и *деятельность*. Теория выделяет в связанной, взаимодействующей системе элементов руководящий – *субъект* управления и подчинённый, управляемый элемент – *объект* управления, соединённые *прямой – деятельностной и обратной – информационной* связью. Субъект получает информацию об интересующем его объекте, логический блок, согласно *цели* управления, определяет нужные изменения в его состоянии, выдавая управляющие сигналы исполнительным органам системы по изменению состояния объекта, контролируя свой труд по линии обратной связи, образовавшегося *замкнутого контура управления*. Взаимодействия и процессы управления становятся тем общим, что свойственно развитию всех форм материи.

Возвращаясь к регулятивно-диалектической концепции, становится ясным, что сознание человека является *субъектом* замкнутой *системы управления* бытием, как *объектом* регулирования. Сознание получает информацию о состоянии выбранного объекта бытия, вырабатывая собственное представление о нужном для человека состоянии этого объекта. В сознании человека возникает *противоречие* между текущим состоянием бытия и своим представлением о его необходимом состоянии. Разрешение *диалектического* противоречия желаемого и существующего является *источником* развития бытия, приводя к выработке словесно-логическим мышлением кибернетического блока сознания решения по деятельному изменению бытия, которое производится речевыми командами, а также исполнительными органами человека: верхними и нижними конечностями.

Регулятивно-диалектическая концепция исходит из понимания управленческого воздействия сознания на бытие, устанавливая необходимое сознанию состояния бытия. Управленческая связь имеет закольцованный, замкнутый характер, в котором можно выделить *руководящий* субъект и *подчинённый* объект регулирования. Философская сущность положения РДК основана на развитии второй стороны основного вопроса философии: «В состоянии ли наше мышление познавать действительный мир, можем ли мы в наших представлениях и понятиях о действительном мире составлять верное отражение (информацию, познание бытия – В.Ч.) действительности» [7с. 283]. К сожалению, Энгельс логически не закончил этот пункт ОВФ, *не указав причину* необходимости «познавать действительный мир», лишь в дальнейшем повествовании завуалировано связал её с практическим преобразованием бытия. Познание *необходимо* связано с деятельностью, которое должно *разрешить* диалектическое *противоречие* между текущим состоянием бытия и необходимыми потребностями и желаниями сознания человека.

Дополнительный вариант объяснения взаимосвязи бытия и сознания появляется из выявления *категорий содержания и формы* социальных образований и изучения их практической, управляемой взаимосвязи. Из анализа сущности и смысла этих категорий диалектики необходимо вытекает, что содержанием социума является бытие, общественное бытие, а формой, является сознание, либо общественное сознание для коллективных образований. Автор показал, что в общественной жизни определяющим, регулирующим элементом является сознание, которое организует и изменяет внутреннюю сущность и внешнее оформление бытия в процессе деятельностного управления окружающего бытия [5, с. 36]. Существующую зависимость содержания социального образования от его формы, завуалированно подтверждают соображения МПИ о торможении развития производительных сил – содержания при отсутствии соответствующего развития социально-экономических отношений – формы ОЭФ.

5. Обоснование содержания «социально – экономической формации»

Изучение революционного, нестационарного развития общества, преследующего цель прогрессивного развития общественного устройства, смены ОЭФ, в понятиях и методике РДК, требует введение нового понимания общественного пространства, нового определения общественно-экономической формации. ОЭФ, включающая производительные силы и более ёмкое и правильное понятие «социально-экономические отношения», вместо используемого в истмате не точного понятия «производственные отношения», составляет ограниченное представление о реалиях общественной жизни, которое потребовало дополнительного введения таких понятий, как базис и надстройка. Для полноценного понимания общественных процессов, автор расширил «номенклатуру» социальных понятий, в которых происходит исследование человеческой жизни и общественного устройства, определяемые ОЭФ. В предложенном автором *обобщённом* МЦФ варианте социального анализа, общество разделено на три составляющие - компоненты, позволяющие проводить полное трёхмерное исследование общественного состояния. Они получили название *ментальной* (М), *цивилизационной* (Ц) и *формационной* (Ф) составляющих, а их *использование* при изучении общества названо **обобщённым ментально – цивилизационно – формационным (МЦФ) анализом** [4, с. 57]. МЦФ компоненты представляют собой следующие понятийные образования.

Цивилизационная составляющая включает материальную культуру: *производительные силы*, технику, технологию, естественные, технические и гуманитарные науки, все виды человеческой деятельности - образование, медицину, искусство и т. д., а также идеальные *регулятивные структуры* в виде индивидуального и коллективного разума, осуществляющие локальное регулирование цивилизационного развития, что говорит о её относительной самостоятельности.

Формационная составляющая берёт начало с момента *расслоения* первобытного общества по имущественному признаку, по отношению к собственности на средства производства и постепенному выделению *антагонистических* классов и сословий, заключающая в себе *социально – экономические отношения* и *классовые взаимодействия*. Формационная компонента проявляется также в политической сфере и правовом урегулировании социально-экономических отношений, а также связанных с ними социальных институтов, например, судебных, полицейских и иных государственных властных органов. Имеющиеся идеальные и организационные структуры противостоящих классов состоят в постоянном противоборстве друг с другом, выражая антагонизм имущих и неимущих классов. Формационная составляющая представляет *сущность социума* и развивается *до наступления бесклассовой фазы* развития общества. Цивилизационная и формационная компоненты составляют единый социально-экономический блок, во многом соответствующий *общественному бытию* – категории *содержания* способа производства [3, с. 197]. В этом блоке содержанием является цивилизационная составляющая, формой – формационная составляющая общества. В социальной материи, развитие содержания *определяется* формой общественной организации, открытой автором [5, с. 31-38].

Ментальная составляющая общества проявляется в организации социальных связей, определяющих взаимные отношения людей, человека и коллектива, а также взаимодействие общества и природы. Появляются зачатки духовной культуры, рождается нравственность, вызревает мировоззрение, идеология, религиозные догмы, волевые, интеллектуальные и т. п. психические качества, которые в совокупности составляют *общественное сознание*, представляющее диалектическую категорию *формы способа производства* [5, с. 31-38]. Расслоение первобытного общества объективно *разделило* единую *ментальную компоненту* на части, представляющие *общественные сознания противостоящих сил: имущих и неимущих, эксплуататоров и эксплуатируемых классов*. Ментальная компонента является, в основном, *идеальной*,

духовной основой общества, *взаимодействующей* и с *цивилизационной*, но в большей степени с *формационной составляющей* общества. Ментальная составляющая, как категория формы способа производства, способна «принимать» решения и даже *определять состояние* формационной и цивилизационной составляющих – содержания способа производства, усиливая или замедляя характер классовой борьбы...

Обобщённый МЦФ анализ даёт полную характеристику общественного единства, которое можно назвать, отдавая дань благодарности прошлому, и подчёркивая его новое наполнение – социально-экономической формацией (СЭФ). Соединение обобщённого МЦФ анализа с РДК составляет регулятивно-диалектический материализм (РДМ).

6. «Социальная революция» в понимании «регулятивно-диалектического материализма»

Эволюция и революция представляют собой различные развивающиеся общественные процессы. Для **революции** характерны сравнительно быстрые, *нестационарные* изменения общественного устройства, в основном его ментальной и формационной составляющих. В отличие от *эволюции*, направленной на некоторые количественные изменения, революция связана с *качественным* переустройством некоторой общественной организованности: в науке, технике, общественных отношениях, духовной жизни общества. Но особенно зримо революция проявляется в изменении общественного государственного устройства. Что же служит источником социальной революции и смены *содержания способа производства*, в которое, как было показано ещё в советское время, должны входить как производительные силы, так и социально-экономические отношения [3, с. 197], или в категориях МЦФ-анализа: цивилизационные и формационные составляющие общества, его общественное бытие. Конечно, это *несправедливое* общественное устройство, приводящее к возникновению противостоящих, *антагонистических* классов неимущего большинства и имущего меньшинства, которое своими властными возможностями удерживает неимущее большинство в повиновении, и, по возможности, нещадно эксплуатирует его.

Понадобилось почти полтора столетия после издания предисловия Маркса, чтобы раскрылась действительная *структура* способа производства, состоящая из указанного *содержания*: производительных сил и социально – экономических отношений – *общественного бытия* и *формы* - *совокупного общественного сознания* – элемента ментальной составляющей общества, открытой автором [5, с. 31-38]. Там же была обоснована *зависимость* диалектической категории содержания произвольного *социального образования* от его *формы*. Сначала определяется форма организации, её назначение, цель функционирования, составляется Устав, происходит информирование населения, после чего происходит отбор состава организации - её членов, изыскиваются средства для существования, помещение для сбора участников и т. п., что является содержанием. В качестве формы, определяющей единство и устойчивость содержания общественной организации, в концепции РДМ выступает идеальная воля, желание и убеждённость коллектива людей, а для способа производства – *общественное сознание*. Общественное бытие *зависит* от общественного сознания, которое не только скрепляет и связывает, но ещё и регулирует общественное бытие. Устойчивость созданной организации определяется формой - совокупностью характеров участников, их единого взгляда на существование и развитие организации, сохранение интересов и цели развития. Распад социальной общности происходит из-за *падения* воли, идеологических и материальных интересов, *утраты* духовного единства, связанных с ослаблением необходимого понимания социальных процессов коллективным сознанием рассматриваемой общности, как это произошло, например, с распадом Советского Союза после такого же развала КПСС.

Противоречие антагонистических сторон совокупного *общественного сознания*, как *формы способа производства*, лежит в основе его развития и в первую очередь в

развитии социально-экономических отношений – формационной компоненты общества. Наступление *осознания* своего бедственного и униженного положения *общественным сознанием* трудящегося большинства приводит, к диалектическому противостоянию с классом имущего меньшинства, и посредством *закономерности единства и борьбы противоположностей*, существующей всегда между *общественными сознаниями имущих и неимущих классов*, и к росту *активности классовой борьбы неимущего большинства*. При благоприятных условиях *диалектическое* разрешение революционной ситуации может привести к успеху *практической революционной* деятельности и *качественному изменению* состояния общественного бытия, его социально-экономических отношений. Изменение формационной составляющей общества *необходимо* ведёт к изменению качества и темпов роста цивилизационной общественной компоненты [5, с. 31-38], характеризуя, в большинстве случаев, прогрессивное общественное развитие.

Об этом свидетельствуют буржуазно-демократические революции XVII-XIX веков, а также российские: Октябрьская революция 1917 года и контрреволюция 1991-1993 годов, показавшая, что социальные революции не всегда носят прогрессивный социально-экономический характер. Регулятивно-диалектический материализм исчерпывающим образом объясняет развитие бытия, что позволяет считать его *закономерностью* исторического социального развития.

7. Выводы из концепции РДМ для практики «социальной революции»

Анализ положений социального развития показывает, что единственно научным представлением общественного развития имеет Регулятивно-Диалектический Материализм. Его положения позволяют наметить реальные шаги по революционной подготовке трудящихся масс к смене способа производства. Одним из главных выводов анализа сводится к изменению общественного сознания неимущего большинства, сделать его преобладающим над общественным сознанием имущего меньшинства, воспитать уверенность и упорство трудящихся в борьбе против эксплуататоров. Неимущие массы должны осознать, что главным препятствием их материального и морального благополучия являются *объединённые* буржуазия и властные чиновники, включая самые высокие чины в их иерархии. В стране ничего не изменится, пока самая последняя бабушка не будет понимать, кто является её настоящим врагом, вот с какой информацией должны идти в народ левые силы. Правдивое информационное раскрытие существующего положения дел в стране позволит *накапливать* в общественном сознании трудящихся *потенциал сопротивления* имущему меньшинству, чтобы в некоторый момент времени, составляющая общественного сознания эксплуатируемого класса о необходимости смены буржуазного правления, *превозмогла* составляющую общественного сознания эксплуататорского класса и появилась возможность, путём *классовой борьбы*, в частности на *демократических выборах*, изменения социально-экономических отношений, и установления справедливого общественного устройства.

Главным врагом трудящихся масс являются не иностранные президенты, канцлеры и премьер-министры. Например, для РФ в качестве врагов следует считать правителей, которые допустили *«прихватизированное» разграбление* народного хозяйства, а затем *обрушение* целых отраслей промышленности. Исчезло производство подшипников, необходимых для машиностроения, приказало долго жить станкостроение, перестали строиться пассажирские самолёты, а возможно существуют и многие другие негативные обстоятельства, о которых простые люди не подозревают. Сюда следует отнести *повышение возраста выхода на пенсию* пожилых людей, многие из которых просто не доживут до её получения, непрерывное *повышение цен* на продукты питания, при *замороженной* заработной плате. Им бы взять положительное, что было в Советском Союзе, её экономическую независимость, самодостаточность, наличие дружественных стран по всему миру, блистательное освоение Космоса. Ничего

этого не осталось, всё ушло в желание *сохранить любыми способами власть*, включая постыдную драпировку Мавзолея к каждому народному празднику и такое же лицемерное изменение Конституции. Для её одобрения избирателями власти пришлось в текст поправок к Конституции включить множество бесспорных положительных пунктов, вроде охраны животных и прочих несущественных обстоятельств жизни, *решаемых в законодательном порядке* в Госдуме, без изменения Конституции, скрывая за этим главное – *обнуление* сроков президента, что сулит его *пожизненное*, правление. Надо прямо говорить о промахах и ошибках правления «гаранта» РФ, действия, которого были направлены на создания своего высокого рейтинга на показушных делах, вроде полёта с журавлями на дельтаплане или находка древней амфоры на дне Чёрного моря и многие другие подобные «спектакли». Вот только дел направленных на народное счастье за ним не было замечено, одни обещания, вроде 25 миллионов рабочих мест или экономического равенства с Португалией, неизвестно достигнутого или нет.

Новое общественное устройство, которое будет создаваться на развалинах повторного капитализма, должно с первых моментов акцентировать внимание людей на своё *разумное воздействие* по изменению общественной, экономической и культурной жизни. *Разумность станет лозунгом новой жизни*. Слово ноосфера может остаться в научном обиходе, но для общения с народом нужны понятные любому слова: *разумность, взвешенность, правдивость, продуманность, правильность, справедливость*, которые должны стать государственными девизами.

Большевики, установив новую власть, устранив класс эксплуататоров, *не всегда действовали разумно*, взвешивая каждый шаг, каждое изменение общественной жизни, вызывая иногда в народе недоверие, вплоть до сопротивления. В этом истоки братоубийственной Гражданской войны, преследование зажиточных крестьян, установление культа личности, которое, снизив потенциал личной инициативы и самостоятельности, позволило фашистам в первые месяцы Отечественной войны подойти к Москве. Ну а далее были необоснованные «виляния» генсеков, начиная с освоения целины, до провозглашения скорого наступления коммунизма, закончившееся словами, что: «экономика должна быть экономной». Не всегда советские власти заботились о благосостоянии народа, больше внимания обращая на неразумный, бессмысленный выпуск межконтинентальных ракет, *включившись в гонку вооружений*, инициированной американцами. При этом в среднем звене управления страной зрели желания *личного обогащения*, закрепление в личной собственности общественных средств производства.

Субъективное, единоличное, не ограниченное разумными помыслами действия, привели к *сдаче власти компартии*, запустив процесс капитализации и разрушения Советского Союза. Ну а далее вакханалия девяностых годов прошлого столетия, становление возвратного капитализма, правление Ельцина, а затем его ставленника Путина. Последний, путём изменения Конституции, добился неограниченного правления, продолжая лицемерно повторять о своей любви к России. Надо признать, что за весь рассмотренный период субъективно-эгоистического правления разных партий и личностей *отсутствовал разумный подход* к существованию и развитию страны и его народа.

Вот на эту разумность и следует уповать новым властям в РФ, которая придёт на смену прогнившего, показного правления вечно молодого – посмотрите на гладкое, будто исколотое ботексом, лицо президента. Понятие Разумный Социализм должно войти в *обиход народа*, в его желания, в разговоры за кухонным столом, в очередях на прививку, в бане. О нём должен мечтать угнетённый народ. Какими же элементами «разумности» должно сопровождаться управление страной властью Разумного Социализма? Маркс и Энгельс указали лишь *общее направление* социально-экономического развития: общественную собственность на средства производства и

диктатуру пролетариата. При этом Разумный Социализм должен опираться на народное мнение, обязательное проведение референдумов, предотвращения возвратного, регрессионного развития, случившегося с Россией в конце прошлого века. Этому будет способствовать *коллегиальное правление* для претворения в жизнь *национальной идеи*: неуклонный рост благосостояния народа в обеспеченной, свободной от угнетения, самодостаточной и культурной стране, напоминающие известные идеи *Коммунизма*.

Капитализм, как общество, устроенное на личной собственности на средства производства, является *тупиком* развития человечества, должен быть заменён общественной формой способа производства. В настоящее время реально возможна только *мирная смена власти* в результате выборного процесса, вот для чего и нужна *правдивая информация народу о реальном положении дел в стране и обществе*. Люди должны знать, что только левые силы, взявшие власть могут реально изменить положение народных масс, добиться их реального благополучия. Встаёт задача *объединения всех левых* и, сочувствующих их устремлениям политических сил. И некоторым из них надо поступиться в лидерских амбициях. Например, выдвинуть единого кандидата на выборах президента, пускай он будет не представителем КПРФ, а некто другой, надёжный в своём служении народу, близкий им по своим убеждениям. Такая личность недавно была обнаружена и даже успела побывать в домашнем заточении почти год, без особых поводов, просто власть имущих поняла, что её надо *отстранить* от политической деятельности, хотя бы от сентябрьских выборов в Госдуму. Вот такой человек пригодился бы неимущему большинству на следующих президентских выборах. Левый президент явится *залогом изменения* социально-экономического курса и обеспечения желаний трудящихся масс.

Для обеспечения реальных результатов голосования необходима будет тщательное слежение за выборным процессом, наличие принципиального *наблюдения за голосованием*, которое будет трудно осуществить, поскольку власти раздвинули период голосования на 3 дня. Здесь возникает проблема возможного отказа власти от признания результатов выборов, введения чрезвычайного положения и установления бессрочного президентского правления. При хорошем единстве левых сил и отчётливом представлении людей о возможных ответных действиях, может потребоваться призыв победившей, но отстранённой от результатов выборов политической силы к *общенародной бессрочной забастовке*. Только единое, общенародное действие сможет добиться реальной смены власти и дальнейшего поступательного развития **Разумного Социалистического Отечества**.

1. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. П.С.С., т. 18.
2. Маркс К. К критике политической экономии. К. Маркс, Ф. Энгельс, соч. т. 13.
3. Материалистическая диалектика как научная система. Под редакцией проф. А.П. Шептулина. М., 1983.
4. Чумаков В.А. К вопросу закономерности развития общественно-экономических формаций // Система экономической сферы общества. Материалы 40 академического симпозиума, 15 ярмарки идей – Н. Новгород: изд. Гладкова О.В., 2012, с. 55-61.
5. Чумаков В.А. Регулятивное развитие социальной материи // Вестник пермского университета. Философия. Психология. Социология. Научный журнал. 2014, № 2, с. 31-38.
6. Энгельс Ф. «Карл Маркс. К критике политической экономии». К. Маркс, Ф. Энгельс, соч. т.13.
7. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. К. Маркс, Ф. Энгельс, соч. т. 21, 1961, 745 с.

Scientific publication

General question of world science

The collection of scientific papers of the materials International scientific conference
«General question of world science»
31 July 2021